

ISSN 2470-0126 (print)
ISSN 2470-0134 (online)

ВЕСТНИК
ПУШКИНСКОГО ОБЩЕСТВА АМЕРИКИ
ВЫПУСК 3

Декабрь 2016

К ЧИТАТЕЛЯМ

Дорогие читатели!

Мы продолжаем выпускать «Вестник Пушкинского общества Америки», в котором публикуем архивные документы Общества, материалы мировой пушкинианы, информируем о событиях культурной жизни нашей организации, представляем американских и русскоязычных поэтов, писателей, художников и музыкантов. Периодичность выпуска — с учётом реальности около раза в год. Рассылка производится всем желающим по электронной почте, а также во многие библиотеки США и славистические центры университетов. Ждем ваших откликов. Если вы хотите подписаться на «Вестник», отказаться от подписки или прислать свои материалы для возможной публикации, обращайтесь ко мне: einschlag@gmail.com. Все предыдущие выпуски можно найти на нашем сайте www.americanpushkinsociety.com. Печатную версию «Вестника» можно купить на lulu.com.

С уважением, Дмитрий Гаранин, ответственный редактор.

НАШИ ИСТОКИ

Петр Струве: ДУХ И СЛОВО ПУШКИНА

От редакции:

24 июня 2016 года на открытом заседании Совета директоров Пушкинского общества Америки состоялось обсуждение данной статьи, которая остается актуальной в современном осмыслении гения поэта. Дискуссия была посвящена дню рождения А. С. Пушкина.

Впервые статья опубликована в Белградском Пушкинском сборнике (Белград, 1937). С дополнениями: Струве П. Б. Дух и Слово: Статьи о литературе.

Струве Петр Бернгардович (1870—1944) — общественный деятель, экономист, философ, публицист, один из лидеров кадетской партии; в эмиграции — профессор Русского юридического факультета в Праге, член Пушкинского комитета в Югославии.

Посвящается памяти внука великого поэта, Сергея Александровича (Сережи) Пушкина, которому, как ученику III класса Третьей СПб гимназии, я, в роли репетитора, "вдалбливал" латинскую, греческую и русскую грамматику.

I. Дух и душа Пушкина

Дух не есть Душа. Не только в новейшем, столь модном в современной Германии, смысле Людвиг Клагеса, который создал хитроумное учение о духе как коварном антагонисте души (2), но и в том более простом и более правдивом смысле, который был заложен греческой философией пифагорейцев и философией Сократа-Платона и окончательно утверждён христианской философией апостола Павла и его истолкователей. Первоначально душа и дух (дыхание) наивно-

материалистически (космологически) отождествляются. Так, в знаменитом афоризме Анаксимена душа (psyche) отождествляется с воздухом (aer), а дух (pneuma) характеризуется как дыхание мира (3). Дальше философская мысль все яснее и яснее отличает и отмежевывает дух от души, и это различие их, как двух сил, или, вернее, двух слов, или пластов, человеческого бытия, окончательно торжествует в философии апостола Павла. Вы помните: "Сеется тело душевное, восстает тело духовное" (I Коринф., XV, 44), ибо "тленному ... надлежит облечься в нетление, и смертное... облечется в бессмертие". Эти слова великого первоучителя христианства вдохновляли величайшего его церковного витию Иоанна Златоуста, и через него каждый год в Светлую ночь укрепляют и утешают православных христиан. То, воистину, – не только вещи, но и священные слова, и из всех великих творцов Слова, они всего полнее оправдываются на величайшем гении русского Слова и Духа, когда мы любовно изучаем Слово и из Слова постигаем Дух Пушкина. Именно Дух. Не мятущуюся душу, преданную страстям, не душу, всецело не только подвластную "душевному" или "животному" телу, но и составляющую с ним нечто единое, а дух ясный, простой и тихий, смиренно склоняющийся перед неизъяснимым и неизреченным.

Слово у нашего Пушкина таинственно-неразрывно связано с Духом. Неслучайно и недаром, ведь, этот несравненный художник русского Слова, самый могучий его творец и служитель, называл себя "таинственным певцом" ("Арион"). Через тайну Слова Пушкин обрел Дух, и этот Дух он воплотил в Слово. Поэтому, говоря о Духе Пушкина, нет надобности распространяться об его жизни, с ее страстями и ошибками, с ее грехами и падениями. Эту жизнь нужно узнать, чтобы познать Дух Пушкина. Этой жизнью, конечно, жила, в ней и ею наслаждалась и страдала, упивалась и изнывала его душа. Но эту жизнь преодолевал его Дух. Преодоление себя, своей Души в Слове и обретение через Слово своего Духа есть самое таинственное и самое могущественное, самое волшебное и чарующее, самое ясное и непререкаемое в явлении: Пушкин.

Это не есть громкая фраза, не есть безответственное провозглашение общих мест. Когда я ощутил эту тайну, эту таинственную связь Слова и Духа в личности и творчестве Пушкина, я дал обет довести для себя и для других эту связь до полной ясности, до непререкаемой отчетливости, до себя самое объясняющей простоты. Обретши эту тайну непосредственным видением, я решил оправдать свое видение кропотливым изучением, выводы и утверждения которого могли бы быть схвачены и проверены всяким.

Ключ к Духу Пушкина в его Слове. Конечно, и душа Пушкина отразилась в его словах и стихах. Душа человека, о котором директор Царскосельского Лицея сказал, когда Пушкину не было еще двадцати лет: "Если бы бездельник этот захотел учиться, он был бы человеком, выдающимся в нашей литературе"; о котором его товарищ и друг, декабрист Пущин, обмолвился меткой характеристикой: "странное смешение в этом великолепном создании". Но, ведь, самым странным смешением в этом создании было именно сожительство души, которая "жадно, бешено предавалась наслаждениям" (Лев Пушкин), "неистовым пирам" и "безумству гибельной свободы", тому, что честный и мудрый Александр Тургенев метко, с ласковой, почти отеческой, тревогой за "Сверчка" в 1817 г. назвал "площадным волокитством" и также "площадным вольнодумством", сожительство этой души с совершенно другой стихией. С Духом, подымавшимся на такую высь, на которой этому Духу было доступно подлинное ясновидение и Боговидение, и он в ясной тишине и тихой ясности, художественно преображая этот мир, касался миров иных и приближался к Божеству.

В свете этой мысли о сожительстве в Пушкине неистово-страстной и жадно-безумной души с ясным и трезвым, мерным и простым Духом становятся совершенно понятными и приобретают огромный не только психологический, но и подлинно религиозный смысл такие произведения, как "Поэт" ("Пока не требует поэта..."), как "В часы забав иль праздной скуки...", как "Воспоминание" (4).

Дух Пушкина подымался на высоту и погружался в глубину (5). Но душа его мучительно тосковала и подлинно трепетала в этих таинственных восхождениях и нисхождениях, пока, наконец, сливаясь с Духом, она не обрела мерности в "восторге пламенном и ясном", не смирялась перед Богом в "ясной тишине". Это давалось нашему великому поэту в каком-то отношении, как человеку страстному, нелегко. Он сам, как человек, был всю жизнь раздираем тем, что он назвал чудесно-метким, им вычеканенным, словом: "противочувствия". Но была и в его страстной и подчас неистовой душе струна, которая была органически созвучна ясности и тишине духа. То была его человеческая доброта. Пушкин мог быть и злым и даже, как сказал однажды кн. П. А. Вяземский, злопамятным. Но злоба и злопамятность в нем как бы взрывалась и такими взрывами истощалась в его душе. А в этой душе в то же время был неиссякаемый источник доброты и простоты. Эта душевная доброта Пушкина была созвучна его духовной ясности, и она в его поэтическом творчестве водворяла ту гармонию противоположностей, о которой говорили некогда пифагорейцы и Николай Кузанский.

О доброте Пушкина мы имеем много свидетельств. Но все они получают то значение, о котором я говорю, лишь в сопоставлении с драгоценными воспоминаниями о Пушкине умного и честного П. А. Плетнева: "Любимый со мною разговор его, за несколько недель до его смерти, все обращен был на слова: "Слава в вышних Богу, и на земле мир, и в человецех благоволение". По его мнению, "я много хранил в душе моей благоволения к людям" (6), и далее: "Написать записки о моей жизни мне завещал Пушкин у Обухова моста во время прогулки за несколько дней до своей смерти. У него тогда было какое-то высоко-религиозное настроение. Он говорил со мною о судьбах Промысла, выше всего ставил в человеке качество благоволения ко всем, видел это качество во мне, завидовал моей жизни" (7).

II. Слово и слова Пушкина

Художник и мастер слова говорит словами. Какие же слова, полные не условного, а существенного, душевного и духовного, смысла, всего чаще встречаются в творениях Пушкина; особенно в чисто художественных?

Когда я непосредственным видением, интуицией уловил и познал дух Пушкина, присущую ему чудесную гармонию пламенного восторга и ясной тишины, я эту гармонию-употребляя пушкинское выражение-"поверил", правда не "алгеброй", а простым счислением, довольно точным счетом. И что же получилось? Самыми любимыми словами, т. е. обозначениями вещей, событий и людей, у Пушкина оказались прилагательные: ясный и тихий и все производные от этих или им родственные слова.

Еще раньше я в специальном этюде установил значение для Духа, т. е. для мысли и чувства Пушкина, другого понятия: неизъяснимый. Понятие это полярно понятию ясный, как его отрицание. Ясный дух Пушкина смиренно склонялся перед Неизъяснимым в мире, т. е. перед Богом, и в

этом смирении ясного человеческого духа перед Неизъяснимым Божественным Бытием и Мировым Смыслом и состоит своеобразная религиозность великого "таинственного певца" Земли Русской.

Но, установив это, естественно было и надлежало пойти дальше. На всем пространстве Пушкинского творчества с его юношеских и до самых зрелых произведений слова: ясный и неизъяснимый, тихий и тишина сопровождают его мысль и чувство.

Как мыслили и чувствовали предшественники Пушкина? Вот что обнаружилось при историческом исследовании пушкинского слова. Исторически оно восходит по своему основному смыслу и стилю к В. К. Тредьяковскому и к М. В. Ломоносову. Эпитеты "ясный" и "тихий" и производные от этих прилагательных слова встречаются особенно часто у Ломоносова. И у него же мы встречаем сочетание существительных "ясность" и "тихость" (хотя чаще у Ломоносова существительное "тишина"; "тихость" у Пушкина совсем не встречается). У него же впервые – "Ясная тишина". Принимая во внимание, что Пушкин превосходно знал русских поэтов XVIII века, в частности и в особенности Ломоносова, и не только его стихотворные произведения, но и его "Реторику", мы здесь - в отношении пушкинского словоупотребления – должны усматривать, конечно, не заимствования, а просто естественную преемственность словесной традиции. И это не могло быть иначе! Пушкин, как один из творцов русского слова, стоит всецело на плечах XVIII века, продолжая две его традиции или два его подвига, одинаково важные: усвоение книжному русскому языку элементов языка церковно-славянского и впитывание элементов и богатств народного языка в язык книжный. Первое есть дело больше всего словесного мастерства Ломоносова. Второе – дело Державина и, в особенности, издателей народных или ставших народными песен, больше всего – Новикова и Чулкова.

Пушкин продолжал оба эти дела, и он оба названных элемента русского литературного языка окончательно спаял в некое органическое единство. Это есть величайший подвиг в истории русского языка, подвиг, в котором Пушкин проявил и весь свой гений художника слова, и всю силу своего проникнутого мудрым историзмом духа. В этом подвиге Пушкина у него было два ближайших предшественника: Державин и Жуковский, которые в этом духовном смысле еще ближе, еще родственнее Пушкину, чем Ломоносов.

III. Судьба и рост Пушкина как культурного явления

Пушкин – величайшее явление русской культуры, значение которого в истории не уменьшается, а непрерывно возрастает в России и для России. Еще при жизни Пушкин был любимейшим, самым понятным и самым дорогим для русского сердца из всех писателей. Он при жизни стал народным, хотя рядом с ним жили и действовали писатели, язык, мысли, слова, предложения которых не меньше, а больше пушкинских вошли в народный обиход: назову Крылова и Грибоедова. Затем наступила смерть Пушкина, с ее всем доступным и всех до глубины души взволновавшим трагизмом. "Погиб поэт, невольник чести..."

А потом настала эпоха какого-то, быть может, лишь видимого и даже мнимого потускнения лучезарного образа Пушкина в русских умах: 60-е и 70-е годы. Но это потускнение было мнимым, и когда в 1880 году был открыт на редкость удачный, благородный в своей простоте памятник Пушкина в Москве, Россия гениальным и пророческим взором вновь открыла Пушкина, и он раскрылся перед нею. Это открытие и раскрытие Пушкина через вещее слово Достоевского есть для

меня, который был в это время ребенком, первое сильное, чисто духовное, чисто культурное переживание, потрясение и откровение.

Затем 1887 год – истекает срок авторского права на сочинения Пушкина, и в миллионах экземпляров его творения растекаются по необъятной русской земле. Если смерть Пушкина была первым раскрытием его величавого образа, а чествование его памяти в связи с освящением памятника было таким вторым раскрытием, то 1887 год знаменует целую эпоху в том процессе, которым Пушкин становился подлинно народным.

Откуда и в чем это величие Пушкина как культурного явления? Как все великие явления такого рода, как все гении, Пушкин органически вырос. Он больше своих предшественников, он намного выше своих современников, но он неразрывно с ними связан. Есть какое-то неизъяснимое наслаждение – я нарочно употребляю это чисто пушкинское слово, заимствованное им у Державина и Карамзина – следить за тем, как Пушкин подготавливается, т. е. органически вырастает из всего предшествующего развития, как к нему ведет и духовная (точнее духовно-языковая) сокровищница Церкви и богослужения, ведет творчество Ломоносова, и Фонвизина, и Озерова, и Державина, и Карамзина, и Хемницера, и Крылова, и Жуковского, и Батюшкова, и, наконец, та широкая волна подлинной народной поэзии, которая, вместе с знаменитыми сборниками народных песен Чулкова и Новикова, проникает в русскую образованность и органически в ней претворяется.

В лице Пушкина – быть может, даже не вполне заметно и ощутимо для него самого – история подвела итог огромной культурно-национальной работе, произведенной в великое пятидесятилетие, гранями которого являются 1765 год, один из первых годов славного Екатерининского царствования, и 1814 год, год рождения Пушкина, не как физического лица, а как великого русского поэта.

IV. Величие Пушкина

Итак, Пушкин – гений, пожавший историческую жатву и в то же время непрерывно выраставший при жизни и после смерти. В чем же величие Пушкина, в чем разгадка неуклонного роста его значения для России и русской культуры?

Пушкин – самый объемлющий и в то же время самый гармонический дух, который выдвинут был русской культурой. Не в том только дело, что Пушкин не элементарен, а многосоставен и в лучшем смысле многолик. Пушкин – самый ясный русский дух.

Пушкин ясен во всем многообразном смысле этого прекрасного русского слова. Он – ясный день и он – ясный сокол. Он – живой образ творческой гармонии, он – красота и мера. Есть что-то для русской культуры пророчески – ободряющее, что именно Пушкин, этот спокойный великан, стоит в начале русской подлинно национальной самобытной литературы. Вспомним его собственные гениальные слова:

В мерный круг
Твой бег направлю
Укороченной уздой...

Пушкин в этой мерности художнически переживал и духовно утверждал – ясную тишину, как некое вполне доступное человеку, ему естественное религиозное начало. Вот чем – в том его окончательном и окончательно зрелом образе, который он завещал России и русскому народу – дорог нам Пушкин, вот чем он учителен и водителен для нашего времени.

Пушкин не отрицал национальной силы и государственной мощи. Он ее, наоборот, любил и воспевал. Недаром он был певцом Петра Великого.

И в то же время Пушкин, этот ясный и трезвый ум, этот выразитель и ценитель земной силы и человеческой мощи, за доступной и естественной человеку ясной тишиной духовно прозревал неизъяснимую тайну Божию, превышающую все земное и человеческое, и перед этой тайной Божьей смиренно и почтительно склонялся. Да, его припадание к Тайне Божией было действием, можно сказать, стыдливым. Религиозности Пушкина было чуждо все показное и крикливое, все назойливое и чрезмерное. Пушкин знал, что всякая земная сила, всякая человеческая мощь сильна мерой и в меру собственного самоограничения и самообуздания. Ему чужда была нездоровая, расслабленная чувствительность, ему претила пьяная чрезмерность, тот прославленный в настоящее время "максимализм", который рождается в угаре и иссякает в похмелье.

Пушкин почитал предание и любил "генеалогию". Глядя "вперед без боязни", прозирая в будущее, он спокойно и любовно озирает прошлое и в него погружался. И в то же время он ощущал и переживал – Тайну. Вот почему Пушкин первый и главный учитель для нашего времени, того времени, в котором одни сами еще больны угаром и чрезмерностью, а другие являются жертвами и попутчиками чужого пьянства и похмелья.

Эпоха русского Возрождения, духовного, социального и государственного, должна начаться под знаком Силы и Ясности, Меры и Мерности, под знаком Петра Великого, просветленного художническим гением величайшего певца России и Петра, гением трезвости и ясной тишины, за которой высится и чуется таинственная Правда Божья.

V. Ясная тишина

Итак, основной тон Пушкинского духа, ту душевно-космическую стихию, к которой он тянулся, как творец-художник и как духовная личность, можно выразить словосочетанием: "ясная тишина". У самого Пушкина это словосочетание не встречается, но по смысловой сути принадлежит ему, есть его духовное достояние. Исторически, как я сказал, оно явственно восходит к Ломоносову, который в одном письме говорит об "ясности и тишине", а в одной надписи и прямо употребляет словосочетание "ясная тишина". Еще явственнее духовный смысл сочетания ясности и тишины у Державина и Жуковского, которые в этом отношении родные старшие братья Пушкина. Жуковский, по-видимому, независимо от Ломоносова, вновь пустил в ход самое словосочетание, которое у него, оценивая и обсуждая Пушкина, заимствовал кн. П. А. Вяземский.

Прилагательные "тихий" и "ясный", как все отвлеченные понятия, имеющие длинную и подлинную историю, представляют сочетание двух видений: видения Плоти и видения Духа, т. е. в этих словах выражаются восприятия плотские, телесные, вещественные, и душевные, духовные, сверхчувственные. И в то же время, как всегда, тут, в этом противоборстве телесного и душевного, плотского и духовного, чувственного и умопостигаемого (интеллигибельного) есть и ощущается неизъяснимая прелесть какого-то непостижимого, сверхопытного родства и единства

идей и слов, при осязательном и даже дразнящем их противоборстве. Это противоборство может быть преодолено и преодолевается только таинственным религиозным единством, и начало душевное есть объективно и субъективно связующее звено между началами плотским и духовным.

Соответственно двойному и двойственному смыслу и цвету этих слов: "тихий" и "ясный", их поэтическое употребление, конечно, многообразно и являет множество оттенков. С объективной двойственностью материального (вещественного и телесного) и психического (душевного и духовного) смысла сочетается, в отношении понятия "тихости" или "тишины", другая двойственность, субъективная или оценочная: утверждения или отрицания, приятия или отвержения.

У Достоевского и Лескова эпитет "тихий" встречается с нарочитой душевно-духовной религиозной окраской. У обоих этих писателей не только явственно проступает ломоносовско-державинско-жуковско-пушкинская смысловая традиция, но осязателен и прямой возврат к религиозному смыслу нашего эпитета в Священном Писании и церковном богослужении, возврат, у Достоевского осложненный мотивами и тяжелой народной мистики, и его собственного, совсем непутинского, мистицизма. Тут перед нами разворачивается и раскрывается многозначительный и знаменательный ход или процесс жизни и развития- в национальном словесном, не только литературном, творчестве – идей и слов.

Двойственное оценочное отношение к ясности непосредственно чуждо, конечно, эпохе Державина, Жуковского, Пушкина. Но в прилагательном "неизъяснимый", которое, впрочем, именно у Пушкина имеет всеобъемлющее смысловое значение, уже заключается некоторый намек на что-то высокое и высочайшее, лежащее за пределами ясности, ее превышающее. Отсюда – возможность отрицательной оценки некоторых видов ясности. Но этого шага еще не делает ясный и трезвый дух Пушкина. Это ясно выраженное оценочное неприятие ясности с разными окрасками мы находим лишь у Достоевского и у Ницше. Поэтому у Пушкина и его предшественников мы иногда находим "тихий" и "тишину" с отрицательным (пейоративным) смысловым значением, но никогда не встречаем "ясный" и "ясность" с таким смысловым оттенком ("оскорбительная ясность"). С другой стороны, для определенной эпохи Достоевского характерно ироническое употребление пушкинского слова "неизъяснимый" (и, заметим кстати, отчасти, в известном смысле и слова "общечеловек", или "всечеловек"). Однако, под конец жизни Достоевский не только приемлет, но и окончательно усваивает и то, и другое понятие. Это значит: Достоевский приходит к Пушкину и склоняется перед ним.

ПРИМЕЧАНИЯ П. СТРУВЕ

1. Главы II-V составили содержание речи, произнесенной на торжественном собрании в Русском Доме имени Императора Николая II в Белграде 10 февраля 1937 г., организованном Юго-славянским Отделом Зарубежного Пушкинского Комитета. С неизъяснимой отрадой, соединенной с глубокой скорбью, я вспоминаю, что внимательным слушателем моей речи был почивший Св. Патриарх Варнава.
2. Klages L. Der Geist als Widersacher des Lebens. Leipzig, 1929 (Barth S. A., 2 тома в 830 страниц).
3. "Kai olon ton Kosmos pneuma Kai aer periechei". – Цит. по изданию: Diels. Die Fragment der Vorsokratiker, Vierte Auflage. Berlin, 1922. S. 26.

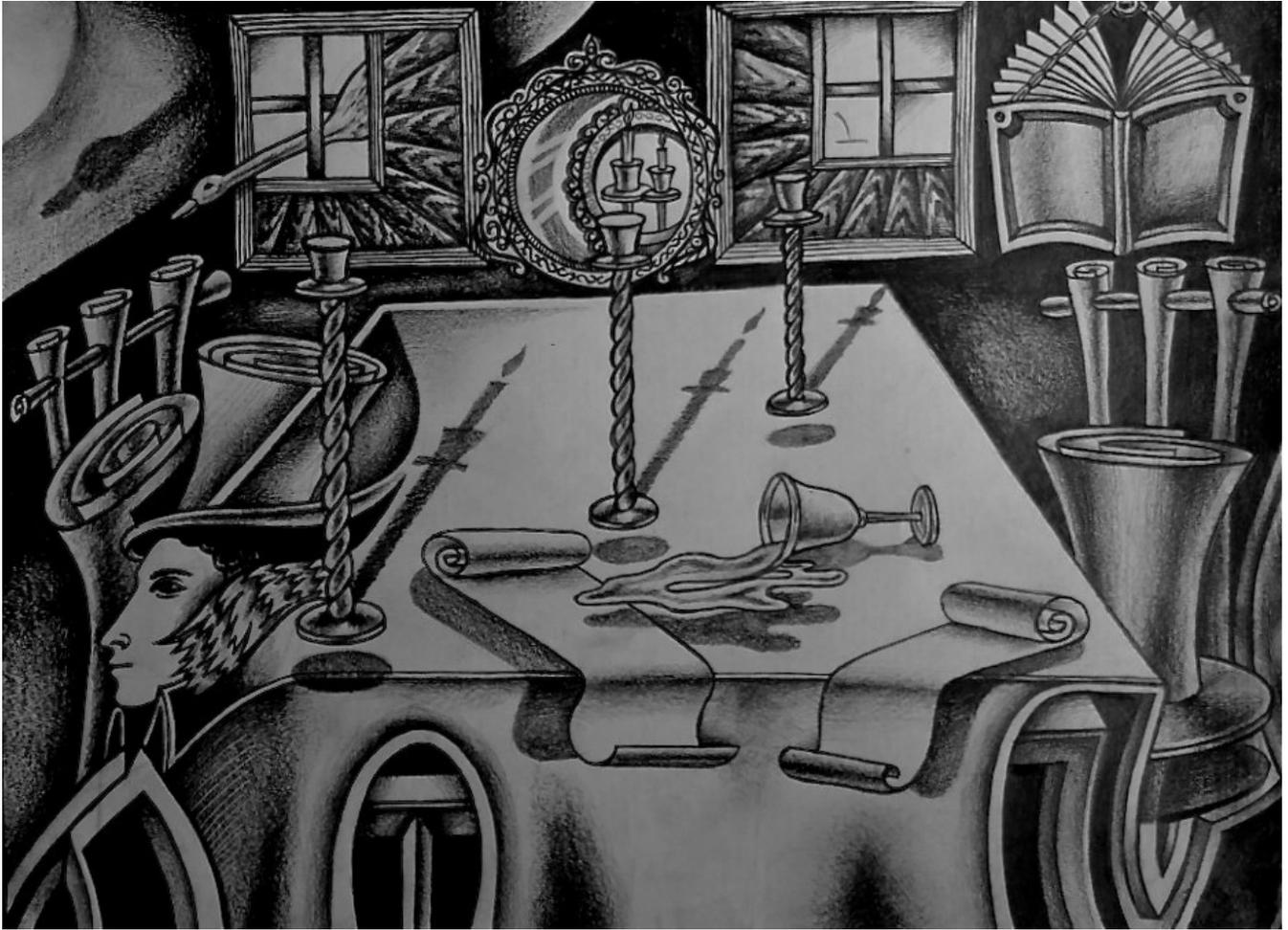
4. Этот человечески естественный и в то же время религиозно столь значительный факт дал повод В. В. Вересаеву утверждать, что Пушкин жил в "двух планах". Ср. его статью "В двух планах („О творчестве Пушкина") в журнале "Красная Новь", кн. 2-я за 1929 год, С. 200-221. Но разве пушкинская "двухпланность" не есть по существу нечто неизбывное и характерное для человека вообще? Вересаев подметил факт, но по своей религиозной слепоте не мог его истолковать.

5. Надлежит отметить, что на слово и понятие "Дух" в русском и вообще славянских языках обратил внимание в своих замечательных французских лекциях о русской литературе Адам Мицкевич. С точки зрения исторической и сравнительно лексической его замечания, конечно, не выдерживают критики, но все-таки в основе их лежит глубокое понимание проблемы духа в христианском смысле. Любопытно и не случайно, что именно глубоко религиозный Мицкевич делает эти замечания, и притом по поводу произведений Державина, самого духовного и христианского из великих русских поэтов: "*Duch signifie... non pas l'esprit (mens) tel qu'il est compris par la plupart des philosophes, non pas l'esprit suivant l'acception vulgaire du mot, mais l'homme spirituel, l'homme intime, que anime le corps, le spiritus dans le sens biblique... Nulle part on ne trouve cette idée profondement slave aussi bien exprimée que dans ces strophes de Dierzavin*" ("Бессмертие души", 1797; ср. критическое издание Я. К. Грота, у которого цитированы замечательные рассуждения Мицкевича. Спб., 1865. Т. II. С. 2-4).

6. П. А. Плетнев – Я. К. Гроту. Переписка Грота с Плетневым, II, 731. Цит. по Вересаеву "Пушкин в жизни". Вып. IV. С. 87.

7. П. А. Плетнев – Я. К. Гроту. 24 февраля 1842 г. Переписка Грота с Плетневым. Спб., 1896. Т. 1. С. 495. Цит. по Вересаеву "Пушкин в жизни". Вып. IV. С. 97.

(*) "Дух... означает не ум (mens [по-видимому, "mens" – это сокращение от немецкого "menschlich" – человеческий, что говорит о противопоставлении духа в обыденном человеческом понимании духу в возвышенном понимании – *Прим. ред.*]) в том смысле, как его понимает большинство философов, не ум в плоском восприятии этого слова, но духовного человека, внутреннего человека, который воодушевляет тело, spiritus в библейском смысле... Нигде мы не встречаем эту глубоко славянскую идею так ярко выраженную, как в этих строфах Державина (фр.).

Евгений Тоневицкий, Марина Бозин – “In Vino Veritas” (графика)

Инна Грубмайр: Кафе «Пушкiн» и памятник Александру Сергеевичу в Брюсселе

Интервью с А. А. и М. А. Пушкиными

Александр и Мария Пушкины (фото из частного архива А. и М. Пушкиных)

В истории нашей организации общение с потомками А. С. Пушкина занимает особое место. В 1930-х гг. установился личный контакт между Б. Л. Бразолем, основателем и первым председателем Пушкинского общества Америки, с внуком поэта, Николаем Александровичем, и его супругой Надеждой Алексеевной, а в 1940-х продолжился с их сыном, Александром Николаевичем. В то время Общество оказывало посильную материальную помощь семье Пушкиных в Бельгии, о чем свидетельствуют письма в архиве. Три года назад, благодаря помощи Марии Николаевны Апраксиной¹, Инне Грубмайр посчастливилось познакомиться в Брюсселе с представителем следующего поколения Пушкиных – Александром Александровичем, последним прямым потомком поэта по мужской линии, и его супругой, Марией Александровной, урожденной Дурново. В их семье сомкнулись две великие линии – Пушкиных и Гоголей. По иронии

---

¹ Николай Александрович Пушкин, внук поэта, был не только дружен с отцом Марии Николаевны, Н. М. Котляревским, и ее свекром, П. Н. Апраксиным, но и вместе с ними участвовал в организации Пушкинского юбилея в Брюсселе в 1937 г., о чем можно прочитать в предыдущем выпуске «Вестника».

судьбы, двоюродная сестра Марии Александровны, Елена, в замужестве – Бразоль, а ее супруг Андрей является дальним родственником Бориса Львовича, с деятельности которого началась история нашей пушкинианы.

Инна Грубмайр: Александр Александрович, как ваша семья оказалась в Бельгии?

Александр Пушкин: Мои дедушка и бабушка после революции покинули Россию, оттуда приехали в Турцию, где, кстати, встретились с семьей моей будущей супруги. Выяснили, что у них общий предок – Александр Александрович Пушкин, сын поэта. В Турции они не хотели оставаться, потому что было трудно. У моей бабушки была сестра в Белграде, которая уехала туда во время революции, так как Югославия в то время была королевством. А поскольку она была хирургом-гинекологом, то довольно быстро нашла место. Она хорошо зарабатывала, и бабушка решила поехать к ней. Не знаю, почему они не хотели остаться в Югославии. Дедушка написал письмо в Брюссель кардиналу Мерсье²: «Мы потомки Александра Сергеевича. Мы говорим по-французски и хотели бы приехать в Бельгию». И кардинал Мерсье ответил: «Приезжайте, мы будем вами заниматься». Это было в 1923 г. Кардинал Мерсье оказывал активную помощь русским эмигрантам. Детям давали возможность бесплатно учиться в пансионах. Моему папе тогда было 14 лет, и его сразу поместили в очень хороший коллеж – Collège Saint-André во Фландрии. И папа там учился. А когда закончил, приехал в Брюссель и поступил в университет.

Что интересно – я это только недавно узнал, – папа был, конечно, православный. Но когда его поместили в collège Saint-André, католики его перекрестили. И этого никто не знал. Я думаю, даже папа не знал. Ему было тогда всего 14 лет. И вот что получается: при рождении его крестили православным, женился он как православный, хоронили как православного. А он был католик. *(Смеется.)* Вот как бывает.

Кстати, никто в нашей семье не имел бельгийского гражданства. Я первый, кто его получил.

Мария Пушкина: А мои дедушка и бабушка из Константинополя поехали в Марсель, а оттуда – в Париж. Дедушка хотел в Америку или в Канаду, а бабушка не хотела. Она говорила: «Я предпочитаю жить не слишком далеко, чтоб вернуться в Россию». Увы, никогда не вернулись.

И.Г.: Александр Александрович, что вы помните о дедушке?

А.П.: Он очень хорошо рисовал.

М.П.: Николай Александрович такие красивые рисунки делал. У нас есть целая книга его работ.

А.П.: В то время, после войны, не было игрушек, и дедушка делал их для меня. Как-то он смастерил мне целый панцирь из картона. Был какой-то русский бал для детей. У меня до сих пор есть фотография – я стою в этом панцире. Мне было тогда лет десять.

И.Г.: А когда вы в первый раз попали в Россию?

А.П.: В 1994 г.

И.Г.: Вы вместе ездили?

---

² Дезире Фелисьен Франсуа Жозеф Мерсье (21.11.1851, Брен-л'Аллё, Бельгия — 23.01.1926, Брюссель, Бельгия) – бельгийский кардинал, архиепископ Мехелена и примас Бельгии с 1906 по 1926 г.

М.П.: Мы всегда все вместе делаем. А мы уже больше 45 лет женаты. Познакомились в 1949-м году.

А.П.: У нас есть фотография – Маше шесть лет, мне семь, и она сидит у меня на коленях и держит меня за шею. А потом мы больше не встречались. Встретились в 1960-м году на юге Франции. Нам уже было по 17-18 лет, и начался роман, который длился 9 лет, потому что мой папа не хотел, чтобы я женился, пока я не закончу учебу. А потом мне надо было пройти военную службу. И уже после всего этого он позволил нам пожениться. Так что, пришлось подождать.

И.Г.: Расскажите, пожалуйста, каковы были ваши впечатления, ощущения от первой поездки в Россию.

А.П.: Первый раз связь с Советской Россией у нашей семьи была в 1958-м году. В том году в Брюсселе проходила всемирная выставка. И Россия, то есть Советская Россия, имела свой стенд. Дедушке позвонил директор выставки: «Мы хотим пригласить вас, всю вашу семью. В понедельник павильоны будут закрыты для посетителей. Будет открыто только для вас, и мы сможем вам все показать». Мы пошли. Нам все показали и разъяснили, а затем угостили чаем с печеньем. Директор спросил у моего дедушки: «Николай Александрович, не хотите ли вы вернуться в Россию?» Дедушка ответил: «Никогда, пока она советская». И так продолжалось годами. Время от времени нам звонили. Звонили папе. Потом звонили иногда мне. Хотите приехать? Нет, нет, нет. В 1994-м году нам позвонил директор музея Пушкина, Сергей Некрасов, и пригласил на праздник «Царскосельская осень». К тому времени ситуация уже была иная...

М.П.: Да, уже пала Берлинская стена. Пал железный занавес. Иначе бы мы никогда не поехали.

А.П.: Мы сказали, что поедem, и поехали. Встретили нас очень хорошо. Люди не понимали, как это Пушкины живут не здесь, в России, а в Бельгии. Сергей Некрасов объяснял, что я последний по прямой линии потомок Александра Сергеевича. И люди, когда это слышали, хотели меня потрогать, обнять, поцеловать. Конечно, для меня это тоже был большой шок. Нас с Марией Александровной приглашали, тепло принимали, словом, обращались с нами, как будто мы были боги. Конечно же, дело было не во мне самом, а в Александре Сергеевиче. Это Александр Сергеевич бог для них. В общем, все это было очень приятно и удивительно. Мы как будто попали в другой мир. Это было невероятно! Я никогда не мог себе подобное представить. Тут, в эмиграции, папа, мама, бабушки и дедушки рассказывали про Александра Сергеевича, что он был великий поэт, но я тогда был маленький и не до конца это осознавал. Когда же мы приехали в Россию, то окончательно поняли, кто он и какое важное место занимает в русской жизни и русской литературе. Нам показали места, где Александр Сергеевич бывал, где он жил, где умер.

Это была наша первая связь с Россией. Когда мы гуляли по Петербургу, чувствовали себя дома. Тут говорят по-русски. Мы их понимаем. Еще одну вещь надо сказать. Это и Маша, и я чувствовали и чувствуем, когда мы бываем на Мойке, 12, где Александр Сергеевич скончался. Мы чувствуем, как будто Александр Сергеевич все еще там...

А что знают про Пушкина здесь? Есть песня в исполнении Жильбера Беко «Натали», в которой упоминается кафе «Пушкiн» (*с ударением на последнем слоге – И.Г.*). И каждый раз, когда я называл свою фамилию, мне говорили: «А, кафе „Пушкiн“!» Приходилось объяснять, что кафе «Пушкiн» ничего не имеет общего с Александром Сергеевичем. Они не понимали, конечно. Но в 99-м году, в честь 200-летия, в Брюсселе поставили памятник Александру Сергеевичу. И люди,

конечно, теперь интересуются. Интересуется и пресса. У нас брали интервью и на телевидении, и на радио. И теперь многие знают, что Пушкин – это не кафе «Пушкiн», а поэт. Вот уже уже пять лет, каждый год, 6 июня, около памятника Пушкину собираются бельгийцы и русские, читают его произведения, кладут цветы. И это становится приобретает все большую и большую важность.

И.Г.: И после той, первой, поездки ваши связи с Россией стали регулярными?

А.П.: Да, мы организовываем для наших друзей-бельгийцев поездки в Россию, чтобы показать им, какая она на самом деле, в отличие от того, какой ее в последнее время представляют. В этом году собираемся поехать по Транссибирской магистрали. Кроме того, нас часто приглашают на лекции, конференции, выступления. Два раза в год, как минимум, мы туда ездим.

И.Г.: Вас приглашают как частных лиц или как руководителей вашего фонда?

А.П.: И то и другое. Недавно мы были в Эстонии. Пару лет назад Мария Александровна и я организовали там конкурс для молодежи и учредили премию «Юный Пушкин».

И.Г.: Это поэтический конкурс?

А.П.: Нет, языковой. В Эстонии, как вы знаете, для говорящих по-русски ситуация непростая. И мы хотели, чтобы русские, которые учат эстонский, получали бы премию, как и эстонцы, которые учат русский. Так они вместе учат языки друг друга. Я нахожу, что в этом году в Эстонии ситуация в отношении русского языка лучше: в предыдущие годы там никто по-русски говорить не хотел. С нами говорили только по-английски. А теперь стали говорить по-русски.

И.Г.: Мария Александровна, за что вы получили Пушкинский орден?

М.П.: За то, что я делаю для России, для Детского онкологического центра, для русского языка. За все, чем мы помогаем России.

А.П.: В Петербурге мы познакомились с одной дамой, которая оказалась врачом. Она спросила, можем ли мы помогать детям, больным раком. Мы заинтересовались. Нас привезли в эту больницу – Детский онкологический центр. Впечатление было ужасное: там даже не было одноразовых шприцов. Как сказал нам главврач, уровень смертности от нарушений санитарно-гигиенических норм был выше, чем от рака. Сначала мы купили многоразовые шприцы, потом аппарат для стерилизации, и так началось наша помощь этому центру.

М.П.: Самое дорогостоящее – это кровати. Каждая стоит 2800 евро. На сегодняшний день мы купили уже 15. Это очень хорошие кровати, из Финляндии. К сожалению, не всегда все просто с транспортом и таможней.

И.Г.: Мария Александровна, а как в вас совмещается Пушкины и Гоголи?

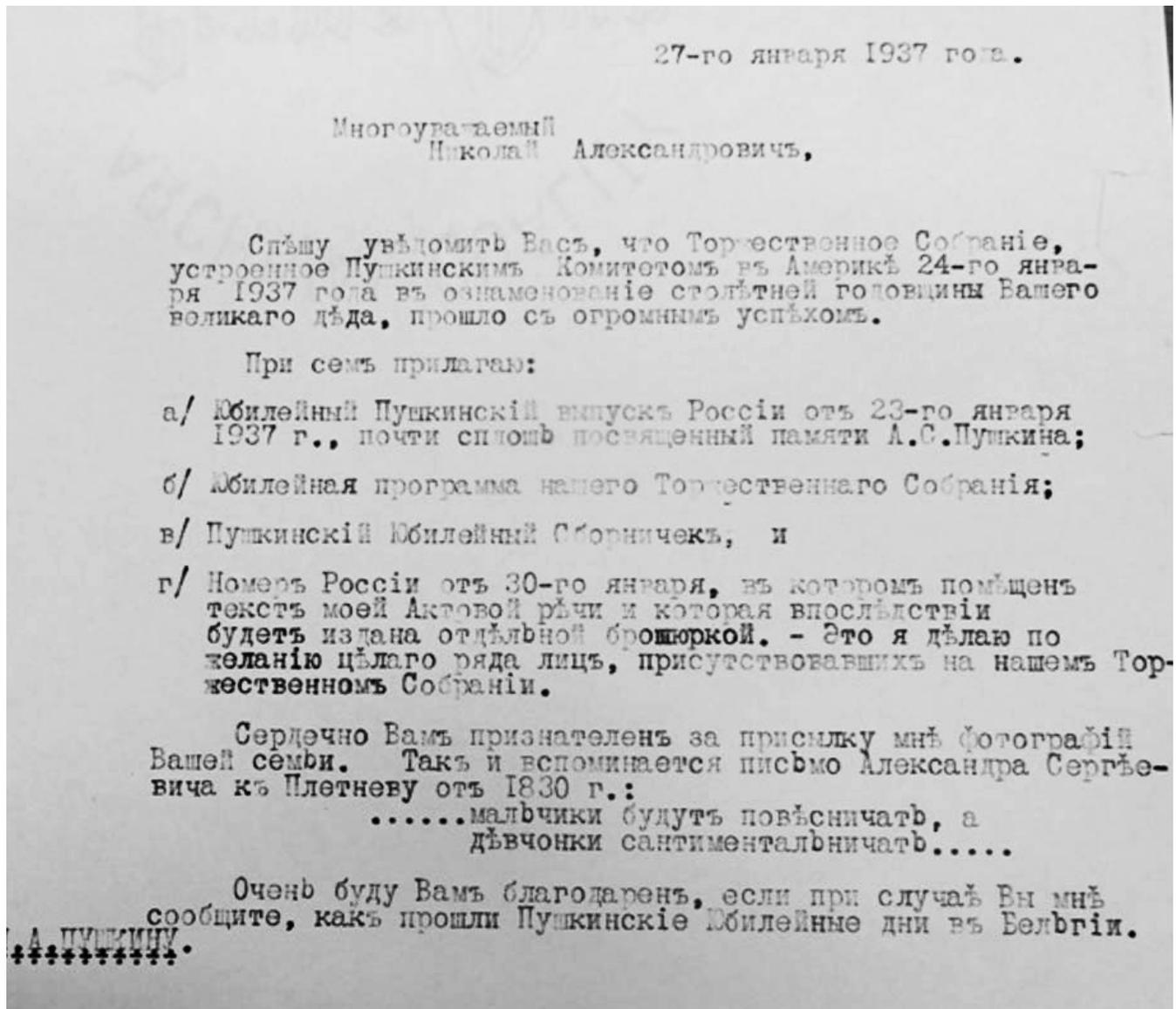
М.П.: Иногда, когда я думаю, что у меня в жилах течет кровь таких великих людей, мне даже не верится. Это меня всегда трогает. И когда я сдаю кровь на анализ, мою пушкинско-гоголевскую кровь, думаю, что ее будут рассматривать, но не будет знать, чья она. *(Смеется.)*

И.Г.: Александр Александрович, что бы вы пожелали Пушкинскому обществу Америки?

А.П.: Желаю вашему обществу успеха. Продолжайте и дальше прославлять Александра Сергеевича, чтобы как можно больше людей знали его и его произведения.

Брюссель, Июнь 2014 г.

Приложения

Письмо Б. Л. Бразоля Н. А. Пушкину от 27 января 1937 г. (Boris Brasol to Nicolai Pushkin, January 27, 1937. – Manuscript Division of the Library of Congress, Collection of the Pushkin Society in America. General Correspondence, Box 2)

Bruxelles le 29.8.47

Глубокоуважаемый Борис Львович,

Очень тронут и от всей души благодарю Вас и всех кто принял участие в моей семье.

Все что Вы прислали мне крайне необходимо и все великолепного качества.

От имени моей семьи и от меня прошу принять нашу глубокую благодарность и горячий привет.

Преданный Вам

А. Пушкин

Письмо А. Н. Пушкина Б. Л. Бразолю от 29 августа 1947 г. (Alexander Pushkin to Boris Brasol, August 29, 1947. – Manuscript Division of the Library of Congress, Collection of the Pushkin Society in America. General Correspondence, Box 2)

Глубокоуважаемый Борис Львович.

Очень тронут и от всей души благодарю Вас и всех кто принял участие в моей семье.

Все что Вы прислали мне крайне необходимо и все великолепного качества.

От имени моей семьи и от меня прошу принять нашу глубокую благодарность и горячий привет.

Преданный Вам

А. Пушкин

Розыск материалов

Дорогие друзья, мы разыскиваем контакты с потомками родственников людей, представленных в списке ниже. В нем перечень лиц – основателей Общества имени Пушкина в Америке (Пушкинского общества Америки), – входящих в организацию с 1935 по 1955 годы. Если Вы обладаете какой-либо информацией, напишите нам, пожалуйста. Ваши свидетельства помогут составить летопись ушедшей эпохи. Ждем откликов и заранее благодарим за помощь. Обращайтесь: Виктория Курченко (vikurchenko@yahoo.com), Наталия Мизури (nataliamizuri@gmail.com), Инна Грубмайр (innagrubmair@gmail.com)

Примечания: фамилии приводятся по Памятке 1955 года в соответствии с правилами современной орфографии. Указанные сокращения: "д-р" – научная степень "доктор философии", Ph.D.; "проф." – профессор; "кн." – князь, княгиня; "прот." – протоиерей.

Правление Общества

Председатель: Борис Львович Бразоль 1935 – 1955 годы

Товарищи председателя:

Георгий Владимирович Голохвастов 1936 – 1955

Александр Иванович Назаров 1936 – 1938

Петр Альбинович Руцкий 1938 – 1945

Дмитрий Антонович Магула 1945 – 1952

Петр Сергеевич Балков 1952 – 1955

Секретари:

Петр Николаевич Малевский-Малевич 1935 – 1941

Борис Аркадьевич Завалишин 1941 – 1943

Людмила Николаевна Рклицкая 1943 – 1945

Элеонора Антоновна Бразоль 1952 – 1955

Казначей:

Петр Альбинович Руцкий 1935 – 1938

Николай Иванович Дамаскин 1938 – 1955

Ревизионная комиссия:

Дворжицкий Ю.К.

Дворниченко И.П.

Завалишин Б.А.

Карпов В.И.

Магула Д.А.

Рклицкая Л.Н.

Фаленберг Н.Ф.

Чиркин В.М.

Шаров Н.А.

Юрченко В.П.

Директора Пушкинского фонда при Обществе имени А.С. Пушкина

Андрей Николаевич Авинов

Петр Сергеевич Балков

Борис Львович Бразоль

Элеонора Антоновна Бразоль

Князь Сергей Сергеевич Белосельский

Георгий Владимирович Голохвастов

Николай Иванович Дамаскин

Юрий Корнильевич Дворжицкий

Михаил Михайлович Карпович

Петр Альбинович Руцкий

Борис Васильевич Сергиевский

Игорь Иванович Сикорский
Леонид Иванович Страховский
Никандр Иванович Стрельский

Почетный член – Ее высочество княжна
Вера Константиновна Романова

Список членов общества:

1. Абрамов П.Ф	25. Богданович С.С.	52. Вернхэйм, леди Зия
2. Авинов А.Н., проф., д-р	26. Богданович Т.А.	53. Верховский Р.Н.
3. Агищева А.Ю.	27. Боголюбов С.Н.	54. Виноградов С.В.
4. Адам, архиепископ.	28. Бодиско А.К.	55. Вирен А.Р.
5. Адлард Л.Г.	29. Боженко-Карнеева М.А.	56. Виталий, Архиепископ
6. Аксененков А.	30. Болан С. А.	57. Войнова Н.В.
7. Алексеева-Рклицкая Л.Н.	31. Болдусов Ф.	58. Волговской В.А.
8. Алексеев Г.А.	32. Болотова-Маурин Н.А.	59. Волков Я.И.
9. Антипин М.М.	33. Борзов Н.В.	60. Воронова О.К.
10. Антонишин, прот. Максимилиан	34. Бориславский М.А.	61. Гальцов П.А., д-р
11. Арсеньев Н.С., проф.	35. Бородин Н.А., проф.	62. Гзовская, Е.В.
12. Ахматова-Жалудская, П.Н.	36. Бравина А.	63. Гзовский В.В., д-р
13. Ахонин. А.Г.	37. Бравин А.А.	64. Гладкий С.В.
14. Бадзилович М. А.	38. Бразоль Б.Л	65. Глобачев Н.К.
15. Балдин С.Ф.	39. Бразоль Э.А.	66. Гневшин А.Н.
16. Балиев Н.Ф.	40. Бригин Т.С.	67. Гнедич Д.Д.
17. Балков П.С.	41. Брянцева О.	68. Голембиевская В.И.
18. Бари Е.А.	42. Бутурлин С.С.	69. Голохвастов Г.В.
19. Баумгартен С.Н.	43. Бухгейм Н.Э.	70. Голуб К.Г.
20. Бахметев Б.А.	44. Буцько Д.А.	71. Гольмстрем Б.В.
21. Беллавин, прот. Николай	45. Белкин А.Н.	72. Горецкая Н.К.
22. Бенземан, фон Г.А.	46. Белосельский С.С., кн.	73. Горяинов Н.Г.
23. Бирская-Окунцова Н.А.	47. Беляева	74. Гребенщиков Г.Д.
24. Блюменталь Л.М.	48. Вадковский В.В.	75. Грейнер А.В.
	49. Васильева М.В.	76. Гревс В.Э.
	50. Васильев А.А., проф.	77. Гуревич Г.А.
	51. Векман Г.К.	78. Гуриели А.А., кн.

79. Дамаскина П.П.
80. Дамаскин Н.И.
81. Данильченко П.В.
82. Дворжицкая О.И.
83. Дворжицкий Ю.К.
84. Дворниченко И.П.
85. Демидов О.П.
86. Денисов Н.Г.
87. Де-Постельс Ф.Ф.
88. Дерюжинский Г.В.
89. Димитриев Н.В.
90. Дионисий, епископ
91. Днепровская Е.В.
92. Дорош, отец Иосиф
93. Друцкой А.А., кн.
94. Дьяков, отец Петр
95. Евглевский Б.Н.
96. Евреинов С.А.
97. Емельянова Н.В.
98. Емельянов И.В., проф.
99. Епанчина О.В.
100. Епанчин Н.Н.
101. Ермаков С.
102. Жалудский К.Н.
103. Завалишин Е.К.
104. Завалишин Б.А.
105. Зайко П.А.
106. Зайко Х.И.
107. Запорожан Г.
108. Зарубни А.Н.
109. Захаров Ф.И.
110. Зворыко Ф.О.
111. Зилоти А.И.
112. Знаменский Г.А.
113. Золотарев М.М.
114. Ивановский Н.Н.
115. Иванов В.С.
116. Ивицкий Г.Д.
117. Ильяшенко В.С.
118. Ипатьев В.Н., проф.
119. Ищеева-Аникина А.Д., кн.
120. Казаринов В.В.
121. Калинин М.М.
122. Калишевский А.И.
123. Калюжный Е.
124. Капанадзе, прот. Иосаф
125. Капон О.Б.
126. Каринский Н.С.
127. Карпеня М.А.
128. Карпова С.В.
129. Карпович М.М., проф.
130. Карпов В.И.
131. Карташева Е.З.
132. Карташев Н.В.
133. Каруна Г.К.
134. Каруна Г.К. *(Возможен повтор. – Прим. ред.)*
135. Кебардин Н.Т.
136. Кирин Е.К.
137. Китчин Б.
138. Клименко А.Ф.
139. Козеровский В.П.
140. Колесников В.С., проф.
141. Колокольникова М.Н.
142. Корвина З.П.
143. Коренев Г.М.
144. Корпе А.
145. Кох С.И.
146. Кудашев Н.
147. Кукуш Е.Л.
148. Кудров В.В.
149. Кулибин В.К.
150. Кураев В. ?
151. Куренков А.А.
152. Курицын И.И.
153. Курсель М.Ф.
154. Ланская Е.Н., гр.
155. Ланской А.П., гр.
156. Лебедев М.А.
156. Лесли А.
157. Литаурев В.С.
158. Логанова Е.И.
159. Логанов М.Н.
160. Лосский Н.О., проф.
161. Луговая Т.С.
162. Луговой Б.Н.
163. Лузгин В.В.
164. Лузенберг А.М.
165. Лукашевич Е.
166. Лукомская С.М.
167. Лукьянчиков В.В.
168. Магула Д.А.

169. Майер И.Л.
170. Малевский-Малевич П.Н.
171. Мамеев В.С.
172. Мартынова Е.М.
173. Мартынова Н.А.
174. Мартынов А.П.
175. Мартынов В.?
176. Мейерсон А.?
177. Мельников Н.А.
178. Микешина А.М.
179. **Милфорд-Хейвен, маркиза (Правнучка А.С. Пушкина.– Прим. ред.)**
180. Миштовт И.Н.
181. Могильницкий Т.А., проф.
182. Моравский Е.И.
183. Морозов А.Я.
184. Мотуз И.П.
185. Муромцева К.Н.
186. Муромцев К.Н.
187. Назаров А.И.
188. Нелидова-Фивейская Л.Я.
189. Нечволодов В.П.
190. Николаев К.Н.
191. Новак Т.К.
192. Новосильцев Г.А.
193. Оболенский А.А., кн.
194. Ольховский Д.
195. Панченко А.И.
196. Пепескул А.
197. Перов Н.Н.
198. Перфильев В.А.
199. Плешко Н.Д.
200. Погожева А.С.
201. Полушкин Н.С.
202. Пороховщиков П.С., проф.
203. Приходский П.И.
204. Рагозина М.Д.
205. Рашевский Н.П., проф.
206. Романов А.Д.
207. Ростовцев М.И., проф.
208. Рубас С.
209. Румянцев Н.А., д-р.
210. Руцкий П.А.
211. Рыбаков Н.П.
212. Рябов П.И., д-р.
213. Сабов Г.Ф.
214. Савелов-Савелков Л.М.
215. Савичев П.А.
216. Санникова А.
217. Сенсов Б.А.
218. Сергиевский Б.В.
219. Сидорова А.Л.
220. Сидорова Н.Л.
221. Сидоров Н.А.
222. Сикорский И.И., д-р.
223. Скворцов М.Н.
224. Совинский В.Н.
225. Соколов С.В.
226. Сорокин П.Н., проф.
227. Спекторский Е.В., проф.
228. Спорыш Л.Ф.
229. Стогов П.Е.
230. Стойлов И.И.
231. Столяренко Н.
232. Страховский Л.И., проф.
233. Стрельский Н.И., д-р
234. Стренковская Н.В.
235. Сулимовская Л.В.
236. Тарновский Н.А.
237. Тедоре А.П.
238. Теннер Г.И.
239. Тетюкова П.А.
240. Тимошенко С.П., проф.
241. Тисов И.И.
242. Торский Н.К.
243. Троицкий П.С.
244. Трофимова А.И.
245. Трофимов Л.А.
246. Туманова Н.А., кн.
247. Туманов И.К., кн.
248. Туманов Л.К., кн.
249. Тэйт Е.И.
250. Угет С.А.
251. Урусов Л.С., кн.
252. Успенский Б.А., д-р
253. Устинова Л.В.
254. Устинова Н.Д.
255. Устинова Р.В.
256. Фаленберг Н.Ф.

267. Фивейский М.М.
268. Фокин М.М.
269. Франк Д.Н.
270. Франк Н.Д.
271. Циглер Н.А.
272. Чавчавадзе П.А., кн.
273. Чарныш С.В.
274. Черкасский А.Н.
275. Чернобровкин А.А.
276. Чернова П.А.
277. Чечет В.К.
278. Чиркина Н.Г.
279. Чиркин В.М.
280. Чорба А.М.
281. Шаров Н.А.
282. Шениц Е.А.
283. Шереметьев С.В.
284. Шеста И.В.
285. Шестун Н.П.
286. Шефер Н.П.
287. Шилай Р.И.
288. Шинкаренко Г.Г.
289. Шнарковский В.Ф.
290. Шупинская Л.Ф.
291. Щеголева К.И.
292. Щукин Г.Г.
293. Юрченко В.П.
294. Яресенко А.В.

Евгений Тоневицкий, Марина Бозин – “Время возвращаться” (графика)

КАЛЕЙДОСКОП СОБЫТИЙ

(Смотрите «Калейдоскоп» с фотографиями [на сайте Пушкинского общества](#))

Джаз сквозь культуру

6 апреля состоялся специальный выпуск программы «Джаз сквозь культуру», посвященный 50-летию памяти Анны Ахматовой. Ведущая вечера Юлия Храмцова представила художников, участвовавших в выставке: Хельгу Ландауэр, Зинаиду и Савелия Келебеевых, Инну Каплун, Евгения Тоневичского и Марину Бозину. «Открытый микрофон» был начат с выступления почетной гостьи Анни Карсон, рассказавшей о жизни в Нью-Йорке Виктора Горенко, брата Анны Ахматовой, панихида по которой была отслужена в бруклинском соборе Святой Троицы в 1966 году. Знакомство с Анни и дальнейшая работа с ее семейным архивом состоялись благодаря стараниям Ларисы Плис.

С ахматовского стихотворения «Пушкин» стартовали поэтические чтения. Прозвучали знаменитые классические строки и их переводы на английский, выполненные Еленой Позиной. Поэты Александр Долинов и Рита Бальмина прочли и свои стихи, посвященные Серебряному веку. Мини-концерт классических произведений в исполнении пианистки Елены Кушнеровой создал особую атмосферу в клубе. Мастерство исполнения покорило слушателей, краткий музыковедческий экскурс был органичным продолжением литературно-художественной части.

По завершении первого отделения зрители посмотрели документальный фильм Хельги Ландауэр об Анне Ахматовой. После перерыва всех встречал джазовый секстет под управлением Валерия Пономарева.

Встреча в мэрии Нью-Йорка

25 апреля в мэрии Нью-Йорка состоялась встреча Кабинета русскоязычных представителей: Регины и Романа Хидекель, Виктории Курченко, Бориса Борукаева, Наталии Мизури, Наталии Пиллер, Виктора Левина и Александра Егудина с директором по связям с общественностью Тимоти Тапия/Timothy Tapia и координатором Джессикой Рейносо/Jessica Reynoso. Обсуждались вопросы подготовки назначенной на 17 мая официальной встречи общественного адвоката (вице-мэра) Нью-Йорка Летисии Джеймс/Letitia James с диаспорой русских американцев. Запланированный формат будет включать в себя ответы на вопросы участников встречи. Регина Хидекель и Виктория Курченко предложили провести небольшую выставку картин, а также сопроводить форум книжной ярмаркой.

125-летие Осипа Мандельштама

4 мая в баре Zinc состоялось заключительная программа, посвященная 125-летию со дня рождения Осипа Мандельштама. Елена Голованова-Старенко посвятила поэту одну из своих раскладных книг, выставленных на экспозиции. Лидия Чиповецкая, присоединившаяся к группе художников Пушкинского общества, продемонстрировала серию натюрмортов, и рассказала о своих «взаимоотношениях» с живописью.

Литературное отделение было начато презентацией новой книги поэта и вице-президента общества имени Пушкина Бориса Борукаева. Он прочел свои новые стихи и проинформировал о возобновлении Обществом, после 50-летнего перерыва, издательской деятельности.

Открытый поэтический микрофон продолжили Татьяна Ананич, Рудольф Фурман, Полина Печерская, Елена Грачева и Александр Долинов.

Ольга Славнина и Владимир Нузов, основатели клуба «Вечера на Гудзоне», представили на суд зрителей литературно-музыкальную программу о жизни и деятельности О. Мандельштама. Прозвучали стихи, музыка композиторов Баха, Моцарта, Бетховена, Шуберта, встроенные в культурологическую концепцию искусства слова.

Юлия Храмцова и Виктория Курченко подвели итоги проекта «Джаз сквозь культуру»: за период с 2015 по 2016 год в нем приняло участие более 100 человек. Алексу Косси, распахнувшему двери своего заведения для нас, был вручен почетный диплом за продвижение русско-американской культуры. Валерий Пономарев стал обладателем золотой медали Общества с портретом Пушкина. За организацию самых популярных вечеров были награждены Наталия Мизури, Татьяна Бородина, Лариса Плисс. За участие в поэтических чтениях – Елена Грачева, Александр Долинов. Художники Елена Кимелблат, Елена Голованова-Старенко, Евгений Тоневицкий и Марина Бозин были отмечены специальными дипломами.

Встреча с Летисией Джеймс

17 мая в Бруклине впервые прошла встреча общественного защитника города Нью-Йорка (вице-мэра) Летисии Джеймс с представителями русскоязычной диаспоры. Наряду с официальными лицами, Тимоти Тапия и Джессикой Рейносо, этот диалог был подготовлен Кабинетом русскоязычных иммигрантов, в состав которого вошли: Дмитрий Глинский, Регина Хидекель, Виктория Курченко, Наталия Мизури, Наталия Пиллер, Виктор Левин и Александр Егудин. На встрече с Летисией Джеймс принял участие депутат Марк Трейгер. Обсуждались вопросы трудоустройства специалистов из бывшего Советского Союза в систему городского управления, а также вопросы транспорта и благоустройства районов, уязвимости прибрежной зоны, финансирования культурных инициатив.

Пушкин и Чайковский

22 мая в помещении оперного театра The National Opera Center, в Манхэттене, прошла программа «Пушкин и Чайковский», организованная наряду с «пушкинистами» клубом «Вечера на Гудзоне» во главе с президентом и ведущей Ольгой Славниной.

Арт-салон встречал гостей экспозицией на пушкинские темы, ее подготовил художник Евгений Тоневицкий. Елена Кимельблат выставила свою «Русскую красавицу», а Марина Каширская – «Черного кота», который по единодушию посетителей был тем, кто у лукоморья «песнь заводит» и «сказки говорит...»

Кроме картин демонстрировались документы, посвященные истории Карнеги-холла, деятельности Пушкинского общества в связи с юбилеями Чайковского, а также программы концертов 1937 года, приуроченные к 100-летию гибели Пушкина.

Литературно-музыкальная композиция была посвящена 125-летию открытия Карнеги-холла. Юрий Астахов и Александра Капитонова погрузили присутствующих в мир Чайковского, который тогда специально прибыл в Нью-Йорк, и зачитывали выдержки из его писем. Прозвучали фортепианные и скрипичные произведения в исполнении музыкантов, лауреатов международных конкурсов: скрипача Эрика Гроссмана, пианистов Глеба Иванова и Натальи Медведовской.

Итоги конкурса «45-й калибр»

24 июня состоялось заседание Совета директоров Пушкинского общества Америки/ЛИАК по итогам IV Международного поэтического конкурса «45 калибр» имени Георгия Яропольского. Дмитрий Гаранин, член жюри и ответственный редактор «Вестника Пушкинского общества Америки», представил победителей номинации «Душа в заветной лире» Марину Корсакову и Геннадия Калашникова из России. Номинация посвящена сохранению пушкинских традиций в современном стихосложении.

Единогласно было решено отправить победителям специальные пушкинские медали Общества и денежные премии. Поздравляем Марину Корсакову и Геннадия Калашникова!

400-летие смерти Шекспира

10 сентября в нью-йоркском Национальном оперном центре (The National Opera Center) прошла литературно-музыкальная гостиная, посвященная 400-летию со дня смерти Шекспира.

Открыл выступление поэт, артист и представитель Союза писателей Америки Гарретт Робинсон, продекламировавший самый известный монолог в мире «Быть или не быть» на языке оригинала, а также прочел свои стихи из балетной поэмы «Марта».

Анна Немеровская на русском и английском языках представила свою пьесу «Шекспир ставит Гамлета», подняв провакационный вопрос: так кем же был главный герой – гуманистом или злодеем?

Александр Дранов напомнил о том, что несмотря на такую отдаленность во времени драматург по-прежнему будоражит умы. В завершении выступлений он прочел сонеты Шекспира по-русски.

Во втором отделении прозвучал концерт, изысканная программа которого была составлена и исполнена пианисткой международного класса, преподавателем Еленой Кушнеровой. Музыкальная тема «Шекспир в классической музыке» оставила у публики ощущение причастности к высокой культуре и к продолжению традиций Пушкинского общества Америки. Поклонники долго не отпускали Елену со сцены, задавая вопросы о творчестве и предстоящих концертах. На вечере присутствовала Джессика Рейносо, представитель администрации вице-мэра города.

Александр Пушкин и Леся Украинка

22 сентября в Бруклинской публичной библиотеке была проведена литературная программа «Александр Пушкин и Леся Украинка», посвященная 25-й годовщине независимости Украины.

Виктория Курченко, президент Пушкинского общества Америки/ЛИАК, начав вечер, представила слушателям киевский Музей выдающихся деятелей украинской культуры, в котором Лесе Украинке посвящена значительная часть экспозиции. Наталия Терехова, директор музея, специально передала в Нью-Йорк приветствие от своих коллег. В официальном письме было сказано: «И Пушкин, и Леся Украинка безусловно являются национальными гениями своих народов. А гении разных народов независимо от их политических взглядов, социального статуса, даже особенностей характера, служат одной цели: совершенствованию человеческой природы».

Библиотекарь и лектор Анна Каляя погрузила слушателей в духовный мир Леси Украинки. Вслед за ней выступили Михаил Жинжеров, Семен Печерский, Наталия Пиллер. Прозвучали стихи обоих классиков, состоялся обмен мнениями и впечатлениями.

Закрытие Фестиваля документального кино

10 октября состоялось закрытие Девятого Фестиваля российского документального кино в Нью-Йорке. Режиссер Елена Якович была награждена медалью Пушкинского общества Америки за фильм «Тайна архива Мандельштама. Рассказ Сони Богатыревой».

Поездка в Вашингтон

16 октября представители Пушкинского общества Америки встречали своих гостей в Вашингтоне. День начался с посещения уникального музея Хиллвуд, история которого переплетается незримыми нитями с архивным наследием русской эмиграции: хозяйка усадьбы и создатель коллекции произведений искусства Марджори Пост была дружна и танцевала на балах с первым президентом Дворянского собрания князем А. А. Оболенским, в 1930-е годы стоявшим среди прочих у истоков Пушкинского общества.

Затем, в 4 часа, в одном из красивейших особняков столицы США – Russia House, – впрочем, не имеющем никакого отношения к современной России, был открыт салон. Перед публикой выступили: вице-президент ПОА, бард Борис Борукаев; поэт, мастер юмористических зарисовок Александр Долинов; художники: Марина Каширская, Евгений Тоневицкий, Лев Генкин, представившие свои работы на суд аудитории. Картины изящно вписывались в интерьер гостиной с каминными, хрустальными переливами и звоном бокалов.

Сюрпризом явились гости Пушкинского книжного фестиваля, который проходил в этот же день. Программу дополнили: художник и писатель, обладатель «Русской премии» Валерий Бочков; организатор фестиваля, преподаватель русского языка и литературы для двуязычных детей Наталья Колодина и детский поэт Маша Рупасова, специально прибывшая для участия в литературном празднике из Канады. Журналист Марина Логунова преподнесла в дар Пушкинскому обществу Америки свой натюрморт с изображением подсолнухов. Работа тут же была куплена Еленой Фикс, а факт продажи засвидетельствовал начало нового этапа в жизни литературно-художественного салона, у которого теперь появился собственный двуязычный каталог.

Вручение медали Евгению Евтушенко

29 октября Нина Зарецкая, автор документального фильма о Евгении Евтушенко, на встрече с ним вручила поэту от имени Пушкинского общества Америки медаль за вклад в развитие русской культуры в США.

С 1991 года Евгений Евтушенко связан с преподавательской работой. Много лет он вел занятия со студентами по русской литературе в университете города Талса (University of Tulsa), штат Оклахома, в одном из городских университетов Нью-Йорка (Queens College), City University of New York, выступал с открытыми лекциями и собирал многочисленные аудитории своих почитателей. На своих встречах Е. А. Евтушенко всегда затрагивал широкий круг историко-политических проблем, отвечал на вопросы о современной России.

Евгений Александрович высказал слова благодарности в адрес нашей организации и пожелал ей дальнейших успехов на ниве просвещения.

Фильм Нины Зарецкой о Евтушенко

5 ноября в одном из отделений нью-йоркской городской публичной библиотеки/Columbus Library состоялся вечер, посвященный 195-летию Достоевского. Во втором отделении был показан фильм кинодокументалиста Нины Зарецкой «Зашумит ли клеверное поле... Евгений Евтушенко» (2012–2016).

Пушкинское общество Америки приветствовали руководители библиотечного отделения Хосе Мартинец/Jose Martinets и Ронда Иванс/Rhonda Evans. Виктория Курченко выступила с коротким сообщением о том, как имя великого писателя связано с изучением архива организации, которая проводит в США встречи на русском языке уже 81 год.

Затем Нина Зарецкая познакомила публику с предысторией создания фильма, а после показа ответила на все вопросы. Обсуждение переросло в дискуссию, вдохновленные зрители буквально требовали, чтобы фильм был показан по Первому российскому каналу. Автору желали успехов и дальнейшей реализации своих замыслов.

Подготовил и провел мероприятие Александр Дранов.

Посещение музея имени А. С. Пушкина в Киеве

15 ноября Наталия Мизури в качестве официального представителя Пушкинского общества Америки посетила музей имени А. С. Пушкина в Киеве. Директор музея Наталия Тишаева познакомила гостью с историей музея и получила приглашение принять участие в памятных мероприятиях в Нью-Йорке в 2017 году, посвященных 180-летию со дня смерти поэта.

Интересно, что киевский музей Пушкина, основанный в 1999 году, находится в доме, в котором некогда жил другой великий писатель – М. Булгаков. Экспозиция создана на базе коллекции киевлянина-пушкиниста Якова Бердичевского. Среди уникальных предметов – прижизненное издание «Евгения Онегина», книги с автографами друзей – не только литераторов, но и известных политических и государственных деятелей.

Особое внимание посетителей привлекает скульптурный портрет Пушкина в полный рост, созданный Александром Теребневым в 1837 году. Экспонат также пользовался популярностью и у современников, как наиболее достоверное изображение поэта. В музее воссоздана пушкинская эпоха.

Встреча в Союзе писателей Америки

20 ноября был открыт осенне-зимний сезон двустороннего сотрудничества между Союзом писателей Америки (National Writer Union) и Пушкинским обществом. Татьяна Шереметева, писатель и куратор проекта, представила руководителя нью-йоркского отделения объединения литераторов США Алекс Фейц, которая в своем выступлении поблагодарила всех за успешную работу и пожелала удачи дальнейшим совместным инициативам.

Виктория Курченко, президент Общества и член Союза писателей Америки, в этот раз в этот раз выступала в качестве исполнителя своих текстов. Она представила на суд аудитории стихи, рассказы и фрагменты переложения памятника средневековой литературы «Тысяча и одна ночь».

Александр Дранов познакомил слушателей с творчеством Дона Аминадо, а также прочел выдержки из произведений Дины Рубиной.

Музыкальную программу вечера подготовила Анна Лернер, в ее скрипичном исполнении прозвучали мелодии Вивальди, Альбини, Мендельсона и Шостаковича.

Встреча с Летисией Джеймс

29 ноября продолжил свою работу Кабинет по делам русскоязычных иммигрантов при офисе вице-мэра Нью-Йорка Летисии Джеймс (Public Advocate for the City of New York). Обсуждались вопросы развития русской диаспоры, ее специфические черты и разнообразие, вопросы трудоустройства, взаимодействия с властями города, а также возможности финансирования некоммерческих проектов.

В работе приняли участие: Русскоязычный общественный совет Манхэттена и Бронкса, Русско-Американский культурный центр, Пушкинское общество Америки и другие организации.

Арт и шоколад, кабаре-аукцион

4 декабря на двух языках – русском и английском – прошла программа «Арт и шоколад, кабаре-аукцион».

Открыл наш новый музыкально-художественный салон, который теперь будет постоянно собирать своих гостей, представитель вице-мэра Нью-Йорка Патрик Льюис (Patrick Lewis, Outreach Coordinator at Office of the New York City Public Advocate).

Музыкальную часть представляла Лариса Грабуа, она через песни и романсы провела экскурсию по знаменитым шоколадным местам мира, удивляя зрителей своей манерой исполнения и звонким и нежным голосом.

Художник Елена Лежен выставила на торги мини-аукциона свою работу «Шоколадное королевство», которая вызвала интерес и сразу была куплена – ко всеобщему удовольствию.

Художники из Гильдии Пушкинского общества Америки – Елена Голованова-Старенко, Марина Бозин и Евгений Тоневицкий – заинтересовали публику своими концептуальными работами, вызвали дискуссию. Некоторые из их произведений к окончанию торгов были проданы.

Атмосферу элегантности и уюта, в одном из богемных районов Центрального Бруклина, создала для нас хозяйка клуба Kitchen at Cobble Hill Ольга Потап.

Геннадий Кацов и Дмитрий Гаранин в NWU

18 декабря вместе с National Writers Union мы отпраздновали годовщину сотрудничества и провели предновогоднюю литературную программу с выступлением Геннадия Кацова и Дмитрия Гаранина.

Геннадий Кацов – поэт и журналист, автор восьми поэтических сборников, лауреат премии журнала «Дети Ра», номинант «Русской Премии», «Волошинской Премии», премии «Московский счет».

Дмитрий Гаранин – поэт и физик, автор большого количества научных статей и поэтических сборников. Ответственный редактор «Вестника Пушкинского общества Америки».

Состоялась дискуссия, выступающие отвечали на вопросы, приобретались книги с автографами, затем поэты читали на бис по просьбе слушателей.

В завершение Татьяна Шереметева познакомила всех присутствующих с планами проведения конференции русскоязычной секции и возможностью вступления в Союз писателей Америки литераторов – членов ПОА, пишущих на русском.

Творческий вечер Нины Косман

20 декабря в ресторане «Дядя Ваня» прошел творческий вечер поэта, переводчика и художника Нины Косман. Удивительные, яркие картины иллюстрировали тексты, которые автор создает как на русском, так и на английском языках.

Нина Косман родилась в Москве, в эмиграции с 1972 года. Опубликовала сборники стихов: «Перебои» (Москва, 1990), «По правую руку сна» (Филадельфия, 1998), «Behind the Border» (Harper

Collins, 1994, 1996) и «Gods and Mortals» (Oxford University Press, 2001). Стихи, рассказы и переводы были изданы в США, Канаде, Испании, Голландии и Японии. Пьесы ставились в театрах Нью-Йорка, на Off-Off-Broadway. Переводы стихов Марины Цветаевой собраны в двух книгах: «In the Inmost Hour of the Soul» и «Poem of the End».

Во втором отделении вечера выступили: Евгений Брейдо, София Юзефпольская-Цилосани, Елена Кушнерова, Анна-Нина Коваленко, Илья Бронштейн и другие.

Нина Косман – “Сказка о золотом петушке”

Евгений Тоневицкий, Марина Бозин – “Бесстрашие” (графика)

НОВОСТИ

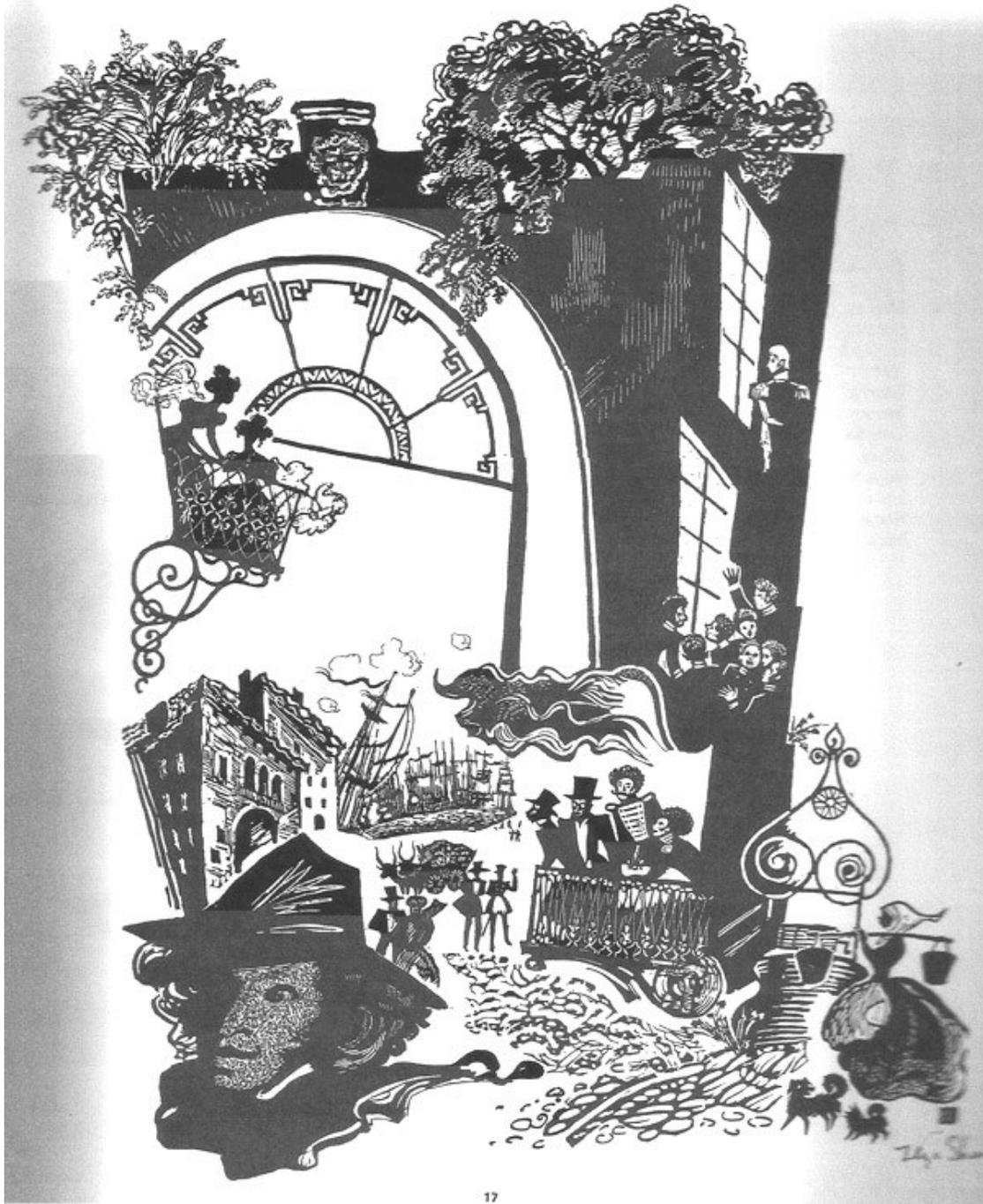
Конкурс «45-й калибр» на сайте «45-я параллель»

Международный поэтический альманах "45-я параллель" (<http://45parallel.net/>) за десять лет своего существования в сети стал мощным литературным порталом. Необычное название альманаха связано с городом Ставрополем, базой издателей, находящимся в географической зоне 45-й параллели. В феврале этого года в жюри конкурса был приглашен ответственный редактор «Вестника» Дмитрий Гаранин. Пушкинское общество Америки учредило номинацию "Душа в заветной лире" за продолжение пушкинских традиций в русской поэзии в конкурсе имени Георгия Яропольского (https://45parallel.net/45_calibr_2016). Два участника из числа лауреатов получают от нас почетные грамоты и денежные призы по \$100. В настоящем выпуске «Вестника» мы публикуем подборки стихов Пушкинских лауреатов 2016 года Марины Корсаковой и Геннадия Калашникова.

ПОЭЗИЯ

А. С. Пушкин: ОТРЫВКИ ИЗ ПУТЕШЕСТВИЙ ОНЕГИНА

Перевод Уолтера Арндта (Walter Arndt), гравюры Ильи Шенкера

17

Но уж темнеет вечер синий,
Пора нам в оперу скорей:
Там упоительный Россини,
Европы баловень — Орфей.
Не внемля критике суровой,
Он вечно тот же, вечно новый,
Он звуки льет — они кипят,
Они текут, они горят,
Как поцелуи молодые,
Все в неге, в пламени любви,
Как зашипевшего аи
Струя и брызги золотые...
Но, господа, позволено ль
С вином равнять do-re-mi-sol?

*

А только ль там очарований?
А разыскательный лорнет?
А закулисные свиданья?
А prima donna? а балет?
А ложа, где, красой блистая,
Негоцианка молодая,
Самолюбива и томна,
Толпой рабов окружена?
Она и внемлет и не внемлет
И каватине, и мольбам,
И шутке с лестью пополам...
А муж — в углу за нею дремлет,
Впросонках фора закричит,
Зевнет и — снова захрапит.

Финал гремит; пустеет зала;
Шумя, торопится разъезд;
Толпа на площадь побежала
При блеске фонарей и звезд,
Сыны Авзонии счастливой
Слегка поют мотив игривый,
Его невольно затвердив,
А мы ревем речитатив.

But now the evening blue is fading,
It's close to opera time, we're pressed!
Rossini waits, the scintillating
Orpheus and darling of the West.
Cantankerous reviews ignoring,
He stays the same, yet never boring;
He pours out music, and it breathes,
It coolly flows, it hotly seethes,
It turns the mind to youthful kissing,
All languid with the senses' bloom;
To Ai's spurt and golden spume
Caught in the goblet, cool and hissing...
But, friends — to mix do-re-mi-so
With wine is hardly *comme il faut*?

*

How rich a spread for our elation!
What of the spyglass's foray?
What of the backstage assignation?
The Primadonna? The ballet?
The box where, in young beauty shining,
The merchant's wife is seen reclining,
Complacent and inured to raves,
Surrounded by her troop of slaves?
She both takes in and pays no mind to
Melodious serenade or plea,
Or jest disguising flattery.
Her husband in the chair behind her
Cries out a drowsy "bravo," then
Completes a yawn and snores again.

Finale storms; the crowd retraces
Its entrance, loud and pent up tight,
Then bursts into the public places;
With streetlamps and the stars for light,
Sons of Ausonia the placid
Strike up the kind of catchy passage
Which charms the mind and never leaves,
While we belt out recitatives.

Марина Корсакова: МОЛЧИ, ПОЭТ, ВЫДУМЫВАТЬ ГРЕШНО

Пушкинский лауреат конкурса «45-й калибр» 2016 года. Конкурсная подборка на [сайте конкурса](#) в разделе «Список зарегистрированных участников»

***

Снегопадом заварен воздух –
Ароматный и крупнозвёздный,
Вдох отличен ли от глотка?
Если духу потребна пища,
Ничего нет зимою чище
И насущней наверняка.
Что ещё тебе, человеке,
Сходит небо само на плечи,
Засыпая печали след.
И в бегущей строке момента –
Ничего, кроме снега, света,
Никого, в ком не дышит свет.

***

Снег набело, что мог, переписал,
И пряничны домишки и заборы,
Окошек леденцы – в сплошных узорах,
Колечки дыма в низких небесах.
Сиди себе у пламени печи,
Подбрасывая лёгкие поленья,
Мечтай о солнце, празднично-весеннем,
Чьи беглые касанья горячи;
И кайся, что причудлива душа –
Любая данность ей несовершенна:
Страшась и не желая перемены,
Грустит о прошлом, к новому спеша.

***

Февраль непредсказуем ныне –
Попеременно снег да дождь,
То почернелых веток дрожь,
То, серебристой сканью, иней,
То караулит за углом
Порывом резким ветер стылый,
То солнца луч меж туч унылых,
Взыграет мартовским теплом.

Весны ль замерзшая слеза,
Зимы ли странные капризы?
Так сущее бросает вызов,
Привычным к миражу глазам,
Так нескончаемо дрожит,
Любой ответна перемене,
Немой наперсницей мгновений,
Душой играющая жизнь.

Сказки о зиме

1.

Ещё чуть-чуть – и речка тронется,
Дождутся почки перемен,
Заголосит сосулек звонница
О потерявшейся зиме,
Туман искать её отправится,
Да сам заблудится в полях,
Кому нужна теперь красавица
В полуистлевших соболях?
Старей, выплакивая очи, ты,
Постись до маковой зари,
И за отраду одиночества
Без голоса благодари.

2.

Солнца улей разлетается,
Истоньшаясь, вянет снег,
Ах, зима моя, молчальница,
Знать, окончился твой век.
Не стучать ночами в сени и
Не выписывать, таясь,
Белых рун переплетение,
Ускользящую вязь.
Не загадывать загадки и
Не ложиться у огня,
И судьбу мою негладкую
Чистым светом не ровнять.

3.
Февральские песни допеты,
На тонкие ветки надеты
Лохматых пород облака,
И ширясь внезапно, как слово,
Кружит между них бирюзово
Бездонного неба река.

Забудь. Зима отныне под запретом,
Ни слова о ее беззвучных снах.
Когда б о ней хоть что-то знало лето,
Когда б о ней провела весна...
Но им бы всё то танцы, то заботы
О радостной поющей кутерьме,
И даже если им расскажет кто-то –
То это просто сказки о зиме.

4

***

В предзакатном луче просияет берез кора,
Синева так густа – разбежаться бы и нырнуть,
И за правым плечом светлый ангел шепнет: пора,
А за левым плечом чёрный громко вздохнет: забудь.

Измени имена, пролистай города навскид,
Шли указы дождям и ходи по речной воде,
Светлый ангел незримо за правым плечом стоит,
А за левым плечом беспокойная дышит тень.

Что судьба? Просто нить, что натянута меж опор,
И от света до света брести мне, пока живу?
А не станет меня – и уймётся извечный спор –
Без мишени нет смысла натягивать тетиву.

И не чужды звезды, и рыбёшкой вмерзая в лёд,
Я услышу слова – те, что огненны и просты,
И пока я живу – бесконечность во мне живёт,
Через сердце моё пролегают её мосты.

***

Лечь навзничь и в небо глядеть, туда, где земного превыше
Рождаются формы, подвижны, и тают, как след на воде.
Где жизни летучие сны едва обретают покровы,
Где мысль облекается словом из ткани самой тишины.
И Сын неразлучен с Отцом и корнем свободы и силы,
И лёгкая плоть не застыла, своё обретая лицо...
Еще ни имён, ни преград, ни нужд нескончаемой сети,
Ни жаркой молитвы о свете,
Ни зла,
Ни добра.

***

Не суетясь – вживаешься в течение,
Доверясь его знакам и ветрам,
Событий ход, круговорот вещей ли
Вершится без особенных затрат.
Растёт трава, на солнце сохнет блузка,
Спит облако, ворочаясь во сне,
Всё чаще жизнь, просачиваясь в русло
Обычных дел, стихает в глубине.
И полнотой согласия и светом
Дарит мгновений золотая нить,
И я свободна, совпадая с летом,
С самой собой
И с Богом, может быть.

***

Молчи, поэт, выдумывать грешно,
Покуда бродит юное вино
Зелёных дней, и сыпется малина,
Пока топорщат листья кроны слив,
И облако, парящее вдали,
Лохматую почёсывает спину.
И солнце не спускает глаз с луны,
Ромашковой пылью пахнут сны,
Прохладный вечер бестелесно-светел,
Блестит росой паучье решето,
И смертью не отмечен ни листок,
И живы все кузнечики на свете.

***

Закрой глаза – осенней тишины
Ты и тогда не спутаешь с иною,
И память дорисует остальное –
Неяркий мир в потёках желтизны.
И душу тронет острым холодком
Сознание неизбежности разлуки
Со всем, что краски, запахи и звуки
Плели самозабвенно и легко,
Что ныне осыпающийся лес,
Теряющий и помыслы, и страсти...
И прикасанию смерти неподвластен
Один простор открывшихся небес.

***

Снег свеж ещё, а воздух дымно-сер,
И прядь за прядью в кружевной косе
Предательски скользит и тяжелеет,
И глупо полагаться целиком
На белый свет – законен и знаком,
Он исподволь непоправимо тлеет.
Что будет завтра – оттепель, мороз?
Рождённый сотней опытов прогноз,
Сколь ни был важен, все ж недостоверен,
И день, сгущаясь к вечеру, молчит,
И в темноте неузнанных причин
Мне остаётся принимать и верить –
Когда б на слово – попросту без слов,
Что ненадёжен ни один покров,
И ни на чём нельзя остановиться,
Что полнит тайна книгу бытия,
И есть среди начертаний и моя –
Неважно, буква, слово ли, страница.

***

Когда снежинки звёзд дырявят мглу,
когда совсем не спится – есть перо.
Ночь не осудит – и пишу на слух,
забыв, что всё, что сказано – старо.
Какой бы я ни вкладывала смысл,
что б ни стремилась рассмотреть вдали –
на этих тропах даже камень лыс
от тысяч ног, что до меня прошли.
И в миг, когда, безмолвствуя в углу,
часть существа толкнётся на простор –
покажется, что важен только слух,
чтоб не сфальшивить. Остальное – вздор.

***

Зимний день – коротышка, с вершок,
Низких туч дымовая завеса
Рассыпает сухой порошок
Без разбора над полем, над лесом.
Стукнет в окна мороз: не зевай,
Закряхтит под сугробом крылечко,
И сновидит под снегом трава,
Без надежды, что холод конечен,
Что кружится времён колесо,
Чередуя и вёсны, и зимы...

Но минувших мгновений песок
Ничего у неё не отнимет.

***

Там, где русло твердеет до дна,
где вскипает снегов молоко,
полнострунно звучит тишина,
вековечный нисходит покой.
в бледном небе слоится заря,
полоса золотая дрожит...
мы поверили в смерть – это зря,
этим мы обесценили жизнь.
мы доверились снам, будто сны –
не деяние, а естество...
слышишь? это толчок тишины,
без которой творенье мертво.

***

Взяв в руки кисть, простишься с необоримой жаждой
Немедленно создать пусть не шедевр, но всё ж...
Железо башмаков сотрётся не однажды,
Пока хоть лепесток окажется похож.

Не доверяя словам – верны будь или льстивы,
Правдивей всех судья, что у тебя внутри,
Ему ль не разглядеть, что долька апельсинной
Ты форму воссоздал, а жизнь не подарил?

Никто бы не прошёл тропой непроходимой,
Где промахи гурьбой являются на свет,
Когда бы кисть в руке сама не уводила
Туда, где мир блажен, где результата нет.

***

Когда бы знать, пуста ли пустота,
Иль на просторах чистого листа
Уже горят задуманные краски,
И пропасть перечёркнута крылом,
А мир, что отражен простым стеклом,
Всё тот же для сюжета и развязки.

И невозможность – та, что за чертой,
И пустота за жизни полнотой –
Лишь маяки в таинственном безбрежье...
Греби, почти отчаявшись, на свет
И знай, что то, чего сегодня нет
Пробуждено порывом безнадежным.

Марина Корсакова о себе: Родилась 2 марта 1959 года в г. Обнинске. Закончила Калининский госуниверситет по специальности «биология». Много путешествовала, работала в геологических экспедициях, редакции районной газеты, учителем в школе и много еще где. Стихи начала писать в конце девяностых. Ямба от хорея не отличу, но знакома с творчеством очень многих поэтов. Выпустила 2 сборника, немного печаталась в различных журналах. Участвовала в паре конкурсов. Поэтическое кредо? Как в жизни – стараюсь излучать свет, насколько возможно.

Геннадий Калашников: КАК РЫБЫ ВПЛЫВАЕМ В ПЯТНО ЗАРИ

Пушкинский лауреат конкурса «45-й калибр» 2016 года. Конкурсная подборка на [сайте конкурса](#) в разделе «Список зарегистрированных участников»

* * *

Никогда не пора,
ни в ночи, ни с утра,
погоды у воды, ледяным повернувшейся
боком.

Кто-то смотрит на нас,
словно тысячью глаз,
то ль одним, но всевидящим оком.
Пусть запомнит вода
рыбака невода,
птицелова силки и упрямые петли по-
гони.

Прячет омут сома,
смотрит осень с холма
из–под тонкой, прохладной ладони.

На миру, на юру,
на бытийном ветру
из живущих никто не пропущен.
Дальний выстрел в лесу
постоит на весу
и рассыплется в чащах и кущах.

Смотрит осень вприщур,
зензивер, убежур
и прорехи, зиянья, пустоты.
Что ты медлишь, Творец,
расскажи, наконец,
про твои золотые заботы.

Ведь запомнит вода
у запруды пруда,
что не входят в поток ее дважды,
то, что свет – это тьма,
что открылись с холма
горизонта с полями пространные тяжбы,

медь и камедь сосны,
свет молочный луны,
облаков невесомые битвы,

блеск плотвы, плеск листвы,
шум травы–муравы,
гон твоей каждодневной ловитвы.

БУКВЫ

1.

Муравьиный Крит,
волны бьют упрямо,
учат алфавит:
альфа, бета, гамма.

Белый теплоход,
рябь теней, как смальта,
все наоборот:
гамма, бета, альфа.

Было и прошло,
дебит, кредит, смета,
время истекло:
альфа, гамма, бета

2.

Ночь напролет
с призывком меди
ветер поет –
аз, буки, веди.

Так говорят
после разлуки –
все невпопад:
аз, веди, буки.

Минуйте ны,
порча и сглаз.
Веди темны,
буки страшны,
есмь аз.

* * *

На земле, на воде не оставишь следа,
жизнь богата и так скудна,

камениста земля и у дна вода
не такая, как не у дна.

Ты всю жизнь играешь в нечет и чет,
твое время идет на слом,
океанской волною о берег бьет
подмосковный твой водоем.

Этой легкой волны ледяной перелив,
эта ржавая жадность глин,
Сердцевина воды, сердцевина земли,
Сердцевина всех сердцевин.

Затихает времени длинный гул,
Все некстати, не (*нрзб*), вразброд,
Шевелюру взъерошил, в лицо дохнул
Узкий ветер иных широт.

Нынче день какой – четверг, среда?
А ты еще не одет, не обут...
Камениста земля, вода тверда.
Когда понадобишься – тебя найдут.

* * *

Жил Пьеро на станции Перово,
что по меньшей мере нездорово.
Как всердцах заметила Мальвина –
жизнь – не развеселая малина.

Оплыла Мальвина и поблекла,
* * *

День начинается. Тень, поселившаяся на стене,
протирает горло и перья чистит,
дерево само по себе шумит в стороне,
дождь на ощупь пересчитывает на нем листья.

Приметы прошлого очевидны, а грядущего – нет,
близоруко вглядываюсь в дальнорюкие горизонты,
вопрос не задан, но готовлю ответ,
так на всякий случай берут с собой зонтик.

И, действительно, наклонившись низко ко мне,
небесный яхтсмен или воздушный дайвер
что-то спрашивает, слышу его не вполне,

стала не то брюква, не то свекла.
Он и сам утратил тонкость кости
сторожем в Кузьминках при погосте.

И давно к романтике не склонны,
свищут Буратины по притонам,
шушера, Шушара, мишура,
с Карабасом водку пьют с утра.

Песни здесь – на «ды», на «го», на «ду»,
про кирдык и Вологду-ду-ду,
Уч-Кудук, Надым, Караганду...
И Сидур, согнув гранит в дугу,
угадал про эту кергуду.

Я и сам порой здесь появляюсь,
как на фотоснимке проявляюсь,
сквозь метель, сквозь дымную пургу,
сам с собою сладить не могу.

Вечером бреду иль спозаранку,
жизнь свою читаю наизнанку
по своим же собственным следам...

Здесь, в чужих пределах и притинах,
все ищу волшебную картину,
где очаг затянут паутиной,
где не все уж так непоправимо,
где сверчок в рубашке из сатина
азбуку читает по складам.

но отвечаю, что груз на плечах и свет в окне
ничего, не гнетут, вообще – не давят.

* * *

Сплющенный меж мохнатой тьмой и колючим светом ты
всего лишь перепонка колеблемая мембрана и уж конечно не голос
ты искришь на ветру рябишь как поверхность воды меняешь свои черты
за каждой тьмою свет за светом тьма и за средостением еще одна полость
камень слепой тебе шепчет и ангелы многоочитые тебе поют
и ты уже пресуществлен да и так любой ерундою мечен
после таких перемен как еще близкие тебя узнают
ведь расстались утром а сейчас – смотри – почти уже вечер
пожива пастыря пьедестал праведника полигон психиатра персть и прах
сразу же от подошв ты начинаешь граничить с галактикой и вселенной
атмосферный столб циркачом плотно и стройно стоит на твоих плечах
как кренится и рушится он когда исполняется срок твоей оболочке тленной
не раз на дню – как размер стиха – прихотливо изменится твой почерк
совсем не так начнут выглядеть – например – равнина и над ней – например – луна
наверно оттого что пласты земли передвигаются с неиссякающей мощью
словно лопатки совершенно косматого мамонта или совершенно голого слона
ты дробисься, множишься и собираешься вновь один и тот же и каждый раз по-иному
и непонятно как надо (и надо ли) ибо миг и мир (как всегда) уже не таков
ведь первое – вот еще пример – чему поражаешься выходя из дому –
обилию обликов облаков.

* * *

Я не знаю: не сплю или все же уснул,
если сплю, то тогда мне снится
чистая, как поле под Тулой, страница,
если сплю, то к столу притулился стул
и больше не шевелится.

Это комната. У столов и стульев нрав и повадки угрюмы,
не то – буфет, с его перезвоном рюмок,
или комод, где ты сберегла
ворох пестрого барахла.

Если сплю, то ни хмур, ни весел,
по широкой реке в лодке плыву без весел.
По реке в лодке – впрочем, я и не против, –
ни хмур, ни весел. Скорее – по, чем – против

течения. Дремлю, сидя у трапа на чемодане,
я покинул комнату, и, едва переведя дух,
вещи начали говорить о том, о чем никогда не
решались при мне говорить вслух.

А на реке крикает селезень, зудит слепень, молчит слизень,
так, словно талой воды набрал полон рот,
и здесь даже самая точная мысль о жизни
отражается и становится мыслью наоборот.

Мысль о жизни вручную перемалывает время в деньги,
по сторонам не смотрит, сама собой до краев полна,
и о том, что бессонница – это *modus vivendi*,
ей расскажет флора, растущая в урочищах и по обочинам сна:

валериана, шалфей, зверобой, пустырник,
окопник, сабельник, мак–пустоцвет не в счет,
иван-чай, цикорий, укроп и любой кустарник
распаривается, заваривается, настаивается и идет в ход,

шелестит в изголовье, шуршит в изножье,
ночной птице и всяческой фауне дает приют.
А река все течет, передергивая озябшей кожей,
меньшие братья пищевые цепочки куют.

Ладно, пусть волки хвастаются, хвастаются, хвастаются клыками,
Пусть ворон точит, точит, точит свой клюв о камень,
А ты, ночная птица, сипи, сипи, сипи:
Гена, не спи не спи не спи не спи...

* * *

Ночью, под боком Москвы, куда –
неизвестно, но зато известно – откуда...
Над ноябрьским лесом скупая звезда,
за лесом погромыхивают поезда,
словно, вытерев, в буфет составляют посуду.

Мерзлые кочки, и путь крут,
обогнув планеты тяжелый круп,
узкий ветер грозит простудой...
Удавалось ли вам совершить круг
и вернуться туда – откуда?

Чтобы обдумать и дать ответ –
протяжное "нет" или краткое "да" –
отвлечемся к деревьям: листвы нет,
и неизвестно теперь – когда

* * *

Дно колодца мерцает, дробится – то ли
зеркало, то ли глаз кита, на спине которого лежит Земля.

Дом стоит на пригорке, за перелеском пустое поле
да бурун облаков от проплывшего небесного корабля.

Спорят с ветром деревья, вскипают и даже,
выворачивая листву, переиначивают свое естество.
Весь набор: свет и тень, необходимые для пейзажа,
как и прочие – крупные и мелкие – части его.

Циферблат небосвода всегда педантично точен:
По-имперски безлик, облаков принимая парад.
Здесь подробностей нет, лишь сплошное зиянье и прочерк,
ибо точен и сух небосвода слепой циферблат.

Это бездны следы, на лазури ее отпечатки,
это вечности цепкий, недвижно-внимательный взгляд.
Сохраняется все на фасетчатой влажной сетчатке:
никуда не уйдешь, никогда не вернешься назад.

Неподвижно плывут облака, циферблат никогда не проснется,
дом стоит на пригорке, и в этом какой-то расчет.
А река под горой и вода в подземелье колодца
все течет, Гераклит, все течет и течет, и течет.

* * *

Я сослан в немоту, туда, где уже давно Макар и телята, где зимуют раки,
где в бубен бьет и старым сухим ребром играет мой ровесник бес,
где в логове слов над листом бумаги согнулся, высунув перо и язык, Акакий
Акакиевич, перебеливая циркуляр, спущенный по инстанциям ему с небес.

Плачь не плачь, утони в слезах, но если, если тебе изменила Муза,
если над притяжением, над упругой волной словесной утрачена власть,
что тебе жар глаголов, тяжесть существительных, клейковина союзов,
и наречий неверная, невесомая и не очень понятная вязь?

Я – ловец и добыча, живу у словесной реки, вдоль ее гужевого потока,
там, где бог из плавучей машины, как капитан Немо,
вываливается и подслеповато щурит глаза,
я бреду вдоль течения, бесполезными жабрами хлопая, как после потопа,
и в обратный бинокль, пролетая, безмолвно глядит на меня стрекоза.

Я молчу, я молчу, я молчу, я молчу, покуда по верхней
стороне воды медленно приближается углый, угрюмый челн,
и впустую перебираю мережи синтаксиса, трясую грамматики верши:
где откуда куда вот теперь и если впрочем будто и уже ни при чем...

* * *

Ночная река, расширяясь, беззвучно уходит во тьму,
там что-то дрожит и пульсирует слева
поток замирает, и низко склонилось к нему
бессонницы серое голое древо.

Тяжелая птица сутуло сидит на суку,
из мрака во мрак переходит неясная нежить.
Прихлынет волна – про любовь и тоску,
отхлынет волна – про разлуку и нежность.

Такая любовь, что и ельник горбатый колюч,
такая разлука, что реку сгибает в излучку.
Сквозь черную воду мерцает серебряный ключ,
и больно туда опустить ослабевшую руку.

Как страшно река обрывается: сразу и вне
любых оговорок, всплывает изглоданный ревностью камень,
дробится луна на беззвучной покатоной волне,
и рыбы плывут, и луну задевают боками.

* * *

Не помня про меня,
скупой глотая воздух,
бредет любовь моя
по электричкам поздним.

Прижавшись лбом, во мрак
глядит через окно –
шлагбаум, дом, овраг –
не все ли ей равно.

Мелькает карусель,
снег падает и тает,
и звездная свирель
над нами не играет.

Умолкла наша высь
и не могла иначе,
постукивает жизнь
на скорости незрячей.

Запахнуто пальто,
распахнута окрестность
и понимает, что

нам больше не воскреснуть.

* * *

В притихшем парке вдалеке
оркестр играет под сурдинку,
моторка на Москве-реке
стучит, как швейная машинка.

Мне жаль осеннюю швею,
она весь день кроит, кромсает.
Твою судьбу, судьбу мою
швом сострочить не совладеет.

Струят последнее тепло
сухие плиты парапета.
Спрошу – и не дождусь ответа,
и лето в Лету отошло.

Над попрозрачневшей водой
под тонким небом серебристым
мелькают велосипедисты
по эстакаде ветровой.

Они промчатся в даль и в тень,

и в колесе сольются спицы.
Запомнить музыку и день –
он никогда не повторится.

* * *

Как рыбы всплываем в пятно зари.
Горизонт расправляет плечи.
Суша уходит в море при
любой их даже случайной встрече.

Мы добровольно идем в метро,
глядя без интереса
на плиты мрамора, т. е. ретро-
спективные снимки процесса

творения. Обузданный хаос заснят врас-
плох,
хищные отблески крупнозернисты.
Этот альбом перелистывал Бог,
Босх, наверное, тоже его пролистывал.

* * *

Последний трамвай, золотой вагон, его огней перламутр,
и этих ночей густой самогон, и это похмелье утр,
как будто катилось с горы колесо и встало среди огня,
как будто ты, отвернув лицо, сказала: живи без меня, –
и ветер подул куда-то вкось, и тени качнулись врозь,
а после пламя прошло насквозь, пламя прошло насквозь.
огонь лицо повернул ко мне, и стал я телом огня,
и голос твой говорил в огне: теперь живи без меня, –
и это все будет сниться мне, покуда я буду жить,
какая же мука спать в огне, гудящим пламенем быть,
когда-то закончится этот сон, уймется пламени гуд,
и я вскочу в золотой вагон, везущий на страшный суд,
конец октября, и верхушка дня в золоте и крови,
живи без меня, живи без меня, живи без меня, живи.

* * *

Разве я опоздал на пустынный вокзал,
голубиный причал, на заснеженный путь,
где товарный состав разгибает сустав,
на начало начал, на прогон, на финал?

Хляби вечности близко, а берег уже
вдали,
Прогремим-простучим над холодной ре-
кою.

Оглянусь и увижу – с осколка земли
Ты мне машешь рукою.

* * *

Прощай, прощай... Я не вернусь назад.
Смотри – уже не жалею, не плачу.
Какой-то полустанок, старый сад...
Чего стыдиться нежности собачьей?

В суровом августе огромный звездопад.
Качнулся мир и по-иному замер.
Никто не спит, нигде вообще не спят,
лишь облака с закрытыми глазами.

Это мне посигналил стальной семафор
Лунно-белым огнем в предрасветном
свету?
Разве знаешь хоть что-нибудь ты напе-
ред,
даже если посмотришь назад,

где обманчиво все и не видно ни зги?
Разве руку твою удержу я в своей,
если кровь разбегается врозь
и лукавая правда стоит за спиной?
Ветер воздуха полную грудь наберет
и, слепую опору найдя в пустоте,
накренит всю округу, держа небеса,
лязг железа, гул крови, глухой разговор
– черновик этой ночи – все сразу и здесь.
Снегопад перебелит страницу, начнет
свой подробный осмотр-пересчет,
где и мы учтены, как спешащие вдаль
вдоль железных путей, меж небесных ог-
ней
между жизнью и чем-то еще.

* * *

Листва, листвы, листве, листвой
и о листве, конечно.
О чем еще тропой лесной,
о чем твердить беспечно?

Какой-то в воздухе изъян,
и в щели ветер веет,
вращает легкий барабан

* * *

Дождь переходит в снег, а снег
обводит мелом дороги и кровли...
Мы с тобой давно задумывали побег
туда, где крестьянин свои обновляет дровни.

Нет, наверно, задумывал я один,
прослышав о счастье, покое, воле,
сам себе царь, себе господин,
но – один всего лишь на миг – не боле:

ведь и в глуши очерченных мелом лесов,
застывших с разбегу рек, в тесноте просторов
ты расщепляешься на множество голосов,
ведущих невнятные разговоры и бесцельные споры.

Все то, что читал, что тебе напевала мать,
что сверстник рассказывал, невпопад, украдкой,

зеленой лотереи.

Сойди с небес мне на плечо,
неведомая птица,
сквозь толщу воздуха еще
сумеешь ты пробиться.

Еще увидят нас с тобой
и нас с тобой полюбят,
еще возьму листок резной
из загнутого клюва.

На север, запад, юг, восток
раскинутся просторы,
и мне достанется листок
с загадочным узором.

Гудит в Земле густой огонь,
кипит бесцветным пламенем,
с зеленой кровью мне ладонь
раскрыта для гадания.

Дай жить, глядеть на белый свет,
в природе и в народе,
дай даль, которая на нет
меня сведет и сводит.

все это не спит и мешает спать,
листает, нервничает, шуршит закладкой.

Ты темную реку переходишь вброд,
ища во тьме огонек папиросы,
словно на берегу тебя поджидает тот,
кому задаешь и на чьи отвечаешь вопросы.

При чем здесь крестьянин и санный след,
и пушкинский почерк по белому белым?
Татуировка синее, мол, счастья нет,
а есть только свет и тьма, обведенные мелом.

Мы живем впотьмах, впопыхах, и весь этот мир,
где досужий крестьянин успел обновить свой полоз,
всего лишь эхо, неясный, зыбкий пунктир,
надтреснутый, запинаящийся, негромкий голос,

говорящий чудную, чУдную весть,
о том, что ты здесь и уже с пути не собьешься...
– Господи, – пробормочешь, – если ты есть...
И тут же заткнешься.

ДРУЗЬЯМ

светает истончается и тает тьма
свет это единственное что не может свести с ума
что освещать ему все равно
он льется всегда
здесь бессмысленно слово давно
он льется всегда
здесь бессмысленно слово зря
не так как река состоящая из течения и песка
он не знает числа
ему непонятна дата
он отвергает правоту циферблата
все – в остатке – ничто
за вычетом света
надеясь пальто мы утверждаем что кончилось лето
ему наплевать что лето переползает в осень
он сам по себе
и сам по себе он очень
мы тоже отдельно но мы
больше зависим от тьмы
а он вездесущ
он любую кость изгрызет изгложет

ося ленья сережа
он нас перетрет как часов пружины и оси
ленья сережа ося
въедливей лесопилок крепче камнедробилок горячее плавлен
вот он вползает в окна с виду совсем бессилён
что ему чушь григорианского календаря
сережа ося ленья
и я

ЛЕРМОНТОВСКАЯ ПЛОЩАДЬ

Из тьмы троллейбус вынырнул и встал
и вновь умчался с дребезгом тележным.
Как подстаканник круглый пьедестал,
на нем поэт мечтательно-мятежный,
но как бы озабоченный слегка,
что он, как перст, торчит на белом свете,
что оттопырил полу сюртука
весьма кустарно выполненный ветер.
Хотелось бы цитату привести –
жестокий век, надменные потомки, –
но вновь троллейбус, провод сжав в горсти,
мгновенной вспышкой разорвет потемки.
Электровспышка застает врасплох
(вот так на стенд «Не проходите мимо» –
жестокий век! – снимают выпивох).
И мы уже рассматриваем снимок.
Высотный дом из светло-серых плит,
поет цикада родом из Тамани,
нет, не цикада – мелочью гремит
прохожий в оттопыренном кармане.
Хотелось бы задуматься, скорбя,
под шелест лип хотелось бы забыться,
но вновь пронзает воздух октября
электроангел с электрозеницей.
Шуршит листва, как будто дело в том,
чтобы цитату отыскать прилежно,
как будто выдан каждой липе том
с закладкой и пометкою небрежной,
как будто бы цитата подтвердит
весь этот мир, что только с бездной дружен,
а пение электроанид
внесет гармонию в измученные души.
Нога скользит – как зыбок здесь гранит,
разверзлась пропасть – страшно без привычки,
кремнистый путь над бездною блеснит,
и здесь поставить надо бы кавычки.

Прекрасен мир с приставкой электро-,
мир без приставки тоже нам приветен.
И вход в метро и выход из метро
как ноздри демона, вдыхающего ветер.

* * *

... не взрыв, но всхлип
Т.-С. Элиот

Вот он, вот он край
вот он – край всего:
рельсы и сарай,
мачты ПВО.
Кто сказал, что мир
всхлипнет под конец?
Вряд ли этот миг
замышлял Творец,
вряд ли потирал
о ладонь ладонь
и не предвкушал
пепел и огонь.
Чтобы допустить:
мир и город пуст,
надо проявить
выдержку и вкус.
Вопль, огонь и мрак –
это через край,
все скромнее, как
рельсы и сарай.
Нет, не всхлип навзрыд,
и не вихря взмах ...

Рябь и плеск воды,
ветер в проводах.

НОЧНАЯ ГРОЗА

С тоскою кочевья,
с натугой корчевья,
томясь электрической силой сухой,
касаясь губами верхушек деревьев,
на крыши вставала босою стопой.
Куда-то всходила, держась за перила,
уступы и арки в себе громоздя,

изломанной молнией вдруг осветила
блестящие мышцы дождя.

ЗВЕЗДА

Глядящая с высот, с немислимым наклоном
к поверхности земли, так чуждая земле,
холодная звезда взошла над нашим домом,
холодная звезда в холодном феврале.
И что нам до нее, средь прочих тел небесных,
но увидавши раз, мы глаз не оторвем:
ей снится наша жизнь, дохнувшая сквозь бездны,
достигшая ее своим скудным теплом.
Здесь в скрепах ледяных, снегами запорошен,
ветрами просквожен, лежит земной простор,
а в том далеком сне отчетливей и строже
сплетается судеб загадочный узор.
Здесь речка подо льдом полна заноз железных,
ушла в свою печаль, не помнит ни о чем,
но тонкий свет звезды, легко презревший бездны,
пронзил во всю длину мерцающий объем.
На нас глядит звезда, нам укрупняя зренья;
куда нас повлечет неведомым путем
холодный этот луч и света дуновенье?
В светящейся реке без берегов плывем,
на зыбкий этот луч, на этот свет тревожный,
жизнь бесконечна и – в одном мгновенье вся.
Куда глядит звезда? Куда спешит прохожий,

дыханья ломкий куст сквозь стужу пронося?

ИЮЛЬ

Запад багряный. Вишневый восток.
Ветер причудливый, медленный
в небе вращает косматый клубок.
Плод завязался. Согнулся росток.
В памяти устья хранится исток.
В трубках растений запенился сок –
радость пчелы привередливой.

Остья пшеницы. Синий овес.
Дроздов суматошливых стая.
Темный и теплый омут и плес
под напряжением спеющих гроз.
На мочажине в початках рогоз.
Глаза в слюдяных превратились стрекоз
и над лугами летают.

Стебель коленчатый цапельный ржи.
И подорожник овальный.
Норы в обрывах, откуда стрижи
чертят зигзаги свои, виражи.
Переплетение веток и жил.
Озеро в травах ленивых лежит,
как инструмент в готовальне.

Утренний дым. Вечерний туман,
дальней грозою чреватый.
Воздух в листве открывает изъян.
Полой травы невесомый орган.
И ежевичный колючий капкан.
Конского щавеля ржавый султан.
Картошки цветок лиловатый.

Медленный ветер над лесом и лугом.
Длинной волны смех или плач.
Куст водяной принимается хлюпать.
Вспаханы воды невидимым плугом.
Выгнется речка подковой и луком.
На берегу с восклицательным клювом
грубо оструганный грач.

Выше же – сосен кора золотистая,
кроны слоисто-зеленой пятно

сливается с тучей над старою пристанью,
речною рябою излучиной чистою,
где тонкая молния, длинно-ветвистая,
что глянет мгновенно и пристально,
корягою ляжет на дно.

КУПАНИЕ В ОЗЕРЕ

Для рыб я птица, а для птиц я рыба.
И озера мерцающая глыба,
растущая из бьющего ключа,
колеблема движением плеча.
Вода причудлива и каждый миг иная,
шершавая, угластая, прямая,
секундою и вечностью живет,
и синий мрамор неба отражая,
и стрекозы мигающий полет.

КУЗНЕЧИК

«Кузнечик дорогой, коль много ты блажен...»

М.В. Ломоносов

Что, кузнечик, молчишь?
В глушь забился и тишь
воле своей вопреки.
Петь теперь не с руки
в травах возле реки,
словно не свой на склонах
в кирасе светло-зеленой?
Знать не принес успех
рыцарский твой доспех,
крылья твои оплечь,
твой хитиновый меч,
поднятое забрало,
жвала твои, кресала...
Всего оказалось мало?
И перемкнул мозжечок,
все, отныне – молчок?
Но кто бы там ни был ты,
не грубы твои черты.
Смотри, бороздя поля,
дольней стезей пыля,
супесь мяса, глинозем,
дымом дыша, огнем,
трактор ползет, спесив,
в общих чертах схватив

поджарый твой конструктив,
твой нехитрый мотив.
С угарным выхлопом труб,
вроде и груб, и туп,
и вечно в своей пыли,
но все ж тарахтит вдали.
А ты словно тать в ночи.
Ты тоже пострекочи,
уравновесь всю мощь
этих лесов и роц.
Слушай, возмись за дело,
или не накипело?
Оставь молчание для
безмолвного голавля.
Даже комар поет,
к нам устремляя полет,
а после – по крови брат –
звенит, уходя в закат.
Скачи, не жалея хитин,
сам себе господин.
Зноем весь одурманен,
в профиль, как египтянин,
пой, остри глазомер,
в разряд не входи химер.
Разве иначе найдешь
росчерк твой, твою дрожь,
если только спугнешь.
Ты весь из земного праха,
а как зелена рубаха.
СчаСтлив или счастлиВ –
вот примерный мотив.
Можно ль уйти, не сумев,
спеть свой напев?
Гляди, средь древесных тел
лист уже пожелтел.
Зная все наперед,

прячется твой народ
в складки коры и в мох,
дальше – рассудит бог.
Вскоре все мжи и га,
эти луга, стога
насквозь продует пурга,
сплошь заметут снега.
В эту суровую весть
ты умечаешься весь.
Ведь беспощадный лед
стрекот твой оборвет,
сумрачный ледостав
навек замкнет уста,
скует коленный сустав.
Грустный императив
Этих полей и нив.
А полчища белых мух
не улаждают слух.
Полно, кузнечик, нам
прятаться по углам,
в тонком золоте трав
ты совершенно не прав.
Играет травы орган
Что-то про инь и ян,
Что-то про сон и явь.
В пору холодных снов
светится меж снегов,
пусть и под волчий вой
серебряный стрекот твой.
В этой живой волне,
в этой теплой возне,
не пропадай, кузне...
ты ведь не зря возник...

.....чик.

Геннадий Калашников родился в 1947 году в Тульской области.

Окончил филологический факультет Московского государственного педагогического института. Работал литературным сотрудником, редактором в «Литературной газете», издательствах «Современник», «ЭКМО» и др. Публикуется с 1971-го г. в российской периодике: журналы «Юность», «Знамя», «Новый мир», «Октябрь», «Другой берег», «Грани». Автор нескольких книг стихов: «Ладонь»

(1984), «С железной дорогой в окне» (1995), «Звукоряд» (2007). Его произведения представлены в антологиях «Русская поэзия. XX век» (2001), «Русская поэзия. XXI век» (2010).

Дипломант Всесоюзного конкурса имени М. Горького за лучшую первую книгу (1984), премии «Московский счёт» за лучшую книгу года (2007), международного Тютчевского конкурса «Мыслящий тростник» (2015).

Живёт в Москве.

Евгений Тоневицкий, Марина Бозин – “Дива” (графика)

ПРОЗА НАШИХ АВТОРОВ

Наталья Асенкова: НА ФОНЕ КОРМИЛЬЦА

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Солнце упрямо скатывалось за горизонт, когда доцент Вячеслав Игоревич Мацуев подъезжал к Заповеднику. Хотя сумерки в этих местах были коротки и темнота наступала мгновенно, Мацуев машину не гнал, не торопился и ехал на умеренной скорости. Он хорошо, ещё с юности, знал эти места и любил особенно короткие сумерки Заповедника за их влажность, проникавшую в тело сквозь одежду, свежую и легкую влажность, охлаждавшую кожу и снимавшую дневную усталость от летнего зноя.

Вячеслав Игоревич притормозил, хлопнул дверцей «Жигулей» вишневого цвета и вдохнул воздух всей грудью, откинув полы легкой расстегнутой куртки. Эх, как оно было хорошо – чистый воздух! Это вам не просто прохладный ветерок на загазованном летнем шоссе в Питере.

Лето было в самом разгаре, и знакомые места наполнились вдохновенной и тихой красотой. По обеим сторонам асфальтированной неширокой дороги тянулись густые поля цветущего льна. Мацуев за целый день в машине уже наглядился вдоволь на голубой трепетный лён, но сейчас, в сумерках, смотрел и смотрел на него снова, чувствуя легкость во всём теле, и ему хотелось побежать в эти поля льна далеко, далеко! Побежать, повалиться, затеряться в них, как мальчишке, как пацану, забыв обо всей своей прожитой жизни. Но Вячеслав Игоревич, конечно, никуда не бежал, а просто стоял на дороге и смотрел на поля цветущего льна. В сумерках поля изменили свою окраску. Они помрачнели, стали густозелеными, махровыми, плотными и казались фантастическим коварным и комковатым пространством, то и дело менявшим свои очертания и оттенки под ветром.

Вячеслав Игоревич прошёлся вперёд по дороге. Дальше следовал поворот, но, как и всегда, во все прошедшие годы, никаких дорожных знаков здесь и в помине не было. Мацуев вернулся к машине. Он сел за руль и, лениво откинувшись на сиденье, зевнул. Изменилось ли что-нибудь в Заповед-

нике? Дорожного знака не повесили на этом круглом повороте до сих пор, и значит надо было ожидать, что нет, ничего не изменилось.

В Заповеднике Вячеслав Игоревич не был три года, а вернее – три года подряд отдыхал на море, и теперь размышлял о знакомых людях из этих мест. Он прикидывал варианты предстоявшего отдыха. Раньше, в молодости, Вячеслав Игоревич проводил здесь много времени – часы и дни, как говорится, и не было лета, чтобы он не заехал сюда хоть на недельку. А вот теперь, последние три года, никак было не вырваться, хотя тянуло именно сюда. Здесь прошла юность, здесь были осознаны и пережиты страхи и надежды на будущее, здесь расцвели его мечты и созрели планы, которые упорно принято называть творческими. Здесь вызрела тема его диссертации, здесь были обдуманы его лучшие статьи и лекции. Здесь заложил он фундамент своей нынешней жизни и в изучении этого места приобрел именно те знания, которые давали ему возможность работать на кафедре сейчас в качестве доцента и на которых покоилось его благополучие, его авторитет, семья и его доходы – словом всё то, что составляло теперь представление о его личности в глазах людей.

Мацуев уверенно вел машину по дороге, поднимавшейся легко в гору. Нет, место это было не столько гористое, сколько холмистое, но подъём ощущался. Деревенька Бугрово не входила в состав заповедной зоны, хотя была неотъемлемой её частью. Более того – без Бугрова немыслимо было существование Заповедника как такового, поскольку именно на территории деревеньки располагался кемпинг – летние домики для туристов и несколько небольших зимних коттеджей, а также столовая и кухня.

Работники столовой проживали в деревне, и все остальные люди, кто ещё числился занятым на базе кемпинга, проживать старались тоже в Бугрове, снимая жильё у деревенских старожилов. На базе кемпинга всю процветала проза жизни, быт и суета, хотя суета, понятно, неизбежная, как звон посуды в столовой, где питались туристы. И нехитрая, но необходимая база отдыха при Заповеднике таким образом как-никак, но существовала.

Сама же заповедная зона была обширной. Это была усадьба знаменитого русского писателя – барский дом, старинный парк и густой смешанный лес. Заповедник составлял гордость нашей отечественной культуры, и Вячеслав Игоревич хорошо знал его как специалист в области филологии. Усадьба, с её постройками восемнадцатого века, с её английским парком и дальнейшими пристройками к дому, являлась великой памятью незабвенной русской старины.

Согласитесь, что парк, хотя и прекрасный, всё равно – образец подстриженной цивилизации. Другое дело – леса! Берёзовые светлые леса, вдохновенные места утешения для одичавших от одиночества мятежных душ, благословенные, врачующие российские леса... К счастью, здесь они не были вырублены, уцелели чудом или просто спасены были кем-то умным, попавшим волею судьбы в когорту сильных мира сего, одно время вздумавших распоряжаться безнаказанно природными ресурсами страны. Да, спасены, ради памяти великого писателя, проводившего в них немало дней в пору охоты. Но теперь, именно здесь, словно уж в поминание памяти о неповторимой его личности, опять шла охота в сезонную пору. Об этом было известно, правда, только по секрету и только избранным. Официальным распоряжением охота на территории Заповедника была запрещена.

Вячеслав Игоревич охотником не был. Азарта охоты он не знал, хотя в обряды и тонкости охоты вникать старался. Находясь в компании заядлых охотников, Мацуев возбуждался, поддакивал, вел себя совершенно раскованно и даже ухарски. Чужая компанейская лихость передавалась ему, и тогда он закусывал и пил много, как и все присутствовавшие, хотя в другие моменты своей жизни не напивался никогда. От охотничьей ретивой удали утром болела голова, а иногда даже стыдливо вспоминались живые картинки охотничьей попойки.

«Что подумают обо мне?», – мелькала в сознании Мацуева тревожная мысль.

Но приятели думали о нём, к его удивлению, преторлично. Нетрезвое шутовство вызывало теплое дружеское участие, и любовь к заводному и компанейскому Славе Мацуеву незаметно росла. Весь охотничий мужской пол помнил, что шаловливый Слава Мацуев был ещё молодой мужчина – ему только-только перевалило за пятьдесят, и такая знойная вторая молодость была, понятно, не без легких слабостей к женскому полу. Спросим по совести – кто же не волочился за молодыми женщинами в свои с гаком пятьдесят особенно настырно, кто не чувствовал себя в этом возрасте удивительно чужим в своей семье? Да-да, в семье,

в той самой, родименькой, которая, получая от него на жизнь солидный институтский оклад, всё равно оставалась недовольной и ворчливой и требовала себе и деньги за его статьи, научные, хорошо оплачиваемые статьи, и даже зорко следила за этими статьями в печати и, разумеется, за гонорарами.

Славе Мацуеву приходилось, ясно, изворачиваться. Это хорошо понимали его приятели, сами прошедшие в разное время все стадии изощренной изворотливости при славных своих близких людях. Славе Мацуеву смачно и питейно сочувствовали. Помогали ему яростно отдыхать душой и телом. Потому на охоту Слава Мацуев всегда был приятелями зван и с ними ездил, хотя стрелять едва умел. Оно и неважно было, умел или не умел, а важен был факт, что Мацуев заведовал кафедрой в Педагогическом институте, о чем очень помнилось приятелям, имевшим детей, как многие грешные люди.

И ещё важно было, что душа всегда просила чего-то очень даже у многих, можно сказать, искала чего-то возвышенного и на охоте именно в этих заповедных местах находила то, чего искала и просила. Просто, бывало, упоение находило на некоторых людей в этих местах, упоение чистое! Скажем точнее – некое божественное, возвышенное и проникновенное чувство, переходившее даже мгновенно в сексуальное, естественное, природное, давно забытое горожанами в их трамвайно-троллейбусной и другой транспортной суете. Общение с уголками живой природы даёт заряд бодрости и эмоциональности, что там ни говори, и хотя жизнь с милкой в шалаше в наше время осуществить реально трудно, несмотря на идеал семейной жизни в живописном, скромном Разливе, но в палатке, разбитой среди охотничьих угодий, где нет лишних болтунов, день-два с милашкой провести можно. А в музее-заповеднике, где, кроме кемпинга, есть ещё и обширный дом директора охраняемой государством зоны, тем более вполне можно прожить недельку-другую. Правда, лишь некоторым – из высоких чинов или интеллигенции признанной. Директор музея с людьми пониже сортом нынче дружбы больше не водил и охотников всех поименно знал, и величал безошибочно по имени-отчеству, когда они к нему заезжали.

Хотя в гостях иногда бывает не слишком плохо и даже в меру бесконтрольно, но на работу возвращаться необходимо, и потому, заметив, что пора и честь знать, охотники разбегались восвояси, под осторожную и облегченную улыбку старого директора, которая и сопровождала неизменно всякие проводы и отъезды. Директор был гостеприимен, да слишком стар, чтобы быть сотоварищем в буйных играх мужчин, а время – оно

брало своё и над охотниками тоже, хотя бы в качестве аванса и полочки, заставляя убираться, наконец, домой. Вот тогда и начинались между разгулявшимися приятелями тщательные пересчёты в разговоре, словно за обсуждением только что сыгранной преферансной пульки.

Конечно, все нужные ходы уже были сделаны, но прикидывались козыри и для следующего заезда. Например – как взять лишний отпуск и когда? Как получить, незаметно для остальных, реальные и нереальные отгулы? И очередная ситуация очередного сотоварища продумывалась, обмозговывалась, обсуждалась заядлой компанией охотников. В итоге же получалось, что оно выпадает кому как – но честь по чести каждому, потому что «маленьких людей» в этой компании не было. Получалось, что кто в счёт отгулов, а кто и в счёт положенного отпуска имел возможность засчитать себе оплаченное время сезонной охоты. А некоторые из компании, кто из обкомовских работников, встречались здесь среди прочих, к примеру, в сезоны охоты, те вообще никак не переживали за свои возможности перед бухгалтерией. Были на работе – и весь сказ! И никому, миленькие вы наши бухгалтеры, отчитываться мы не обязаны по рангу.

Да, вот уж кому была полная свобода в действиях – позавидовать можно. Да ещё разве орлам из военных академий – те вообще вели себя на охоте, как хозяева, и к тому же стрелять здорово умели. И сезон их на охоте засчитывался ими же самими просто: отозваны для военных учений и осмотра местных природных объектов – и баста! Что касается Славы Мацуева, то на охоту ему было удобно ближе к осени – отпуск ему причислялся большой, и лекции и спецкурс всегда можно было перенести и переставить в новом расписании.

Вячеслав Игоревич, как было сказано, работал в Педагогическом институте. Ростом доцент Мацуев не вышел, но старался природу поправить. Обувь носил исключительно импортную, на каблучке, а рубашки надевал голубые, белые или кремовые, с тоненькой полосочкой или в крапинку, а также бежевые были ему очень к лицу, холеному и гладко выбритому, и выглядел доцент, по общему мнению студентов и преподавателей, всегда исключительно молодожаво, несмотря на заметный животик и обширную лысину над большими серыми выразительными глазами.

Свои лекции Вячеслав Игоревич читал энергично и живо, остроумничал, иронически намекал с важностью знающего, образованного человека и доцента, а то, бывало что и задумчиво останавливал пристальный взор своих серых глаз на какой-нибудь наивной и свеженькой студенческой

или абитуриентской мордашке. Бывало, что девчонка смущенно отводила взор в сторону. Случалось, что, напротив, начинала вдруг пылать самолюбивым румянцем – смотря по характеру милой крошки. В любом случае, доценту Мацуеву это было приятно. Он ощущал лёгкий трепет во всём своём коренастом и крепком теле, и это состояние держало его, как и всякого мужчину, на высоте чувства собственного достоинства и, что называется, пока ещё на плаву.

Поэтому доцент Мацуев никогда, или можно ругаться, что почти никогда, не испытывал стрессовых состояний. Жизненный тонус его был неизменно ровным, и доцент Мацуев слыл успешным человеком, хотя и осторожным малым, не совершающим никаких серьёзных промахов или ошибок. Он никогда не конфликтовал с ректором или учёным советом, как некоторые другие, и сам был заведующим Кафедрой истории русской литературы. Вячеслав Игоревич был гибким человеком и на весь Пединститут славился умением улаживать дела своей сложной по структуре и вольнолюбивой по мысли кафедры.

Со многими людьми, достигшими вершин уважения и славы за долгие годы учёных мук, Вячеслав Игоревич был на дружеской ноге – то есть посещал вместе с ними помпезные чьи-нибудь академические похороны или хлебосольные поминки, или же почтенные и горячо необходимые всем проводы кого-нибудь на заслуженную пенсию. Мацуев мог позвонить запросто кое-кому из членов-корреспондентов в нужную критическую минуту и даже втиснул в одну из дискуссий в Учёных записках пединститута короткое критическое замечание, выдержанное в злободневном духе, и эта публикация ещё более утвердила его авторитет в глазах наивных читателей. И только сфера личной жизни доцента Мацуева составляла тот объект, где мнения за и против совершенно расходились, и вокруг которого слагались кое-какие, не без юмора, легенды, выставлявшие его порой в не совсем благовидном свете.

Процветание иных легенд Мацуев даже поощрял, отпуская на этот счёт очередную солёную шуточку. Авторов легенд Мацуев знал наперечёт и по-своему тоже любил их как создателей его популярности, и потому ещё, что отлично понимал – без сплетен и сплетников не обходилось ни одно время, не обойдётся и наше, советское, окружённое скрытой интимной и научно-технической информацией.

Бурное процветание цивилизованного общества, в совершенстве обучившегося в быту умной атомной эпохи приёмам морального изуверства по части уничтожения ближнего своего, даёт

подчас основание подпустить, на радость изощрённым умам, некоторой карамазовской любвеобильности, для объявления всеобщего глупого веселья. Почему бы, в самом деле, не отбить на время у вышестоящих товарищей какую-нибудь аспирантскую особь и, наобещав с три короба разных прогрессивных благ, отпустить вдруг с кафедры резко в *никуда*, давая пищу для эквилибристики ума гибнущему учёному недотёпе, который не смог удержать за зубами язык, сболтнул в тонких интригах каждодневной кафедральной практики вопиюще лишнее! Для остроты момента не мешает и знать, от кого исходит столь неприятная острота, что и помогает выследить этот самый учёный недотёпа, если идти по следу его ранних, но тесных знакомств с женской половиной кафедры.

К деньгам, никогда и никому не лишним, и аспирантским подношениям в виде альбомов изопродукции интеллигентные люди, вроде Мацуева, всегда имели тоже свой тонкий вкус, смотря по цене альбомов, ясно, не дешёвеньких. Есть также среди подобных людей привычки, которые вырабатываются с годами и от которых уже трудно отказаться. Например, привычка спать не только со своей располневшей и охладевшей женой, и чудная привычка ловить в иных устах поцелуи – пусть простенькие, но зато многообещающие после подаренного флакончика французского лака для ногтей. Есть также привычка носить только импортную обувь на усталых ногах и с упоением брызгаться только французским одеколоном, а не продукцией парфюмерной фабрики «Красная свобода», более опробованной любителями спиртных напитков. И встречается иногда ещё очень дурная, но всем знакомая привычка ловить ускользающую возможность съесть пару бутербродов с красной икрой в перерыве между каждодневной волокитой скучных дел или чтением аспирантских рефератов, принесённых с собой в портфеле вместе с бутербродами.

Такие привычки нужно стараться оплачивать не только из оклада заведующего кафедрой, который, повторяем, всё равно бесследно утекал в бездонность таких же безбедных привычек избалованной доцентской семьи, где росла ухоженная и культурная дочь Елена, которой надо было подготовиться вполне обстоятельно к благоустройству будущей семейной жизни, и для Елены копилось солидное приданое в виде драгоценностей или, например, творческих и дружеских связей такого видного отца, как доцент Вячеслав Игоревич Мацуев.

Во имя укрепления дочернего будущего, Мацуев любил подкинуть игровой, но беспроектный в наше время, вариант для дискуссии окружающим

словоохотникам. Мол, настрадался небезызвестный вам Слава Мацуев в юности за правое дело, в жестокие времена, и теперь, в отдушине личной жизни, вынужден искать необходимого для высокой несломленной личности забвения. Дескать, боролся тот Слава Мацуев, ещё будучи студентом, за родную отечественную культуру. Писал студенческие рефераты о Мережковском и Гумилёве. Смело говорил и выступал. И пострадал, конечно же, пострадал *за правду*, что припоминается ему, бывает в некоторых случаях, и поныне! Бесспорно то, что в речах Мацуева была доля некоторой истины, потому что по дороге правды не все доходят до поста *завкафедрой*. Некоторые с той тернистой дороги сбиваются, что занятно и вполне возвышенно, если рассмотреть вопрос с точки зрения тонкой, хотя и забытой, вытесненной из современного цивилизованного общества, логики грустных седых интеллигентов, вроде чеховского дяди Вани, отбивших за кулисами свой назначенный судьбой срок. Можно, в конце концов, просидеть в тени всю жизнь, созерцающая происходящее вокруг лишь с полупьяной улыбкой, и так и не согласиться ни на какие компромиссы – мало ли таких? Но лучше слыть за борца, чем за труса, и культурнее слыть за страдальца, чем за хапугу, – так уж повелось издревле, со времён Радищева и Пугачёва, в российском нашем отечестве, весьма и весьма по-прежнему уязвимом отечестве!.. Поэтому следует правильно выбрать роль.

Как филологически образованный человек, Вячеслав Игоревич сознавал внутренне всю силу высказанных Достоевским мыслей о страдании и профессионально ловко лавировал среди моря цитат и чужого обстоятельного внимания к своей жизни. Пусть она летит хотя бы и вперёд, как считается, наша родная птица-тройка, но всё равно на ней лучше быть ямщиком, чем зависимым от ямщика пассажиром. Родные кони не сбросят в сугроб ямщика, а вот кто выпадет из возка по дороге – того навсегда потеряют. И смотри, не смотри на ямщика – всё равно увидишь только спину. Кричи ему, не кричи – в буран не слышно. Потому, если уж удалось сесть ямщиком, так в дороге лучше вообще не оглядываться. Лети себе вперёд – да и только!..

Подпуская сотрудникам иную игровую мысль, вроде «любит – не любит», завкафедрой зорко наблюдал за подчинёнными, особенно из новых преподавателей или аспирантов. Он любил поглядывать на заседаниях кафедры на лица присутствовавших из-под своих полупущенных век и, поймав улыбку на чьём-нибудь лице, мгновенно, словно компьютер, составлял для себя информацию о человеке – авторе этой улыбки, то есть анализировал момент её появления, разумеется,

не случайного, а вполне закономерного. Вячеслав Игоревич составлял для себя в такие моменты дальнейший план своих действий. Они были разнообразны и многовариантны, эти действия, но систематизированы, в основном, самим завкафедрой в три кода.

Первый код – человек умён, образован и смел.

Ну-с, значит немедленно с кафедры, под любым предлогом – вон! Опасен, негодяй. И очень даже опасен.

Второй код – человек достаточно хитёр, образован, конечно, слабо, но в разговорах неглуп и чрезвычайно осторожен.

Этот кафедре подойдёт. Лекционную нагрузку ему пока ограничить, пусть наберёт необходимые знания, чтобы замазать свои пробелы. Семинары, однако, придётся ему оставить для заработка. На семинарах он и подучится у студентов. Среди студентов бывают, ей-богу, грамотные и умные. Это известно всем, и многие преподаватели предпочитают семинары лекциям. Пока, значит, на том и порешим.

Третий код – трусливая милашка.

Невежда ужасная. Но милашка всё-таки! Удалось ей подпрыгнуть высоко, перепрыгивая долго через многочисленные препятствия. Но ведь не отказалась всё-таки от прыжков, и значит – не дура. И опять-таки, если посмотреть на неё – *милашка!* Фигурка, ноги, мордашка – всё недурненькое. Дать ей для заработка пару семинарчиков пока лишь у первокурсников, чтобы не опростоволосилась по незнанию предмета. А там, как набьёт руку – так и посмотрим, где её ещё можно приспособить. За кого зацепится – с тем *из тузов* и придётся дружбу водить, для всеобщей пользы на кафедре. И неплохо ещё будет избрать милашку в профком пединститута для получения информации об институте, для престижа кафедры, и значит опять – для пользы дела. Милашка правильно улавливает, почему дует ветерок из кабинета ректора, а понять *куда* он дует – это уже дело завкафедрой!

Итак – окружить милашку на кафедре вниманием и похвалами!..

Да, проколов по служебной – отнюдь не прямой – линии у доцента Мацуева не было. Правда, ректор упрекал Вячеслава Игоревича в том, что Кафедра истории русской литературы творчески не растёт, кандидатов наук на ней – раз-два и обчёлся, а некоторые вообще чересчур долго задерживаются в старших преподавателях – и это с

кандидатской диссертацией, уже почти написанной, готовой к защите?! Ректор удивлялся и холдел лицом. Но Вячеслав Игоревич всегда соглашался с ректором, сожалея, обещая и объясняя.

Потом подходило к концу лето, и начинались вступительные экзамены. То есть наступал период острой, упорной и горячей работы Пединститута – время быстролетящее в тройке, да что скрывать – просто *лихое!* Ведь про абитуриентов неизвестно, *кто* идёт и *от кого* идёт. Надо все нужные фамилии знать назубок и не ошибиться. Абитуриенты нервничают, экзамены – дело нелегкое и для них тоже. Иной абитуриент закричит на экзаменатора и пойдёт дальше по коридору руками размахивать и кричать себе, возмущаясь, какого качества здесь ответы звучат, за которые ставят высший бал. И абитуриента того, обиженного, слушают, представьте, слушают! Слушают все, у кого есть свои уши в разных концах коридора. Потом, постепенно, нервные и трудные абитуриенты по ходу экзаменов исчезали, нужные зачислялись в списки студентов, и работа Кафедры истории русской литературы отмечалась в ректорате как вполне достойная похвалы.

На филфаке всегда абитуриентов предостаточно. Многие уважаемые персоны хотят обучать своих дочерей хорошим манерам Ивана Бунина и доктора Антона Чехова и готовы заплатить за такое обучение, без особого выматывания знатных дочерей, неплохие деньги. Частенько на филфак хотя бы поступить учиться и восторженные девushки, заметно подкованные в области поэтической словесности. И встречаются в этой толпе иногда очень серьёзные молодые люди, фанатически преданные русской отечественной культуре. Беда в том, что не всем из них, серьёзных, удаётся заняться изучением филологических наук через Кафедру истории русской литературы. Хотя некоторым это только к их же счастью – простому, светлому счастью в жизни, потому что всегда ведь неизвестно в ней, где найдёшь, а где потеряешь. Поэтому лучше вообще ничего не ронять, тем более молодым девицам, как учили той морали классики литературного девятнадцатого века!..

Секреты кафедры после приёмных экзаменов окружены были нужным молчанием, колесо работы приёмной комиссии останавливалось в определенной позиции, и Вячеслав Игоревич хотел и умел быть нужным всем и – в нужный момент. Не всякому такое удаётся – быть нужным каждому в отдельности и сразу всем годиться ко двору. Доцент Мацуев хорошо знал цену содержимого иного конверта, который передавался из рук в руки, как секретный архивный материал какой-

нибудь *тайной переписки великих людей*. Мацуев хорошо знал и то, чем пахнет подобная *тайная переписка*, стань она вдруг явной кое для кого. Далеко не всем дано *узнавать и хранить* такое при своём дворе, но Славе Мацуеву это удавалось. Однако от суеты и тяжких трудов по добыванию любого хлеба, в том числе и засушного, надо уметь встряхиваться и позволять себе отдыхать согласно своему вдохновению.

Вячеслав Игоревич умел и это организовать и, как все члены его кафедры, ездил на курорты и моря. Но всё чаще и чаще, с годами, он предпочитал ездить сюда, в Заповедник, на лоно природы, не только в охотничьих компаниях, но и один.

Мацуев любил приезжать в гости к *великому настоящему человеку*, во имя которого здесь открыли музей-заповедник, а также в гости к тем простым людям, которые жили на территории этого русского уголка в небольшой деревне Бугрово. Деревенские жители, простые и естественные в своей простоте, не требовали от Вячеслава Игоревича ходатайства по зачислению в институт провалившихся на экзаменах ленивых неудачников, за которых, бывает, устаёшь в ректорате просить. Местные жители помнили только о том, что Вячеслав Игоревич не кто иной, как городской человек, приехавший сюда на длительный отдых, и, стало быть, ему можно было бы рискнуть продать чёрную смородину или клубнику подороже, справедливо отобрав ягоды покрупнее и послаще. Для других туристов, приезжавших сюда по профсоюзным путёвкам на день-два, ягоды особенно не сортировались, да и туристы их особенно не выбирали, смакуя и перетряхивая в корзинках, как это делал Мацуев. К тому же, у него были собственные «Жигули», и значит он был, в понятии местного населения, человек денежный.

Деревенским мужикам из древнего Бугрова было известно, что Вячеслава Игоревича можно было сговорить легко на рыбалку, и хотя удить, как и стрелять, он тоже не умел, но бутылку водки всегда на рыбалку с собой брал и любил слушать рыбацкие рассказы за чаркой и ухой из щуки. Щука в реке водилась, окунь тоже заплывал, а в водах дальнего заповедного озера имелся лещ, и по этой-то причине Вячеслав Игоревич тем паче годился в дружбу бугровским мужикам как владелец транспорта. Пешком на то озеро было далеко, а в рейсовый автобус с рыбацкими причандалами было не сесть – летом бугровские бабы, с ведрами и корзинами ягод на продажу, шныряют по всему Заповеднику то там, то здесь, и в автобусе их – видимо-невидимо. Туристов много, а сезон ягодный – один. Хочется товар не раздавить, а в автобусе теснотища да гомон, да ещё и тряска! Пока

доедешь – бабы из тебя душу вынут. Где потом набраться спокойствия и сил рыбу удить, если всё они тебе, сердечному, помянут – и как выпил ты, и как подрался, и как на опушке леса заснул нечаянно с похмелья и проспал до самого вечера, ни одного-то гриба не отыскав!

А с Вячеславом Игоревичем на озеро дальше было ездить удобно – с комфортом, мягко, в легковой машине тебе, а не на грузовике. Тихо, уютно. Почему бы так и дальше не продолжить красивую такую жизнь за ради удовольствия рыбного? И потому бугровские мужики, как и все остальные в деревне люди, очень ценили Вячеслава Игоревича. Грамотный он дядька, и не просто грамотный, а учёный! Полезный людям. Не жадный. А что баб любит – это не его дело, а бабье. От бабьего этого греховного дела при случае ведь никто и никогда из мужиков добровольно не отказывался до сих пор, если даже считать от самого того прошлого Адама и Евы. Разве не так? Да и пусть оно будет только так! При чём здесь вообще мужики? Зато вот пьёт Вячеслав Игоревич очень умеренно. Оно и понятно – он за рулём. Машина своя всё-таки, не казённая, разбить её боится, но другим Вячеслав Игоревич не отказывает на рыбалке в угощении.

Мацуев легко держал ладони на руле. Идёт время. Три года пролетели незаметно. В Бугрово, наверное, мало что изменилось, и сам он, Мацуев, за эти три года не изменился ничуть. Только устал, пожалуй, от сложного и кропотливого общения с людьми. Потому и потянуло снова сюда, к простому. Мацуев усмехнулся. Если даже что-то изменилось в Бугрове – это тоже неважно сейчас, потому что он всё равно найдёт себе место, где остановиться на постой. Здесь его все отлично знали в лицо и всегда кормили сытно и хорошо, по-деревенски простой, но зато свежеприготовленной, а не подогретой пищей. Отлично кормили во время всех его отпусков, проведённых в Заповеднике. Что может измениться по отношению к нему? Разберёмся! Эх, в Бугрово, да былинное, как застольная песня, ка-танём!

Мацуев резко переключил скорость, и ему вспомнился почему-то угрюмый мотив:

Глухой, неведомой тайгою,
Звериной узкою тропой,
Бежал бродяга с Сахали-и-и-на,
Звериной, узкою тропой!

Деревня Бугрово располагалась по одну, правую сторону от дороги. Слева разместился у дороги

небольшой погост, обнесённый высоким деревянным забором с массивной калиткой. Погост охранялся государством как памятник старины. Мацуев остановил машину у погоста. Вячеслав Игоревич не спеша запер на ключ машину, молнию на куртке до половины застегнул и неторопливо пошёл по узкой улице, упрямо зараставшей притопанной пыльной травой. Вместо заборов домов улицу обрамляли железные сетки разной высоты и новизны, сквозь дыры в которых высывались наружу ветки кустов малины и красной смородины. Мацуев отметил удовлетворённо, что ягоды созрели, что ягодный урожай, очевидно, богатенький нынче, судя по наклонившимся низко, отягощенным ягодами веткам, и значит варенье ему, при отъезде домой, гарантировано. Оставалось застолбить жильё.

Мацуев уверенно шёл к дому Дуси Никитиной, в замужестве – Комаровой. Он много лет, с самой аспирантской юности, останавливался у неё. Когда-то Василий Никитин, отец Дуси, недорого сдал ему светлую, чистенькую комнатку в своём стареньком доме, а теперь, уже по сходной цене, Мацуев снимал в доме Дуси просторную комнату с отдельным входом. Теперь, уже много лет подряд, Евдокия Васильевна Комарова работала заведующей в столовой кемпинга, и вопрос о питании Вячеслава Игоревича решался сам собой. Дуся кормила его в столовой, не спрашивая с него денег, но он всегда расплачивался с ней перед отъездом, сам подсчитав, сколько именно нужно уплатить.

Как и многие деревенские жители, Дуся держала чёрно-белую корову Бурёнку, и парное молоко от красавицы Бурёнки, кормленной вкусным пойлом, что варилось из отходов столовой, старались покупать многие туристы. Постояльцы в доме Дуси молоком обеспечивались в первую очередь. Участок земли, на котором стоял новый дом Дуси, был обширным, и хозяйство Комаровых было в полном порядке – в огороде и саду сохранялась чистота, несмотря на то, что хозяева держали, кроме коровы, коня Серко, пару овец и, разумеется, кур.

Дуся была ровесницей Мацуева, и Вячеслав Игоревич помнил её молодой, с двумя русыми косами, свисавшими до середины спины. Необыкновенно маленькие для деревенской женщины, пухленькие её руки быстро-быстро мелькали на раздаче, когда Дуся работала. Проворным и быстрым, как и руки, был у Дуси взгляд её глубоко запавших, тёмных глаз. Эти глубоко запавшие глаза с густейшими ресницами придавали лицу Дуси мимолётное сходство с иконописными женскими ликами, и тонкие губы, резко очерченные, всегда раскрывались в вопросительной, приветливой улыбке, когда Дуся разговаривала с людьми.

В юности Дуся Никитина была видной девушкой, но с возрастом Евдокия Васильевна расплылась, глаза потускнели, и ресницы стали казаться короче. Три года назад, когда в последний раз отдыхал здесь Мацуев, он заметил, что Дуся, и всегда равнодушная к спиртному, вдруг начала прикладываться к выпивке частенько, как и её муж Олег. Это не понравилось Мацуеву. Поэтому сейчас он не подкатил машину прямо к дому Дуси, а решил разведать обстановку, не желал видеть ежевечерних нетрезвых женских слёз, и вообще уже не желал он больше ничего за последние свои напряжённые годы. Но приехать он всё-таки приехал, надо было отдохнуть и где-то жить.

И мало ли что могло случиться в Бугрово!

Умерла она, Дуся, например. Хотя такого ожидать при её крепком здоровье было трудно. Овдовела? Это похуже, чем умерла. Дусю, при её страстном темпераменте, свобода до добра не доведёт. Что ещё могло случиться? С работы выгнали? Нет, этого не должно было случиться, никак не должно. Что же ещё? Да больше ничего! Разве только корова Бурёнка отелилась, но Дуся найдёт, чем кормить телёнка.

Нет, Мацуев слишком хорошо знал Дусю, и потому он мог сказать с точностью, что раз дом её стоит не разрушившийся, а возвышается, со своими деревянными пристройками, флигелями, и со своими добротными двумя этажами среди небольшой и довольно бедной, хотя и знаменитой деревеньки Бугрово, то Дуся не умерла, не заболела, и с работы её ни в коем случае не выгнали, поскольку Дуся много лет была незаменимым человеком на своей работе в полном смысле этого слова. В столовой у Дуси подкармливалось практически всё население Бугрова.

Вячеслав Игоревич подошёл к дому Дуси уверенно. Не увидев никого во дворе, он огляделся. Нет, ни души, и даже соседки Кати – подруги Дуси – не было на скамеечке у дома напротив. Мацуев снял проволочное кольцо с низкой калитки забора и вошёл во двор. И сразу послышался хриплый лай кобеля Волчка и звон его цепи. Мацуев остановился посреди двора, у сложенных свежих досок. Серый диковатый котёнок тигровой масти мяукнул на досках и вздыбил спинку.

– Хозяева есть? – крикнул Мацуев, созерцая длинный ряд стеклянных банок, насаженных для просушки на кольца забора.

– Кто до нас? – послышался голос Дуси из сеней.

На крыльце хозяйского дома появилась женская фигура в белой трикотажной кофте и тёмной ситцевой юбке.

– Не узнаёшь меня, Дуся? – спросил Мацуев. – Али память у тебя стала девичья?

Дуся всплеснула быстрыми руками, и Мацуев, вмиг оказавшись на крыльце, поймал тень смущения на её скуластом лице. Но Вячеслав Игоревич всё равно обнял Дусю за плечи.

– Как не узнать? – проговорила Дуся тихо. – Разве своих забывают?..

Губы её раскрылись в привычной улыбке, но Вячеслав Игоревич отметил, что кожа на лице Дуси как будто натянулась и скулы стали резко выделяться. Видно, ей стало совсем нелегко жить с таким пьяницей-мужем, как Олег.

– Ты похудела будто чуть-чуть, Дуся? – спросил

Мацуев, улыбаясь. – Помолодела, я вижу, лет на десять.

Выглядишь – как в молодости, только волосы короче. Или это я постарел? Или просто на крыльце темно, как когда-то, помнишь? Ну, я не буду, я, конечно, шучу.

– Вы правы, уже темно на дворе, – просто сказала Дуся, – А мы вечером. К столу пожалуйста, Вячеслав вы мой Игоревич! В этом сезоне народ у меня уже подсобрался на жительство, но комната ваша пока сохранена. Ведь я помню, в какие сроки вы к нам приезжаете, все ваши сроки я помню!..

Мацуеву захотелось покуражиться ещё.

– Ты уж прости меня, Дуся, что я без шампанского и цветов в нынешнем сезоне. Не верил я себе, что ты меня ещё ждёшь, а то бы захватил, конечно. Но, думаю, дай зайду на разведку.

– Я всегда вас жду – сказала Дуся. – И разведывать не надо. А шампанское мы по молодости пили, а теперь не пьём, а цветов у нас и у самих хватает – вон, в огороде сколько ромашек нынче поднялось! А сирень цвела у нас по весне – аж синяя-синяя, да пышная, как облака! Мы к розам не привыкли. Незабудки я тебе нарвала вчера, Слава, в комнату твою поставила. Сердце подсажало. И огурцов малосольных Олег насолил. Ну, отпробуешь, раз приехал. Мы в саду сидим.

– Наконец-то сказала, как родному, – пробормотал Мацуев. – А то ведь «вы» да «вы»! Наедине мы сейчас, не на людях.

– Да будет тебе, укорять меня – сказала Дуся. – Я старое забыла и зла на сердце не держу. Пошли в сад.

Вином от Дуси не пахло. Это был хороший признак. Мацуев шагнул за Дусей в сени. Знакомым с детства кислым деревесным духом повеяло сейчас на него. Дуся не хотела заходить в сад с огорода и предпочитала пройти через сени и длинный коридор ко второму выходу из дома.

Мацуев ступил на домотканые пёстрые половики, которые тут же сбились под ногами в гармошку, и вдруг ощутил, что сам он, Слава Мацуев, простой парень из деревни Парголово, ставшей после войны узаконенным пригородом Ленинграда, и вспомнил, что такие же домашние половики устилали пол у них в доме. Ещё он вспомнил, что в юности он ходил с финкой в кармане, как и все парголовские парни, – голодная и оборванная шпана, упорно выживавшая всю блокаду в лесистых условиях подленинградской деревни.

При слабом электрическом освещении коридора Мацуев увидел растрепавшуюся прядь поредевших волос Дуси, свисавшую на шею. «Где оно, шальное наше времечко?» – с болью подумал Мацуев.

– Вот и гость к нам ещё пожаловали, принимайте! – воскликнула Дуся, когда они вышли в сад.

Под яблоней, сверкавшей в полутьме круглыми, светлыми плодами, за врытым в землю квадратным столом сидели за ужином люди. Мацуев пробежал взглядом по лицам. Конечно, Катя, соседка и неразлучная подруга Дуси с юности, полная, с короткими и завитыми волосами. Она повернулась вполоборота, потому что сидела спиной к вошедшим, и заголосила:

– Ай да гость какой! Пожалуйста! Мы-то вспоминали, нечаяли увидеть! Вы только молодеете, Слава. А мы стареем. Одна наша Дуся – вечная девушка!

Мацуев сдержанно ответил кивком головы на её выкрики. Он и теперь не симпатизировал ей ни сколько, помня, что в юности чуть было не попал в её сети. И Катя тоже не могла простить ему всего, что было у него с Дусей. Мацуев мигом увидел хмурое лицо уже изрядно выпившего Олега, мужа Дуси, и красную, потную физиономию алкоголика Кирилла – рыжего и драчливого мужика, брата Олега.

– Как поживаешь, Олежка? – спросил Мацуев за просто. – Всё молодеешь, я смотрю, возраст

тебя не достаёт. Ну, ничуть не изменился – как огурчик. Бодрый и молодой.

– Он у нас ещё парнишка совсем, – пьяно протянул Кирилл. – Ему жениться пора во второй раз! На молодухе какой-нибудь, на развесёлой!

– Мне бы самому в третий раз ожениться бы, да я и второй раз не могу, никак не развестись! – воскликнул Мацуев. – Вот уж веселье – алименты платить, да квартиру делить. А ведь по суду – любой дом *разделят!* Так и без штанов останешься, на что опохмеляться будем?

Кирилл коротко и хрипло засмеялся.

– Твоя правда, Слава, – сказал Кирилл. – Всё на свете ты знаешь, грамотный, городской. Да про то все знают – дом поделают. Ну, и пускай делят, хоть и по суду! Но это ещё – как сказать.

Не слухай, Слава, брательника мово, он деревенский, – сказал Олег. – И все мы тоже глупые, деревенские. Мы, конечно, живём в местах знаменитых, но сами мы знаменитыми не являемся. Хотя все знаменитые – они нас не забывают, едут к нам в гости, как вот ты, например. И вот ещё – приехал к нам нынче в гости спортсмен Миша. Он – чемпион мира по конькам. Слыхал о таком? Михаил Шевцов – вот он, у меня за столом сидит! И другие люди тоже, учёные, сидят у меня и живут в доме. Потому я тоже за себя гордый. Вот Вероника Дмитриевна у меня гостит, учительница литературы. Это тоже не просто, быть учительницей. И красивая, и молодая. Ну, просто всех к рукам прибрала – красивая, да строгая, не про нашу честь!

Женщина, о которой говорил Олег, была одета в голубое платье с большим вырезом на груди. Яркие накрашенные губы подчеркивали тонкие, не крупные черты лица, прямой изящный нос и большие зеленоватые глаза.

– Здравствуйте, Вячеслав Игоревич, – сказала она. – Меня зовут Вероника. Я училась в Педагогическом институте и ваши лекции помню. Но вы меня не помните, это точно. Я на вечернем отделении училась, преподаватели вечерников не очень-то вспоминают.

– Запоминаем и вечерников, не волнуйтесь, помним многих, – сказал Мацуев. – Да, мне ваше лицо знакомо. Вероника Киселёва, правильно? У вас подруга была, Регина, бойкая такая, черноглазая. Вы стенгазету выпускали с ней, вы рисовали неплохо. Так?

– Да, –• сказала Вероника. – Но рисовала она, а я фотографировала больше. Я и сейчас с фотоаппаратом не расстаюсь. Уже весь Заповедник сфотографировала.

– За таких людей надо выпить, – сказал Олег. – Видишь, Слава, как тебя хорошо знают и понимают красивые женщины! Я это тоже о тебе всегда знал. Ты садись сюда, со мной и Кириллом, не стой, чего стоишь? Мы тебе сейчас нальём, как другу, давнему и верному другу, так? Жена! Принеси сюда ещё закусок для гостя дорогого. Слышишь?

– Ты, Олег, не обижай свою хозяйку, – сказал молодой мужчина в синей футболке, с выбитыми на ней крупными буквами «СССР». – Закуски у нас на столе много. Одних огурцов малосольных – целая миска. И выпить есть, и хозяйка у тебя славная, Олег. Рад познакомиться с вами, Слава. Я – Михаил Шевцов.

Другой мужчина, коренастый, в желтой импортной майке, с удивительно круглым, как луна, некрасивым лицом, привстав с места, сказал:

– Ша, ребята! Будет вам куражиться! Что за разговор – выпить есть или выпить нет? Гость приехал – значит ещё найдём. Верно, Олег?! – И он добавил, пристально глядя на Мацуева: – Я из Магадана, Николай Левков. Прибыл в отпуск в здешние места. Погреться при моей холостяцкой холодной жизни. Можете запросто называть меня Коля-Николай. Я не считаю, что постарел настолько, чтобы не оправдывать своего магаданского прозвища. И всех нужных нам и полезных людей готов уважать. Правильно, Вероника?

– Ах ты, Коля-Николай, сиди дома, Коля, не гуляй! – сказала Вероника довольно натянуто.

Но в ответ на её реплику, совершенно не замечая её невеселого тона, грянул дружный смех, и молодой парень, который сидел рядом с женщиной с ребёнком на руках, сучившим ножками, погладив себя рукой по совершенно лысой голове, проговорил:

– Женщины, Коля, всегда своё возьмут и укажут наш жизненный путь правильно. Потому надо слушаться их.

Сказано – не гуляй? Вот и сиди дома, Коля, и не смотри ни в чью сторону. Хочешь быть счастливым – вот и будь им. Сиди дома, да и молчи. В одиночестве.

– А будешь гулять да засматриваться, Коля, так смотри,

найдут тебя и в Магадане. Ох, пригреют тебя по первое число если это кому-то понадобится. Чем алименты выплачивать из своих северных рублей длинных, лучше уж под них просто не попадать. Найдут – загребут, постригут налысо. Вот видишь – Сашу уже достали. Подстригли налысо чело- века. И кто? Собственная жена! Не пощадила! Обозначила его!.. Чтобы никто его, значит, лы- сого больше не соблазнял. Мало ли какое тёмное прошлое у каждого зэка?

Это сказал мужчина в затемнённых очках, с золо- тым перстнем на пальце. Снова грянул смех. Ви- димо, эта тема не первый день составляла объект смешливого обсуждения. Мужчина протянул руку с перстнем через стол и вынул из миски огурец.

– Хотите, так садитесь сюда, с нами, – продол- жал он говорить, обращаясь теперь к Мацуеву. – Совсем мы не справляемся с закуской. Её слиш- ком много, а нас мало. И едим мы тоже мало. От- выкли в России есть, по разным причинам. Как правило – из-за отсутствия снабжения в городах, а также от привычки злоупотреблять спиртным. Вы- пивка превратилась в спорт. Например, Миша, быв- ший чемпион. Мог бы закусывать – но не хочет. По- чему? Отвык за годы, проведённые в спорте. Один я закусываю. Да и то – не справляюсь. Может, по- можете мне? Я надеюсь.

Мацуев сел с ним рядом на длинную, тоже вры- тую в землю, как и стол, скамью. Атмосфера не- хитрого веселья захватила его, и он увидел напротив себя большие глаза Вероники, её яркую помаду и этот глубокий вырез на летнем платье, в котором виднелись маленькие упругие груди. «Как же я мог *упустить её из вида* в её студенче- ские годы? – подумал рассеянно Мацуев. – А ведь она была разбитная, и подруга её, Регина, помню, была красоточка. Почему они так быстро исче- зают из вида, студентки бывшие эти?»

– Налить, Славе налить! – хрипло сказал Кирилл. – Надо выпить за тех, кто в море. Верно я говорю, Коля-Николай? Ты бывший моряк, а я тоже калач тёртый, как и ты. И как и ты, в отдалённых местах ваших, магаданских, побывал тоже. Друга прове- дать ездил, у меня друг там своё отбивал. Я дру- зей не забываю в тяжелую минуту. И тебя тоже разыщу, приеду тебя попроведать, если тяжко тебе будет.

– Скоро меня поедешь туда проведать, Кирюха, ко- гда мне туда назначат срок, – сказал Олег. – Скоро я покажу кому надо, где раки зимуют. Руки у меня чешутся!

– Мы все туда поедem своё добывать, в свой срок, – сказал мужчина в очках. – Чего не по- ехать? Деньги там платят, а работёнку найдём. Была бы шейка – хомутик найдётся, как и всегда находился. Было бы для кого только ту шейку подставлять.

Он захрустел следующим огурцом. Мацуев легко скользнул оценивающим взглядом по лицам ещё раз.

– Подождите наливать, мне хочется выяснить про жену и стрижку на трезвую голову, чтобы в свою очередь под стрижку не попасть, – ска- зал Мацуев, возвращаясь к обкатанной теме раз- говора.

Ему не хотелось сразу пить с Олегом и Кирил- лом. Хотелось ещё потянуть время за веселым разговором, чтобы не выслушивать нетрезвых тирад братьев Комаровых. Содержание тирад он знал давно, но сегодня эти тирады звучали с от- кровенной угрозой. Да и чего было ожидать – разве алкаши станут трезвенниками за те три года, ко- торые он, Мацуев, не был здесь? Разве могли они, братья Комаровы, стать снова такими, какими были в юности – мастерами-плотниками, строив- шими кемпинг ловко, быстро и умело? Тогда не тряслись у Кирилла руки, как сейчас. Да и сам он, Слава Мацуев, приезжал сюда с вином, шам- панским и розами для Дуся.

Лысый Саша, между тем, пояснил:

– Я – тренер по лыжам, меня жена стричься по- слала в парикмахерскую. Говорит, с детьми рабо- таешь, надо аккуратным быть, являться для них примером. Ну, я пошёл, а в парикмахер- ской очередь большая была. Некогда мне было ждать, а парикмахерских у нас, в Кандалакше, хотя и много, да на улице холодно было, не по- шёл я в другую. Я вернулся домой, к жене и другу, и говорю ей: подстриги, говорю, меня, именно так, как ты меня поняла, как жена и друг. Для примера всем. Подстриги, говорю, меня, чтобы я выглядел стойко, мужественно, как и подобает советскому, хорошо натренированному человеку. Она и подстригла сразу под ноль, чтобы не возиться долго и чтобы люди видели, что я уже на всё готовенький после женитьбы. И что если, значит, это надо, то я и в зону согласен ехать, и даже просто, может быть, и обязан туда ехать. Вот как она меня верно поняла после женитьбы! Теперь уж от неё ничего не скроешь. Она знает все мои тайные и коварные замыслы. Высветила мне отличную перспек- тиву родная жена остальным для примера. Галя! Спасибо тебе от имени всего нашего большого советского тренированного общества!

Галя смеялась, прижимая к груди ребёнка, пока все остальные продолжали острить на эту тему под общий смех. Мацуеву становилась ясна обстановка. Володя, в затемнённых очках, помещался на постое в одном из флигелей, как и семья Саши. Михаил Шевцов и Коля-Николай жили в доме, снимая одну комнату на двоих, а Вероника жила тоже во флигеле. Это было очень удачно! Флигель – жильё отдельное. Кому какое дело, что там происходит по ночам? Остальные, тем более, в доме – ну, и отдыхают себе!..

– Вячеслав Игоревич давно здесь не были, – объясняла всем Дуся. – Я думала, совсем они не приедут в наши края. Они теперь в других курортах отдыхают.

– Как я могу не приехать сюда, Дуся? – возразил Мацуев, вглядываясь в красивое лицо Вероники. – Нет, до этого уголка земли, где каждый раз судьба одаривает *неземной красотой*, я приеду с края света, долечу, доскачу, доплыву по морю!

– Вот и я говорю – выпьем за тех, кто в море! – тянул своё Кирилл. – Моряк, он *со своей лодки* видит далеко вокруг!

Коля-Николай, нальём всем. А мы не жадные, и для красивой женщины сделаем всё, что душа её потребует. Верно я говорю, Коля-Николай? Скажи нам речь, и мы выпьем. Ты ведь тоже городской, грамотный, только ты из дальних мест, но ведь из города тоже, как и Слава! И ты, Николай, перед ним не теряйся!..

– Пусть Слава скажет, – распорядился Олег. – Он знает, за что надо выпить первую стопку по приезде в мой дом. Он знает мой обычай, Слава у нас постоянно гостит, и я Славу тоже с молодых лет знаю и знаю, чего он хочет. Ничего, Слава своё заберёт от жизни, я за него не печалюсь! Он уже многое от той жизни себе взял, и дальше не растеряется. А наша жизнь – она тоже с нами. Скажи, Слава! Налей!

– Ну, раз ты меня знаешь, то ты согласен со мной во всём, Олежка, – сказал Мацуев. – Друзья! Поднимем наш тост *за нашу жизнь*, за того, кто сделал навеки бессмертным название этой простой русской местности, за того, кто сделал *замечательными людьми* всех, живущих поныне в ней! За того, кто привлекает здесь внимание тысяч людей своей бессмертной и удивительной жизнью. За того, кто приобщает всех нас к своему великому имени. Выпьем за него – за Кормильца! Таким вот надо быть!..

И Мацуев вздохнул. Он мгновенно устал от своего тоста.

– Меня даже пробрало, – сказал Коля-Николай. – В Магадане нас повертело, конечно, в крутых поворотах. Но про бессмертие и разную ещё бодягу мы там не думаем, винтим – и оно как на роду написано, так и будет. Но вы очень душевно сказали, про Кормильца. Очень здорово! Мы – простые люди, так нам не сказать. Бессмертно!.. Вот вы какой, оказывается, Слава! С вывихом.

– Да, они – нам не чета, – сказала Дуся, подкладывая на тарелку Мацуева аппетитные куски белой куриной грудки. Быстрая маленькая рука Дуси коснулась руки Вячеслава Игоревича, и дрогнули ресницы Дуси на опущенных веках. «И крестьянки любить умеют», – вспомнил Мацуев завет из русской классики.

– Хорошо пьётся за Кормильца, – сказала Катя, с ап-петитом нюхая хлеб. – В следующем году юбилей Кор мильца отмечать будут, так телевиденье и кино сюда приедут, снимать нас будут снова, показывать в хронике всю нашу деревню Бугрово. Ведь правильно сказано – мы тоже стали знаменитые здесь при нашем Кормильце.

– На фоне Кормильца, – поправил Шевцов. – Должен вам сказать по опыту, что путь в славу обязательно идёт через чужую чью-нибудь славу. Всегда ты расцветаешь на фоне чужой. Я вырвался в своих спортивных показателях вперёд на фоне других советских спортсменов. Я не мог удержаться, тренировался изо всех сил, старался их победить или хотя бы с ними сравняться. Ох, я работал, как чёрт! И ведь догнал, показал свой результат! Помню, даже слезу пустил, когда награды мне вручали. Но все это благодаря *фону чужому*, я так вырвался.

– В вашем замечании есть доля истины, – сказал Мацуев. – Мне приятно, что вы здесь, Миша. Я помню, сколько о вас писали в газетах: Михаил Шевцов – человек с сильным спортивным характером. Ваше имя звучало громко, и это была такая яркая страница нашей юности. Равняться на кого-то – это было веяние времени. Но здесь, в Заповеднике, оно ещё чувствуется, хотя из обыденной жизни такое равнение на кого-то давно испарилось. Только здесь мы еще чтим память незаурядных людей!..

Кормилец – так величали в Заповеднике великого писателя. Так повелось в этих местах, что уже давным-давно никто из местных жителей не называл великого человека по его имени. Его, не стесняясь, называли просто *Кормильцем*, как называет русский человек главу семьи. И это прозвище по отношению к великому человеку здесь, в Заповеднике, было оправданным. В Заповедник

ездили туристы, это из-за них и для них был выстроен сразу после войны добавочный кемпинг в Бугрово, с большим павильоном столовой, где работала Дуся. И крохотная деревенька Бугрово продолжала существовать на этом месте именно благодаря кемпингу. На базе кемпинга работала женская половина деревни – посудомойками и прачками, кастеляншами и уборщицами, и бог его знает, кем ещё. Сюда тянулась за заработком и питанием и мужская половина деревенских жителей, нанимаясь временно на столярные и плотницкие работы.

Впрочем, некоторых кормили в столовой не только за сделанную работу, но и авансом тоже, что было по-русски человечно. Народ сытый – он всё-таки поуступчивей. С ним можно поговорить о том, о сём, и попросить о чём-нибудь тоже вполне можно. Например, мужиков попросить ящики с сахаром перетаскать от склада до кухни. Водопровод наладить в посудомоечной. Мало ли о чём можно ещё попросить людей! Грибков, например, в лесу насобирать, если чья-то душа захочет грибков, поджаренных в сметане. А женщин можно попросить картошку помочь почистить да посуду помыть на речке, если кран в посудомоечной сломался и вода не подаётся в столовую. Водопровод – не просто умывальник. Он капризничает, а обедом-то туристов надо кормить!

И услуги оказывались

Оказывались они потому, что лишний раз подкинет кому-нибудь Дуся отходов кормовых для скота, да нальёт славного борща в тарелку до самых краёв, кому-нибудь из мужиков неухоженных, женской лаской обделённых в порядке наказания за долгий запой. Как заведующая умная Дуся умела рассчитать харчи на всю деревню, и туристов не обделяла тоже. В столовой кемпинга кормились и шофёры туристских автобусов, и экскурсоводы, и отдыхающие «дикари».

Здесь, в кемпинге, была своя установившаяся жизнь, и она шла своим чередом. На территорию кемпинга приносились жителями окрестных деревень ягоды и фрукты на продажу, мёд и лесные орехи. Бугрово жило и процветало за счёт прошлой жизни знаменитого человека, для почтения памяти которого люди совершали паломничество сюда. Паломникам охотно сдавались комнаты и койки, продавалось парное молоко и домашнее варенье, сваренное по древним рецептам, варенье из крыжовника и красной смородины, особенно любимое когда-то Кормильцем.

И думалось всеми будто бы так: откушай того варенья – и тоже будешь великий человек, и полюбят тебя жители Бугрова. Потому что, если купил турист не такое уж и дешёвое то варенье – значит, нежадный он человек, как и великий Кормилец, который тоже одарял крепостных рублём. А если снял ты на лето комнатенку или веранду – то и будь доволен, к жилищным условиям не придирайся, равняйся на Кормильца. У Кормильца тоже был дом старый, дедовский, хотя и просторный, конечно, но ведь нового-то дома Кормилец всё равно себе не выстроил. Потому что он был скромный человек, наш Кормилец, и все великие люди – скромны. И Кормилец тоже сюда вовсе не за комфортом ездил, в дедовские эти места, а за воздухом свежим после душных столиц. И современный человек сюда тоже ездит за воздухом. К природе приобщиться, коснуться всем существом своим атмосферы великого вдохновения. И потому надо привыкать быстро смиряться с коротким временным жильём, как смирялся с ним и Кормилец.

Словом, вся эта суетная и обыденная жизнь текла здесь по своему распорядку на фоне примера бессмертной жизни Кормильца. Заповедник имел свой штат, в лице директора, экскурсоводов и бухгалтерии, которая выписывала заработную плату. И эти средства к существованию обеспечены были тоже благодаря Кормильцу. Шагая сквозь время со всеми фактами своей вполне изученной до подробностей биографии, великий человек приковал навеки к этим фактам внимание учёных, поэтов, музыкантов, философов и живописцев. Множество людей бродило по Заповеднику с фотоаппаратами, альбомами, блокнотами, мольбертами.

По всему этому было бесспорно, что великий человек и после смерти продолжал жить и кормить тысячную толпу. Одна личность, ставшая бессмертной, завоевав доверие поколений, увлекла их за собой. Жизнь этой личности после смерти продолжалась, только отныне из великого человека гений превратился еще и в **ВЕЛИКОГО КОРМИЛЬЦА**. И он обеспечил своим именем *известность другим людям*. Ибо таким он и был ещё при жизни – *великим на все времена!*

Наталья Асенкова (Тамара Александровна Хайленко) родилась и выросла в городе Алма-Ате, там же закончила филологический факультет Казахского государственного университета, ныне университет Аль-Фараби. Уехала в Ленинград, получив диплом университета, пыталась поступить в аспирантуру, потом работала учителем литературы в старших классах средней школы. Автор повестей и романов: "Принцы и Короли", "Пара гнедых", "На фоне Кормильца", "Вычисление личности", "Командировочные", "Художники". Наиболее известным и даже знаменитым из них является роман "Вычисление личности" - был прочитан "московским литературным андеграундом" и очень понравился В. Я. Лакшину, известному критику журнала "Новый мир". Лакшин написал об этом романе целую статью-письмо автору. Произведение опубликовано спустя 30 лет в журнале "Север", Карелия, г. Петрозаводск. О творчестве Н. Асенковой много писала бывшая сокурсница писателя Саши Соколова Галина Скворцова. В Петрозаводске вышел двухтомник романов Н. Асенковой в издательстве "Северное сияние". Н. Асенкову впервые в Америке опубликовал Игорь Ефимов, издав сборник рассказов "Красная лилия" и повесть "На фоне Кормильца". Эта повесть переведена на английский и вышла в Канаде, в г. Торонто, под заглавием "On The Background of the Provider". Повесть "Пара гнедых" была издана в Нью Йорке, в "Слово-WORD". Последний роман Н. Асенковой "Еще идут старинные часы" вышел в 2014 г. в изд. "Северное сияние." В этом романе затронуты проблемы русской революции, терроризма и современной эмиграции. Роман "Принцы и короли" издан в г. Санкт-Петербурге, в изд. "Сударыня" в 2008 г. В нем причудливо перемешаны современные проблемы русской эмиграции с картинами ФЭНТАЗИ. Автор сравнивает бывшую советскую страну с легендарной страной Атлантидой. Книги Н. Асенковой есть в библиотеках Нью-Йорка.

Анна Немеровская: История Давида, рассказанная им самим в Венской гостинице в последнюю ночь перед отъездом

(Отрывок из романа «И даровал Всевышний Человеку свободу воли»)

Первые 10 лет моей жизни были такими счастливыми, описать невозможно. Сердце трепещет от воспоминаний. Папа Семен Давидович преподавал химию в вузе. Мама Татьяна Степановна тоже химик, была его студенткой, окончила вуз, поженились, родился я. Мама работала в химлаборатории. Отец необыкновенно талантлив во всем, он сочинял стихи, пел, остроумен, душа общества. Мама тоже очень умная, но скромная и сдержанная. Мы с ней очень близки, с ней я всем делился, а отец... он как бы стоял на пьедестале, им можно было только восхищаться. Я никогда не видел, чтобы они ссорились или ругались. Теперь я думаю, что выяснение отношений были, но просто в мое отсутствие. Представляешь, каким ударом стал для меня их развод! Мы сели обедать. Я спросил:

– А где папа?

– Он не придет, он ушел, живет теперь в другом месте. А мы будем жить без него.

Я побледнел. Мама начала меня успокаивать.

– Ты сможешь с ним встречаться, когда захочешь. Не переживай, главное, что он жив и здоров. В жизни бывает всякое, иногда люди расходятся, но он, тем не менее, остается твоим отцом, и он любит тебя.

Но никакие слова не могли меня утешить. Я плакал по ночам, кусая подушку. Я ненавидел его как предателя и в то же время любил еще больше, чем раньше. Предатель, предатель, другого слова не было. Он предал меня и маму! Я почему-то сразу понял, что он ушел не просто от нас, а ушел к другой женщине.

...Сколько себя помню, я всегда был необыкновенно влюбчивым. Бывало, прихожу из детского сада и рассказываю маме:

– Я очень люблю Мариночку.

– Как же так, – спрашивает мама, – помнится, два месяца назад ты любил Риточку?

– Но Мариночка красивее читает стихи.

Через еще некоторое время Инночка лучше танцует и так далее, и так далее. Мама грустно улыбалась, слушая мои признания, она видела наследственные признаки любвеобильности... В 10 лет я перелюбил всех девочек своего класса и поглядывал на параллельный.

Но после такого удара я никак не мог обрести душевный покой. Предатель! Он предал маму и меня – двух самых близких, верных, любящих людей. Как можно жить после этого, есть, спать, читать, ходить в школу?.. Он несколько раз звонил и говорил с мамой, чтобы встретиться со мной, но я отказывался, я не знал, о чем буду с ним говорить, я был не готов.

Наступили весенние каникулы, и я пошел к институту, к окончанию лекций, чтобы хоть издали увидеть его. Отец вышел в окружении щебечущих студентов, что-то говорил им, они хохотали. Наконец, они распрощались, и он пошел пешком, а я за ним по другой стороне улицы. Оказывается, теперь он жил недалеко от вуза. Я увидел в какой-то подъезд он зашел и, обессиленный, сел на скамейку на детской площадке напротив дома. Сколько я сидел – не помню, думаю, часа два. И вдруг из подъезда выходят: мой отец, красивая, нарядно одетая женщина – его новая жена и пацан лет 13-ти. Женщина и пацан о чем-то говорят между собой, отец терпеливо ждет в стороне. О чем они говорили, я, конечно, не слышал, но по жестам понял, что паренек не хочет с ними ехать. Наконец, они пришли к какому-то соглашению, отец с новой женой подошли к стоящей рядом с подъездом машине, сели и уехали. Еще одним ударом стала машина – Жигули. Когда отец жил с нами, у него был Запорожец, а сейчас, у него новое жилье, новая жена и новая машина. Кардинальные изменения... А пацан тем временем медленно шел к пустующей детской площадке в моем направлении и сел рядом. Он сидел

рядом, молчал, грустно опустив голову. А я его люто ненавидел. Не знаю за что – просто ненави-дел. Кулаки сами сжимались, я хотел его избить, но трезво оценивал, что сам окажусь избитым. Ну и пусть. Может быть, удары, синяки, физическая боль и даже кровь (которую я и сейчас боюсь, а уж тем более тогда) облегчат душевную боль?

– Это мой отец, – сказал я, вонзив в него злой взгляд.

– Ну и что? – спокойно и даже равнодушно ска-зал он.

Я растеряно молчал. Действительно, ну и что?

– Если он твой, так забирай его. Он мне совер-шенно не нужен. Бывают же такие подлые люди, которые своих детей предают. (Он сказал именно то слово, которое звенело у меня в голове – пре-дал!) Тебя бросил, твою сестру бросил...

– Какую сестру? – я был ошарашен, но бить его мне совершенно расхотелось. Он был старше, опытнее и, главное, информированнее.

– А ты что не знал? До твоей мамы у него была жена, родила девочку. Он их бросил, ушел к твоей маме. А та женщина уехала с дочкой из Питера, чтобы его больше не видеть и не дает общаться с дочкой. А до той женщины была еще одна, первая жена, но без детей. Так что твоя мама третья, а моя – четвертая.

– Откуда ты знаешь?

– Так я все слышал. Стены тонкие... Самое смешное, он говорил, что детей очень любит. По-нимаешь? Детей. Детей вообще или тебя одного в частности? Мне-то что, я через 5 лет уеду от них и делайте что хотите. Мне мою маму жалко, ведь он ее тоже бросит.

Помолчали... Потом он сказал:

– Я когда вырасту, **НИКОГДА** своих детей не брошу. Что бы в моей жизни ни случилось!

– Я тоже.

– Давай поклянемся.

– Я клянусь! – Сказал я серьезно и торже-ственно.

– Это не так просто, сказал и все. Надо на крови поклясться.

Он отковырял от дерева кусок коры и этой гряз-ной щепкой расцарапал себе и мне палец на левой руке, выдавил кровь и намазал ее на это же де-рево.

– Торжественно клянусь, – громко начал он. Во-круг никого не было. Я повторял за ним слова клятвы.

– Торжественно клянусь, никогда, ни при каких обстоятельствах не предавать, не бросать, не оставлять своих детей, что бы ни случилось в жизни. Клянусь своей кровью на этом дереве. А если я нарушу свою клятву, пусть отсохнет моя рука.

Знаешь, это было так серьезно, я почувствовал холодок и дрожь, прошедшие по этой руке, которая должна была отсохнуть.

После этого мы еще несколько раз встречались. Время шло. Тогда казалось, что оно движется мед-ленно, а сейчас, оборачиваясь назад, кажется, что оно пролетело быстро.

В 10 классе я со своим преданным, верным, са-мым лучшим другом Сашкой (Слава с грустью вспомнил и своего самого преданного, верного, лучшего друга – Фиму) вдвоем влюбились в де-вочку Лиану. И имя у нее было необычное и сама она была необыкновенная. Красивая, добрая, ум-ная... (Слава почему-то вспомнил Леночку)

Дружили мы троим. На третьем курсе, стало невмоготу, и я поставил вопрос ребром – сделал официальное предложение от нашего имени – от меня и Сашки. Она выбрала меня, и мы расписа-лись. Моя мама ушла жить к бабушке, полностью отдав нам квартиру. Жили скромно, моя мама и ее родители помогали, иногда и отец что-то подкиды-вал, я немного спекулировал книгами, Лиана имела несколько учеников. Окончили вузы, устроились на работу. Жили дружно, весело. Театры, музеи, вы-ставки, поездки. Никогда никаких споров. Я даже удивлялся, когда люди рассказывали о семейных конфликтах. Ведь любые проблемы можно решить спокойным тоном.

Саша продолжал с нами дружить. Любовь к Ли-ане не прошла, но он мог владеть собой. Я не знаю, есть ли на свете еще человек такой же чест-ности, порядочности и благородства.

Короче говоря, около 5 лет я не смотрел ни на одну другую девушку, то есть смотреть-то смотрел, но просто так, как бы любясь со стороны. Но вдруг случилась одна измена, потом другая. Утешался

тем, что Лиана никогда не узнает, что все это несерьезно. Ведь действительно любил только ее... да и сейчас ...люблю.

Появилась Наташа-практиканточка. Ох уж эти практикантки, не только Клинтон о них споткнулся...

Крутила она передо мной задом, докрутилась. Стал я с ней периодически встречаться в разных местах. И вот она уговорила меня справить Рождество 1999 года вместе за городом. Мол, Новый год ты будешь дома встречать, а Рождество со мной, все-таки конец тысячелетия, а там, за городом, такое шикарное место: там и бассейн, и сауна, и джакузи, и ресторан, и прорубь, и лес, и чего там только нет... Одним словом, уговорила. Я сказал дома, что наш отдел приглашен к каким-то клиентам на сабантуйчик, вернусь не поздно, часов в 11 вечера. А если приеду к полночи тоже не страшно, можно на дорогу сослаться. С работы отпросился в 11 утра, поехал за Наташей и попал в страшную дорожную пробку. Какая-то авария, вся дорога закрыта, ни туда, ни обратно. Стою полтора часа. А мобильный телефон забыл на работе. Наташа звонит на работу, ей говорят, что я ушел, так эта дура не придумала ничего лучше, чем позвонить домой. Лиана берет трубку:

– Я вас слушаю.

– Скажите, пожалуйста, а Давид дома?

– Нет, его нет. А в чем дело? Меня зовут Алла, я его сестра.

– Понимаете, мы договорились встретиться около метро (называет станцию) в 12 дня, а уже второй час, его еще нет.

– Не беспокойтесь, милая. Раз он обещал, то обязательно приедет, ждите.

– А если он не придет, можно я еще позвоню.

– Я сейчас должна уйти по делам. Так что дома никого не будет.

Наконец, я добрался до Наташи, объяснил про пробку на дороге, и мы поехали. Прекрасно провели время, а на обратном пути она мне говорит:

– Не гони так машину, не надо торопиться. Дома никого нет.

– Почему ты так решила?

Тут она мне весь разговор передает. Я резко торможу, ругаюсь на нее страшными словами, вы-

таскиваю ее за шкуру из машины, ловлю такси, пересаживаю ее и отправляю домой, а сам резко разворачиваюсь.

Как ты можешь догадаться, Лианы дома не было. Она спокойно собрала свои вещи и уехала к своей маме. Даже записки не оставила, только ключи на столе.

Как я убивался, сколько просил прощения, забрасывал ее цветами, умолял ее маму, чтобы ее уговорила. Она сказала:

– Я тебя простила. Ни зла, ни обиды нет. Я тебе очень благодарна за те несколько лет счастливой жизни. Но жить с тобой, как раньше, я не смогу.

*****

Возьми стакан, швырни его об стену,

Теперь проси прощения навзрыд.

Ну что, свершилось? Стал обратно целым?

Вот так людей ломает от обид.

(Алексей Авданин)

*****

– Просто эта влюбчивость в твоем характере. Ты не сможешь, не удержишься, сорвешься, тебя какая-нибудь сексуально озабоченная девица соблазнит. Рано или поздно это опять случится. И еще, ты же знаешь какая я брезгливая. Я не могу.

Это был конец. Я ходил весь почерневший, угрюмый. Еще в это время умерла моя бабушка. Был занят этими похоронными хлопотами, утешал маму. Одним словом, самый черный период...

Отметили по обычаю 40 дней после бабушкиной смерти. На следующий день звонок в дверь, открываю, стоит Наташа с двумя чемоданами. Все эти дни на работе она стралась на глаза не попадаться, не навязываться. А теперь решила, что уже можно. И начались мои кошмарные дни. Понимаешь, я привык к нашему (с Лианой) стилю жизни. Наши зарплаты складывались в вазочку на буфете. Она брала оттуда первым делом на оплату квартиры, коммунальных услуг и продукты. Часть денег откладывали в коробочку, лежащую на шкафу на отпуск или на более крупные покупки – зимнюю одежду, аппаратуру и т.д.

Наташа никогда в вазочку денег не клала, а только брала. У нее была страсть посильнее, чем у алкоголика, наркомана или азартность игрока. Она покупала себе одежду. День без покупок был для нее потерянными днем. Все спекулянтки в округе

знали ее и приносили на работу полные кошелки товара. Девчата бегали в туалет, на примерку. Она никогда не выходила без покупки. Тратила всю свою зарплату, деньги из вазочки улетали за неделю. Я был в ужасе – квартира и коммунальные услуги не оплачены, холодильник пустой. А она подлизывается: "Давидик, дорогой, я взяла эту шубу в долг, мне надо отдать деньги через день". И я, как дурак, достаю со шкафа коробочку с нашим с Лианой денежным запасом. Посмотрел и понял, что Лиана, когда уходила, не взяла из этой коробочки ни копейки. Так стало горько. С кем я живу? Как можно их сравнивать по степени благородства, порядочности, интеллигентности и культуре, мы ведь даже в кино не ходим. Напрасно я показал ей где лежит коробочка...

Сколько я пытался с ней говорить, объяснять. Я начал прятать от нее деньги. Пытался на работе. Дома были только картошка и макароны. Два шкафа были набиты шмотками. Многие были ни разу не одеты.

И в один прекрасный день (действительно прекрасный день моей свободы) она снова начала подлизываться: "Давидик, посмотри, какая прекрасная шуба к новому сезону и совсем не дорого". Я твердо сказал: "Нет! У тебя уже есть две новые шубы, третья тебе не нужна." И опять, в который раз, вспомнил, что все те пять лет, которые мы прожили с Лианой у нее была только одна шуба и совсем не такая шикарная. Ах, если бы я мог ее вернуть, я бы купил ей три, нет пять шуб... Наташа тем временем психовала, бегала по комнате, кричала, вхлипывала, ругалась, обзывалась. Самое нежное из сказанного было "жмот". Занятый своими мыслями, я совершенно не обращал на нее внимания, но вдруг сквозь ее ругань услышал сакраментальные слова. Насчет лица еврейской национальности. Понимаешь, есть политически корректные выражения – эквиваленты хамским словам. Например, ругательное "зараза" имеет перевод "инфекция". Лицо – это морда. А лицо еврейской национальности – это та же морда, но жидовская.

(Давид рассказывал все это, улыбаясь. Слава чувствовал, что с ним, как и с Фимой, легко говорить на любые темы. И еще как психолог, он понял,

что Давид не заикливается на национальном вопросе, он, как и Коля, полукровка, свободен от комплексов.)

Как я обрадовался, когда она меня обозвала! Это ж такой прекрасный повод избавиться от нее! Я медленно встал, достал чемоданы и начал аккуратно укладывать туда ее вещи. Она бросилась на защиту своих вещей, еще даже не понимая, что я буду делать. Я запер ее в туалете. Набил два чемодана и большой баул ее шмотками – только теми, на которых не было бирочек. А новые неодеванные вещи оставил в шкафу. Забрал из сумочки ключи от квартиры. Вызвал такси, отнес туда вещи, вывел ее из туалета, накинул на нее новую, еще не оплаченную шубу, посадил в такси, заплатил таксисту, назвал адрес ее родителей. Она начала хныкать и просить прощения. Чтобы не растаять, я сказал строгим голосом:

– Такое оскорбление смывается только кровью, понимаешь? Если я тебя увижу еще раз, то застрелю – у меня есть пистолет, оставшийся от деда.

В ее тупых глазах (как я мог считать их красивыми?..) застыл ужас. Еле сдержался, чтобы не рассмеяться. И последней фразой я добил ее:

– Вещи, которые я оставил у себя, не принадлежат тебе, потому что куплены на мои деньги. – И махнул рукой таксисту.

Я был свободен! Наташи на работе больше не было – срок ее практики окончился. А вещи сдал в комиссионку. Почистил квартиру и вздохнул с облегчением.

Периодически мы встречались с Сашей в нашем кафе. Говорили о работе, о мировых проблемах. О Лиане не говорили. После моей желанной, с трудом приобретенной, свободы мы снова встретились в кафе. И тут Саша меня огорошил:

– Я хочу, чтобы ты знал, что я встречаюсь с Лианой. Ты же знаешь, как я ее всегда любил, но никогда не встревал в вашу жизнь. Для меня всего важнее было ее счастье. Просто хочу, чтобы ты знал. Я не делаю это за твоей спиной. Надеюсь, что это не помешает нашей дружбе.

Что я мог сказать? Что я мог сделать?

Прошло еще несколько месяцев.

Все женщины у меня делятся на тех, которые годятся в любовницы (это не значит, что я влюбился

или буду их соблазнять, можно просто пофлиртовать, иначе говоря – соблазнительные или, по-американски говоря, сексапильные женщины) и все остальные (знакомые, сотрудницы, деловые партнеры – с которыми даже возможно приятно общаться, но без флирта). Пришла к нам на работу новая дама, которую я сразу отнес ко второй категории. Звали Изабелла. В отличие от всех Изабелл, которых зовут Беллами, ее звали Изой. К первой категории я не мог ее отнести по многим причинам. Она на полгода старше меня, это, конечно, мелочь, но мне всегда нравились молоденькие (Лиана была одноклассница, но все остальные – на много моложе). Мне всегда нравились черноволосые смуглянки (как Лиана), а Иза – яркая белокожая блондинка, причем натуральная. К тому же она крупная дама. На каблуках почти со мной вровень. Не толстая, но крупная. Такая, знаешь, статная русская красавица. Но что-то в ней было немного прибалтийское. Никогда не любил ни толстых, ни крупных, ни высоких.

Объективно признал ее плюсы: умная, деловая, остроумная, интересная рассказчица. При этом ни похабных анекдотов, ни нецензурных слов от нее никогда не было слышно. Для меня это существенное качество – терпеть не могу похабных, курящих, пьющих женщин.

Приходит на работу, рассказывает, как добиралась, с какими приключениями, весь отдел заслушался. Обсуждается какая-то проблема, она одним вопросом влезает в самую суть, в ядро идеи и сразу расставляет все точки. Решения проблем тоже часто неординарные. Кроме основной работы была частная практика – консультация в области женской сексопатологии (которая давала ей весьма существенный левый доход).

В курсе всех новинок литературы, поэзии, фильмов, театральных премьер. В перерыве рассказывает содержание какого-то нового рассказа, так никто в столовку не идет. Рассказывает и на меня поглядывает. Так глазами стреляет в мою сторону. "Нет, – думаю, – меня такими сказками не возьмешь."

Вот есть такая расхожая истина, что женщины любят ушами. (Вот мы им и вешаем лапшу на уши...) так я тебе, как психолог, скажу по секрету –

мужики тоже попадают в ловушку через уши. Стреляла она в мою сторону, стреляла и вдруг перестала. Не смотрит в мою сторону и все. Внешне совершенно не заметно, ведет себя как всегда, так же общительна, но в мою сторону не смотрит, как раньше. Если я к ней обращаюсь, то спокойно отвечает. Ты чувствуешь, какой психологический ход, направленный на то чтобы я задумался, а почему она прекратила на меня смотреть. А значит – думать о ней. Теперь уже я поглядывал на нее чаще обычного. Даже хотел подойти и выяснить отношения. А что можно спросить: "Почему ты на меня перестала смотреть?" Глупо. И вдруг она объявляет, что у нее есть лишний билет в театр на какой-то знаменитый спектакль, мол, подружка не может пойти. Объявляет это в момент (это я потом проанализировал), когда в комнате были только сотрудники замужние или женатые, словом, не одинокие. Один я свободный. Конечно, пошел с ней в театр. С каким блеском она после окончания проанализировала постановку!..

После месяца встреч и прогулок, она переехала ко мне.

Я понимаю, что лучшего варианта мне не найти. Интересная, умная, не пьет, не курит, хозяйственная, не транжирит, любит меня – что еще надо? (И снова Слава отметил отсутствие энтузиазма в голосе друга)

И вдруг раздается звонок:

– Здравствуй, Давид, это я. Лиана.

– Я узнал.

Нужно ли объяснять, что я узнал ее голос с первого звука.

– Я хотела встретиться с тобой по важному делу. Когда ты сможешь подойти в ваше кафе? В ваше с Сашей, – уточнила Лиана.

– Завтра, подойду в перерыв.

– Спасибо.

Я долго держал трубку, слушая гудки.

На следующий день я был в кафе на полчаса раньше. Они вошли. Саша бережно вел ее под руку – она была в положении... Срок небольшой, почему-то отметил я про себя. Ее, всегда коротко стриженные волосы, отросли, черты лица немного изменились, как бывает у беременных. Но это была моя, моя Лиана...

– Давай сразу приступим к делу. Мне нужен развод. Я прошу, подпиши документы. Ведь у нас нет никаких претензий друг к другу, ни материальных, ни квартирных. В этом случае не надо идти в суд, процедура проходит в ЗАГСе, быстро и без проблем...

Я молчал.

– Я хочу, чтобы наш с Сашей ребенок родился в законном браке. Хотя это все условности, но все-таки... Почему ты молчишь?

Саша встал.

– Пойду, возьму что-нибудь. Что вам принести: бутерброды, мороженое?

Он решил деликатно оставить нас вдвоём. А я молчал, потому что не мог говорить. Наконец, разжал губы.

– Почему ты не родила мне ребенка?

– А ты не понимаешь? Зачем иметь ребенка? Чтобы при его помощи удерживать тебя? Ты рассказал мне о своей клятве, помнишь, даже показывал дерево и искал то место, где должно было быть пятнышко крови? Если удерживать мужа ребенком, то счастлив не будет никто, понимаешь, никто из троих. Будь свободен. От всей души желаю тебе счастья.

Я, не глядя, подписал все бумаги. Саша принес что-то поесть. Она достала из сумочки маленькую баночку с творогом и яблоко.

– Ничего не могу кушать, только творог, – сказала стеснительно, со смущением и опустила глаза.

У меня душа обливалась слезами.

Вот и вся история. Живу с Изой. Все нам завидуют. Если я посмотрю на какую-то девушку более пристально или, если Иза чувствует какую-то опасность, она приближает к себе эту девушку, становится ей близкой подругой, дает ей очень грамотные психологические советы, опекает ее, находит ей подходящего кавалера. И после этого вышеуказанная девушка перестает со мной кокетничать, неудобно все-таки флиртовать с женщиной Изы, непорядочно, ведь Иза так добра к ней... У меня нет возможности сходить "налево"... да уже и не хочется...

Перед моим отъездом на конференцию она сказала, что беременна, и, чтобы я не чувствовал себя обязанным. Но, как ты понимаешь, я помню свою клятву – мы распишемся. Я никогда не брошу моего ребенка...

И я официально приглашаю тебя на свадьбу.

После того, как Давид закончил свой грустный рассказ, друзья помолчали.

В течение всего рассказа Слава почему-то вспоминал Леночку...

Анна Немеровская родилась в Баку, куда ее семья переехала из Украины в 1931 году. Со школьной скамьи интересовалась литературой и историей. Закончила физико-математический факультет Азербайджанского университета, работала по специальности.

С 1988 года проживает в Нью-Йорке. В эмиграции стала писать рассказы и публиковать их на страницах русскоязычной прессы.

В 2012 году в Бруклине инициировала встречи любителей книги, став президентом общества «Друзья библиотеки на Шипсхедбей»; ответственный секретарь Литературного клуба, член Пушкинского общества Америки.

В 2013 году рассказы были объединены в книгу «Как молоды мы были...». Вслед за ней появился необычный сценарий «Шекспир ставит Гамлета», включающий весь оригинальный текст в переводах Б. Пастернака и М. Л. Лозинского. Презентация этой работы на творческом вечере писательницы вызвала острые дискуссии и обсуждения.

Главным литературным достижением Анны Немеровской можно считать роман «И даровал Всевышний Человеку свободу воли», оформленный большим количеством цитат, исторических фактов, справочным аппаратом, стихотворными вставками. Фрагмент этого произведения представлен вашему вниманию.

Леонид Подольский: ВЯЛОТЕКУЩАЯ ШИЗОФРЕНИЯ

Произошло это в другой жизни, в самом начале семидесятых. Главных действующих лиц давно нет на этом свете. А другие, немногие, молчаливые свидетели и косвенные участники – весь город в своё время полнился слухами – помнят ли они? Пройдет еще несколько лет и все забудется окончательно, канет в Лету. Вот почему я решил написать этот рассказ. Напомнить. Я никого уже не обижу, никого не задену, не выдам ничью тайну. Между тем есть вещи, которые нельзя забывать. Ведь это о нас, какими мы были совсем недавно.

Татьяна Васильевна Кречетова слыла женщиной исключительно деловой. Доцент, секретарь парткома курса, член партбюро института, вечно выступала на разных собраниях, работала над докторской диссертацией, поговаривали, что у нее любовник в горкоме, хотя, понятно, это были только предположения, не больше.

На пятом курсе я у нее учился. Преподаватель как преподаватель, и лекции читала: лектор не выдающийся, но вполне сносный, не хуже других, большинства, не оригинальный – промелькнула и ничего по себе не оставила в памяти. Муж ее тоже был врач, невропатолог, как и она, работал в психиатрической больнице. В отличие от энергичной и пробивной супруги, активистки, человек он был исключительно интеллигентный и, говорили, несколько странный. Целыми днями сидел у себя в кабинете и, так как работы у него было немного, читал, писал, слушал радио в полное свое удовольствие. Врагов у него не было, и оттого, что он читает и что пишет, никого не интересовало. Дмитрий Васильевич, как говорили потом, отличался полной незаметностью: тишайший человек, вежливейший, с вечной тихой улыбкой на

лице, он был весь в себе, кланялся направо и налево, проскользнет, бывало, по коридору и закроется в кабинете. Ни с кем не спорил никогда, да и разговаривал чрезвычайно редко. В другом измерении жил. Когда-то давно под натиском супруги начал работать над диссертацией, но вскоре потерял к науке интерес, хотя и опубликовал несколько статей в больничных и кафедральных сборниках.

Словом, супруги были полной противоположностью друг другу: она – огонь, вулканическая энергия, прожженный прагматик, напориста и, как бы это точнее объяснить, совершенно советский тип: всегда знала, чего от нее ждут, что требуется сказать, и говорила исключительно правильные, положенные, разрешенные вещи, в свое время была политинформатором и старостой курса, все считали ее карьеристкой, да она и не скрывала, напротив, из кожи вон лезла, ей прочили заведование кафедрой в самом ближайшем будущем, благо заведующим был профессор преклонных лет, которого чуть ли не под руки поднимали на кафедру; Дмитрий Васильевич, супруг, – нерешителен и мягок, делал всю домашнюю работу, пока супруга писала бесконечные партийные протоколы, говорили, что он и в партию вступил исключительно под напором жены и что это она пробила ему тихое место в больнице. И что в свое время он вовсе не собирался жениться, но энергичная Танечка Анисимова, староста курса, чуть ли не силой затащила его в загс. И что единственный их сын вовсе не на Дмитрия Васильевича похож, а на секретаря горкома, того самого, что возглавлял в прошлом институтский комсомол. Впрочем, все это позже говорили, после известных событий, а до поры про Дмитрия Васильевича вообще мало кто знал. Знали

только, что у Кречетовой есть муж и что работает он в психбольнице. Персона Дмитрия Васильевича ни у кого интереса не вызвала.

И вдруг...

Должен сказать, что к тому времени я закончил институт и был оставлен в аспирантуре, когда услышал от сестры, а сестра моя, как и Дмитрий Васильевич Кречетов, работала в психбольнице, только в центре города, в диспансере, что Кречетов написал, мол, интересную книгу, ну, не совсем книгу, но две толстые тетради, будто бы антисоветские, и что – эрудит, он всегда был большой эрудит, умница – и тетради эти ходят по рукам. На тетради кречетовские очередь, и немаленькая, все врачи, и сестра тоже заняла очередь.

– Вообще-то он странный, – говорила сестра, – написал, ну дал бы почитать умным людям, образованным, а он – сестрам, кто по-смазливей. Те от него как черт от ладана, у них мужья, перепугались, думали, это он ухаживает так. У одной муж хотел прийти бить морду. Хорошо, что доктор Пересветова узнала. Говорит, выдающийся человек. Странноватенький, но умный. Не в бровь, а в глаз пишет.

Доктор Пересветова была известная в кругах психиатров активистка и при этом восторженная дама. Тем не менее ее уважали и даже любили: она была замечательный врач, скрупулезнейший, к тому же потомственный психиатр. Дед ее еще до революции стажировался за границей и оттого был расстрелян в тридцать восьмом году как фрейдист. Прославилась Анна Дмитриевна тем, что подолгу беседовала с больными и, говорили, сама была не без странностей, к тому же старая дева, однако несколько раз по ее настоянию снимали психиатрические диагнозы и выпускали людей на свободу, так что ее одновременно обожали и боялись.

Тут нужно уточнить, что нередко душевнобольной человек бывает совершенно адекватен за пределами болезненной темы, в других же случаях далеко не всегда удается объективно различить правдивые утверждения и бред, и что в психиатрии широко распространены так называемые пограничные состояния. Кроме того, доктор Пересветова во всем была очень активна: дни рождения, новогодние елки, праздники, юбилеи – все это был ее конек. К тому же поклонница искусств. Стихи писала, театралка, нередко ездила в Москву и в Питер, где у нее жили родственники, ради громких театральных постановок.

Вот к ней-то, к Анне Дмитриевне, а была она приятельницей Кречетова, зато Татьяна Васильевна терпеть ее не могла, и попали заветные тетрадки. Она прочла чуть ли не за одну ночь и провозгласила, естественно, конфиденциально: гениально.

– Я и сама так думаю, но где уж мне. А он ай да Дмитрий Васильевич! Кто бы ожидал, умный человек, образованный, недаром столько лет сидел, книжки читал, радио слушал, а радио, – шепотом сообщала Анна Дмитриевна, – не простое, все сплошь голоса, Би-Би-Си всякие. Ну вот, высидел, умничка. Я так за одну ночь проглотила. Только вы никому, – она прикладывала палец к губам. – Никому, никому, сами понимаете, нельзя! – Все понимали и с этой присказкой «нельзя!» передавали друг другу.

Бог весть, что вычитывали в этих тетрадях тайно взбунтовавшиеся доктора, почерк-то был ужасный, неразборчивый, но – читали. Кем-то вроде местного Синявского казался им Кречетов, вроде альманаха «Метрополь». Держись, Москва, смотри на наше захолустье, завидуй!

Кто-то восторгался, кто-то оставался равнодушным, кто-то, испугавшись, спешил быстрее передать тетрадки, но летел слух, будоражил провинциальные умы. Удивительно, но в Большом доме, где призваны были бороться с крамолой, реакции не было никакой. Будто и не происходило ничего. То ли обленились, то ли действительно никто не донес. А может, глупостью показалось, на которую не стоит тратить силы? Посерьезней были дела. Хотя какие дела? Дом-то огромный. Нет, странно даже, чем они были заняты в не слишком промышленной провинции, где ящиков³ почти не было. Разве что противочумный институт. Однако молчали.

В скором времени дошла очередь и до моей сестры. Не только сама читала, но и мне – почитай, мол, интересные вещи, только быстро. Вот тогда и услышал я от сестры про Татьяну Васильевну Кречетову. Свеженькое. То есть и раньше слышал нередко, но раньше – не до того, раньше неинтересно было, а тут...

Как раз недавно состоялось закрытое партийное собрание. Только что такое закрытое партийное собрание в провинциальном городе, где все всех знают? Вышли с собрания, зашли в кафе и... По секрету. Так что через день-два знали уже все. Свой круг. Исключали из партии доцента Маренсиса. Бывшего то есть доцента. Уволился и подал документы на выезд. Но вот ведь уволился, а в партии остался, из партии уволиться нельзя. Будто бы по-прежнему верен идеалам. И отвергает сионизм. Хотел тихо, но не вышло. Татьяна Васильевна в первых рядах: «Вы родину Пушкина и Льва Толстого, страну Гагарина решили променять на чечевичную похлебку наших врагов. И не стыдно вам? Не

стыдно? Долго же вы скрывались под личной».

– Дрянная женщина, – говорила сестра. – Про нее многие говорят. Выслуживается. С любовником в открытую крутит. И как только муж терпит? Вот он и пишет.

Любопытно было, что же написал Кречетов. Сказать правду, я относился скептически. В самом деле, что мог он написать? Что у нас нет свободы и демократии? Что мы живем плохо, намного хуже, чем на Западе? Что сталинская система не преодолена? Что в репрессиях виноват не только Сталин, но – система. Партия. Однопартийность. Что репрессии продолжают, пусть и не в прежнем масштабе? Про психушки? Про Пражскую весну? Я все это знал. И многие знали. А вот как от этого избавиться, что делать, вот этого не знал никто. Ничего не могли сделать диссиденты. И все же...

...Да, и все же. Сестра мне выдала кречетовские тетради на один день.

– Если понравится, задержу еще на день, – пообещала она.

Читать от корки до корки я, конечно, не стал. Времени не хватало, и не умею я быстро читать. Но просмотрел. Хотя бы узнать, о чем. Подозреваю, что не все он писал от себя. Провинция. Окружение. Однако голоса слушал. Компилировал. Про Пражскую весну,

---

³ Ящиками назывались закрытые учреждения, принадлежавшие ВПК.

про Млынаржа⁴ и Отто Шика⁵ с подробностями писал, про Синявского с Даниэлем. Тут явно не мог он сам знать, своим умом до всего дойти. Либо слушал, либо читал. Но откуда? Прошлапила Татьяна Васильевна? Не уследила за мужем? А может, наоборот, она? На людях одно, а дома другое? Недаром же связи в горкоме. Из первых рук. Им-то полагается знать?

Хотя едва ли Дмитрий Васильевич мог узнать от жены. Кондовая баба. Не мог я представить, чтобы эта партийка вела двойную жизнь. Секс – другое. Не то чтобы преданная, или убежденная – в иное время я мог наблюдать, как эти партийные и преданные поворачивали хвосты и складывали партбилеты или, того чище, спешили на Запад, забыв про прежние якобы свои убеждения. Да какие там убеждения? Не было у них, и у нее тоже, никаких убеждений. Но вот что не интересовалась, что не о том думала, это да. Как мебельный гарнитур достать. Или, когда все повернулось и разрешили кооперативы, она же, Кречетова, первая открыла частный прием. Так что едва ли узнал что-то Дмитрий Васильевич от жены. Да и какие у них были отношения дома? О чем говорили? Тайна.

Однако не только компиляции, хотя и за компиляции судили. Было в писаниях Дмитрия Васильевича кое-что новенькое, с изюминкой, чего я не знал раньше. И не задумывался даже. Про Ленина и Сталина. Что-то вроде подробной медицинской карты. Что Ленин болел сифилисом, подхватил якобы от парижской проститутки. Пользовался сальварсаном, не вступал в половые отношения с Крупской – для того и выбрал ее – и умер как сифилитик, от сифилитических инсультов. В конце жизни в слабоумие впал. Однако не

---

⁴ Млынарж Зденек (1930-1997) – чехословацкий и чешский политический деятель, секретарь ЦК коммунистической партии Чехословакии в 1968-1970 годах, идеолог «социализма с человеческим лицом».

только: всю жизнь страдал от сверхценной идеи. Жажда мести и жажда власти, вот что им владело на протяжении многих лет. А Сталин – маньяк. Будто бы великий русский невролог Бехтерев поставил диагноз, за что и поплатился. Бехтерева отравили. Скорее всего, Берия по поручению Сталина. Передал вкуснейший грузинский виноград.

«Тридцать седьмой год отсюда, – писал Кречетов, – что больной человек, однако не только: садистские наклонности Сталина, его болезнь и репрессивный характер системы, изуверская мораль, отсутствие сдержек и противовесов, все совпало».

«Настоящий восточный деспот, – отмечал Дмитрий Васильевич. – Маньяк – это особый психотип, который формируется, когда все можно».

Впрочем, не только советские вожди интересовали Кречетова. И Гитлер тоже: истероидный психопат.

«И вот эти люди определяли судьбы человечества», – храбро написал Дмитрий Васильевич. Честно сказать, я испугался: за чтение такого можно было загреметь. Что думают все эти врачи? Неужели сошли с ума?

Однако я продолжал читать.

Медицина, судя по всему, интересовала Кречетова особо. Немало страниц посвятил он делу врачей и сделал нетривиальные выводы: Лидия Тимашук написала правду, она не была провокатором или доносчиком, просто несчастная, запуганная женщина, жертва обстоятельств. Жданова же в самом деле убили, вернее, способствовали его смерти. Очевидно, врачи действовали по наущению, а может, и по прямому приказу свыше и не

⁵ Шик Отто (1919-2004) – видный чехословацкий экономист и политик, член ЦК Чехословацкой коммунистической партии, один из ведущих деятелей Пражской весны, сторонник «третьего пути».

смели послушаться. Во всем этом деле просматривался почерк то ли самого, то ли Бери: в Кремле всюду шла суетливая борьба за сталинское наследство. Сюжет этот Кречетов, однако, так и не разгадал: зачем было Сталину выдавать дочку за ждановского сынка и убивать самого, да еще тяжело больного? Выходило, что не он, но кто-то же заказал ленинградское дело⁶. Хотя Ленинград Сталин ненавидел – еще со времен Зиновьева. Разбираться, однако, в ленинградском деле Кречетов не стал, так и написал, что не историк, чтобы разгадать все тайны мадридского двора, зато перескочил к Плетневу и Левину⁷, а там и к убийству Фрунзе. И еще к Пильняку с его «Непогашенной луной». Однако и на этом Дмитрий Васильевич не остановился, даже статью отдельную написал с очень красноречивым названием «Маркс ошибался. Диктатура номенклатуры». Что, дескать, нет диктатуры пролетариата, да ее и не может быть, иллюзия, фата моргана, ошибка классиков, нонсенс, существует же власть бюрократии или партбюрократии в чистом виде. Это, мол, особый класс, вместо буржуазии, только советский. Похоже, что Милована Джиласа⁸ читал или, по крайней мере, про него слышал, хотя не факт, но это я

---

⁶ Ленинградское дело – серия судебных процессов, практически уничтожение партийных и государственных деятелей в Ленинграде и выдвиженцев из Ленинграда, обвиняемых в русском национализме и попытках создать Русскую коммунистическую партию в конце 40-х начале 50-х годов. При этом репрессированы были деятели как первого, так и второго порядка.

⁷Инспирированное дело: профессоров Плетнева, Левина и Казакова, которых ложно обвинили во вредительстве во время процесса 1938 года. Утверждалось, что профессора Плетнев и Левин были виновны в смерти М. Горького, а заодно Куйбышева и Менжинского. Действительной причиной обвинения врачей могло быть желание доказать наличие троцкистско-зиновьевского заговора, направленного против руководства партии, а также мечь Сталина, так как профессора Плетнев и Левин отказались подписать

потом, много лет спустя сообразил, тогда же не мог я знать про Джиласа. Однако не у одного Джиласа такие мысли, я тоже догадывался уже. Да не я один. Многие. Но молчали. А Кречетов написал. Он и вправду был странный. Незвестный диссидент.

Словом, немало интересного извлек я тогда из отрывочного чтения. Из отрывочного, потому что времени было мало, и еще почерк: острые готические буквы выдавали нервную, торопливую руку. И большую совесть тоже: этот странный человек много раз каялся, что ни в пятьдесят шестом⁹, ни в шестьдесят восьмом в августе¹⁰ не вышел на Лобное место. Да хоть бы к местному крайкому. Хотел, собирался, но не пустила жена. Про жену, Татьяну Васильевну, он ничего не писал, это было единственное упоминание.

Я просмотрел, прочитал отрывками, надо признать, слог у него был хороший, образный, не хуже, чем у известных писателей из тех, кого мы знали тогда, а если вспомнить, знали мы Белова, Проскурина, Анатолия Иванова, Кожевникова; Федора Абрамова и Юрия Трифонова я узнал позже, через несколько лет, в Москве уже, словно глоток свежего воздуха для затхлых семидесятых.

ложный бюллетень о том, что жена Сталина Надежда Аллилуева умерла от аппендицита.

⁸ Милован Джилас (1911-1995) – югославский политический деятель, литератор и диссидент черногорского происхождения, автор и популяризатор концепции «нового класса» – партийной номенклатуры, правящей в социалистических странах.

⁹ В 1956 году советские войска подавили антисоциалистическое восстание в Венгрии, при этом среди венгров имелись многочисленные жертвы.

¹⁰ В августе 1968 года советские войска при соучастии Болгарии, Польши, Венгрии и ГДР подавили Пражскую весну – попытку мирного реформирования социализма, придания ему человеческого лица. Ввод 400-тысячной военной группировки в Чехословакию оправдывался обращением нескольких чехословацких партийных консерваторов, противников реформ.

Страна, честно сказать, задыхалась от бездуховности, от лжи. Это в Москве появились диссиденты. В провинции их не знали.

Ну вот, я прочел через пень-колоду, потом жалел, каялся в высокомерии, но жаленьем делу не поможешь, и отдал сестре. Тетрадки продолжили свой путь. Путь этот оказался недолог, немного было врачей, которым можно было доверять. Да не все и хотели читать. Та же Анна Дмитриевна Пересветова, ей потом тоже досталось, вышвырнули на пенсию, хотя врач была с большой буквы, вернула тетради хозяину, Кречетову то есть. И вот тут – он, кажется, в самом деле сошел с ума, а может, славы захотел – ох уж эта слава, сколько нормальных, честных людей сложили из-за нее головы – Дмитрий Васильевич занес свои тетради профессору, заведующему кафедрой психиатрии. Неизвестно, прочитал ли тот, но перепугался и тотчас настроил заявление. И отнес тетради в крайком. Поговаривали потом, что это могла быть такая интрига, будто Дождев терпеть не мог Кречетову, но едва ли. Как пить дать испугался, не захотел соучаствовать, он был отнюдь не храброго десятка, помнил еще тридцать седьмой год. Человек был осторожный и правильный – по-советски правильный, – дело врачей пересидел в психбольнице, до психиатров не дошло, но испуг остался. Вот Адольф Маркович и отнес эти тетрадки. Из Крайкома их переправили в Большой дом, так называли местный КГБ. Похоже, там тоже перепугались, ничего подобного в тихой провинции не видели с самой войны. Ничего, ничего. Ни шпионов, ни диверсантов с самой высылки карачаевцев. Разве что, я еще учился в школе, судили немецких пособников.

---

¹¹ Ущемленная личность – психиатрический термин, объясняющий в ряде случаев психически неправильное, болезненное развитие человека.

Машина была уже не та, не сталинская, возможно, хотели даже замолчать, не портить отчетность, согласовывали с Москвой, но постепенно ситуация вышла из-под контроля. Состоялось партсобрание, и те самые врачи, что еще недавно с ажиотажем передавали тетрадки, все дружно стали осуждать.

Страх, вот он двигатель, страх. Кто читал, выступали первыми. Совсем как с Пастернаком: «Я этот пасквиль не читал, но осуждаю», – хотя читали! И нравилось! Чем больше рыльце в пушку, тем громче теперь осуждали, били себя в грудь. Чуть не до проклятий дошло. Пересветовой Анне Дмитриевне досталось, а уж о Дмитриии Васильевиче и говорить нечего. Припомнили, что мало работал, не общался, говорили, что не наш, что Родину предал, кто-то заговорил даже, что из кулаков, хотя о происхождении его не знали ничего, что враг по рождению и ущемленная личность¹¹, – Кречетова единогласно исключили из партии, и сам ведь тоже он голосовал вместе со всеми, а еще через несколько дней уволили и завели уголовное дело. Как раз в эти дни Татьяна Васильевна Кречетова должна была защищать докторскую. Ей настоятельно рекомендовали отменить защиту. Она послушалась.

В один день вектор повернулся на сто семьдесят градусов. Если раньше читали и в основном одобряли, вплоть до восторгов, то теперь – так же единодушно осуждали и возмущались. Злобствовали. Вся психиатрическая общественность ходила ходуном.

Сестре моей повезло. Она не была партийной, не ходила на собрания, сидела тихо, и о ней забыли.

В те дни пришлось мне слышать любопытнейший разговор. Люди в основном были

посторонние, к Кречетову отношения не имели, никто их за язык не тянул, и однако...

На кафедре патофизиологии в ассистентской кроме меня собрались трое. Старшая лаборантка Пепрония Саркисовна, она же просто Пепа, донельзя разговорчивая, однако себе на уме, Дзачковский, бывший аспирант с кафедры физиологии, по немалому благу, потому что отец его заведовал военной кафедрой в институте, пересевший в кресло ассистента по психиатрии – был он совсем не глуп, но какой из него без всякого опыта психиатр? – и ассистент Лиля Ефимовна Сокольская. Про Дзачковского я не знал, мы не были с ним близко знакомы, но Пепа и Лиля обе были вполне прогрессивных взглядов и наверняка втайне сочувствовали бедняге Кречетову. Не знаю, насколько они разделяли его взгляды, насколько верили в ленинский сифилис и интересовались партийной бюрократией, но власть недолюбливали точно. Мало того, проницательная Пепа не так давно читала заветные тетрадки и тайно делилась со мной: «Здорово написал. Какой сюрприз будет Татьяне Васильевне. Вот партийная мымра. Меня в свое время чуть не завалила. Не знаю, был ли сифилис, но – здорово!» И она же, Пепа, предупреждала меня насчет доцента Шатихина, чтобы держал при нем ухо остро и ни-ни, доносчик, – у нее, у Пепы, был знакомый лейтенант в органах, вроде бы бойфренд, как сейчас говорят. Вот он-то, этот лейтенант, и предупредил ее насчет Шатихина. «Сучья работа у него, – делилась Пепа, – его тошнит там, но платят хорошо, и – куда с его дипломом? А тут надбавки, квартира, звездочки. Вот он и сидит».

...Вроде бы никто не тянул за язык. Дзачковский зашел в гости, сопровождал на лекцию профессора Дождева. Пили чай, разговаривали. И вот тут первой выступила Пепа.

– Что у вас там? Говорят, он не один? Собирались, обсуждали. Целая группа. Это же надо такое написать. И как земля после этого носит? С ума, что ли, сошел? В нашей стране такое мог написать только сумасшедший.

– Ищут, с кем он еще, – охотно подтвердил Дзачковский. – Больные люди. Это, я не исключаю, индукция. Среди больных встречаются всякие: и с антисоветским бредом. И с сверхценными идеями. Сейчас разбираются. А может, яблоко от яблоньки, как говорится. Маскировался, а родители, бабушки-бабушки были кулаки. Вот и вышла ущемленная личность.

– Да он вообще какой-то странный. Ни то ни сё. Я его видела как-то, – вступила Лиля Ефимовна. – Все в сторону смотрит. Как говорится, в тихом омуте черти водятся. Жену его, Татьяну Васильевну, жалко. Парторг столько лет.

– Какой там парторг, – возмутилась Пепа. – Под носом не увидела. Как теперь будут жить? Ведь враг он. Я даже представить себе не могу. Настоящий пасквиль написал. Хотя не читала, – поспешно добавила Пепа.

«Ну точно как с Пастернаком, – подумал я. – Не читала, но осуждаю».

– Неприятная история, – снова заговорил Дзачковский. – Там несколько человек с ним шушукались. Теперь с ними беседуют. Из таких и выходили полицаи. Хотя по мне, так не совсем нормальный, может, даже больной человек. Как минимум ущемленная личность. А может, хуже. Вялотекущая шизофрения. В свое время многие сидели. И вот дети, внуки. Даром не прошло. Начало шизофрении.

– Чего уж ему не хватало? – вздохнула Лиля Ефимовна. – Как сыр в масле катался.

– Я бы таких расстреливала, – энергично сказала Пепя. – Казалось бы, все ему, а он... ну чем он мог быть недоволен?

Я сидел молча, спиной к ним. Мне было любопытно, но еще больше стыдно слушать, как вроде бы неплохие люди, не доносчики, – разве что Дзачковский, про него я ничего не знал, – притворяются друг перед другом. Зачем? Ради чего? Особая форма эксгибиционизма? Мне хотелось возразить им, сказать, что в целом он верно написал и что во все не Кречетов болен, но я промолчал. Не решился. Я знал, что нельзя.

Знали ли мы, я в то время о советской карательной психиатрии? О больницах-тюрьмах, куда запирали инакомыслящих – на годы, на жизнь? Да только ли инакомыслящих? Про сульфозин¹², вызывавший страшное, болезненное возбуждение и температуру, про инсулинокоматозную терапию¹³, про карцеры и побои, про пытки водой, про закручивание в мокрые простыни¹⁴, про садистов в белых халатах и санитаров-уголовников, про исключение Всесоюзного научного общества невропатологов и психиатров?¹⁵ Мне трудно

---

¹² Сульфозин – препарат, получавшийся от возгонки серы в персиковом, оливковом, прованском и других маслах. При подкожных и внутримышечных инъекциях вызывал очень сильную пирогенную реакцию и психомоторное возбуждение. Использовался в качестве «лечения» инакомыслящих и других неугодных лиц, подвергавшихся принудительному психиатрическому лечению.

¹³ Посредством введения инсулина вызывался гипогликемический шок.

¹⁴ По мере высыхания простыни или полотенца стягивали тело все сильнее, вызывая очень сильные болевые ощущения.

¹⁵ В 1977 году Всемирная психиатрическая ассоциация на конгрессе в Гонолулу (США) выступила с громким осуждением практики репрессивной психиатрии в СССР. В 1983 году накануне очередного конгресса ВПА с критикой СССР выступил ряд национальных обществ, в связи с чем, опасаясь осуждения, Всесоюзное

вспомнить, когда я обо всем этом услышал впервые, наверное, позже, но кое-что доходило. Про академика Андрея Снежневского¹⁶ и Институт имени Сербского¹⁷, про абсурдно-расширительное толкование шизофрении, когда диагноз этот использовали в борьбе с инакомыслием, про генерала Петра Григоренко и Жореса Медведева, про Наталью Горбаневскую. Нет, что-то я все же знал. Слушал по голосам, знал от сестры.

Саша Дзачковский не зря заговорил про шизофрению. Едва ли он мог сам выдумать столь серьезный диагноз. Психиатром он был без году неделю, так что скорее повторял слухи. А слухи рождались не просто так: новая мода – считать инакомыслие формой шизофрении рождалась в Москве, в Институте психиатрии, обосновывалась научно и, как всякая столичная мода, распространялась по всему Союзу.

Но вот парадокс, на сей раз не обошлось без Татьяны Васильевны Кречетовой, супруги. Деловая женщина, решительная, умная, со связями, она могла бросить своего непрактичного, странного супруга. Многие и ждали от нее. Но – нет, не бросила, стала бороться.

научное общество неврологов и психиатров добровольно покинуло ВПА. В период перестройки практика репрессивной психиатрии была прекращена и Всесоюзное научное общество невропатологов и психиатров восстановлено в ВПА.

¹⁶ Академик Андрей Владимирович Снежневский (1904-1987), ведущий советский психиатр, развивал концепции о так называемой вялотекущей шизофрении и о сутяжно-параноидальном развитии личности, позволявшие применять психиатрические «маски» ко всем несогласным. Эти концепции были отвергнуты во всех странах мира, кроме СССР и некоторых восточноевропейских стран-сателлитов.

¹⁷ Институт им. Сербского – Институт судебной психиатрии, где осуществлялись психиатрические экспертизы, посредством которых очень многим диссидентам и другим людям были «пришиты» психиатрические диагнозы.

Но очень уж по-иезуитски стала бороться. Помню, как поначалу осуждала ее сестра. Не одна сестра, многие. Думали, что хочет запереть Дмитрия Васильевича в психбольницу. Потому что что ни говори, а не верили в эту самую вялотекущую шизофрению. Смеялись, анекдоты рассказывали. Только анекдотом систему не перешибешь.

Между тем Татьяна Васильевна сориентировалась. Уж кто-кто, а она-то понимала, что к чему. Вот она и добилась, чтобы Дмитрия Васильевича отправили в Институт имени Сербского, и сама поехала вместе с ним. Только он – этапом, а она на самолете и, рассказывали, установила в институте все нужные связи. В самом деле, свой человек, медик, без пяти минут доктор наук, невролог, к тому же обзавелась множеством рекомендательных писем. Говорили, из горкома звонили директору института. Да и просила-то она не как все. Все сопротивлялись, доказывали, что здоровы, протестовали, обвиняли в пособничестве врачей, кто позначительней или пораскрученной – встречались при первой возможности с иностранными корреспондентами, о них писали за границей и вещали голоса, а тут, наоборот, раскаивались и просили поставить диагноз. Дмитрий Васильевич, судя по поведению, уже выздоравливал, не упорствовал, признавал: и что у Ленина инсульт от атеросклероза, редчайшая форма, и что Сталин не маньяк – перегибы, да, имели место быть, культ личности, так об этом все было сказано на XX съезде; да, лес рубят, щепки летят, но никакого такого диагноза. И диктатура бюрократии – бред. Из Маркса и Ленина слова не выкинешь: диктатура пролетариата. Как утверждали классики, так и есть. Под диктовку Татьяны Васильевны все написал Дмитрий Васильевич.

Да, только перо заскрипит, только пачка купюр из рук в руки – только не бред ли насчет

купюр? Не очернительство ли? – И готов диагноз. Вялотекущая шизофрения. Наша, советская. В стадии наступающей ремиссии. Всего-то и симптомов, что слишком умный, что выше других себя мнит, комплекс Наполеона в некотором роде, а ведь обыкновенный человеческий винтик в стране Советов. Бред высокомерия, вот что. Заносит наших непрактичных интеллигентов.

Полгода примерно пролежал Дмитрий Васильевич в больнице. Да и то никакого сульфозина, никаких простыней и побоев, в санаторном отделении пролежал, для блатных. И вот вышел. Ремиссия. Полная. Посвежел, пополнил, физический труд пошел на пользу. Не голодал. Посылки с колбасой возила Татьяна Васильевна. Персонал был доволен настолько, что не хотели отпускать. Да и была ли шизофрения? Или шизофрения как ОРВИ?

Вернулся Кречетов незаметно, вступил на прежнюю должность. Больше не пишет. Тут бы и конец нашей истории, но... Не для того столько сил положила умнейшая Татьяна Васильевна.

Через месяц примерно спросил я у сестры:

– Ну как там ваш Кречетов, не пишет больше? Очень неплохой писатель, между прочим. Жалко, что так.

– Ты разве не слышал? – удивилась сестра. – На днях состоялось партийное собрание.

– Ну? – заинтересовался я.

– Восстановили Кречетова в партии, – с хитрой улыбкой сообщила сестра. – Он ведь не просто так, в болезненном состоянии писал. Есть, оказывается, такой бред, антисоветский. Теперь его излечили. Ремиссия. Он же не может отвечать за то, что писал в бреду.

– А американцы? – изумился я. – Они тоже в бреду? Вся зарубежная философия, история – бред?

– Выходит, что да, – засмеялась сестра.

– Знаешь, кто больше всех пострадал? – спросила она через минуту.

– Кто?

– Дождев. Врачи вставляли и спрашивали: «Как же так, Адольф Маркович, вы не заметили, что Дмитрий Васильевич болен? Что у него эта самая, вялотекущая? Может быть, вы не согласны с диагнозом? Не верите в вялотекущую шизофрению, в новейшие достижения советской психиатрической науки?»

– А он?

– Он стал объяснять, что в начальной стадии распознать вялотекущую шизофрению очень трудно. Иногда даже невозможно. Что в таких случаях от доктора требуется особая интуиция.

– Но ему, конечно, не поверили? Люди же понимают, что к чему. Все же врачи, а не ветеринары. И как в итоге проголосовали?

– Единодушно, – засмеялась сестра.

«А ведь здорово, – подумал я. – Прямо анекдот. Неужели об этом когда-нибудь можно будет написать?» И вот через сорок пять лет...

Дмитрий Васильевич Кречетов больше никогда и ничего не писал и, сколько я знаю, совсем не интересовался политикой, разве что совершенно тайно, так что даже в девяносто первом году сдал свой партбилет одним из последних.

Татьяна Васильевна вскоре успешно защитила докторскую диссертацию. Говорили, что диссертация была слабая, едва ли тянула больше чем на кандидатскую, но диссернета еще не существовало. Зато короткое время спустя, как и ожидалось, она стала заведующей кафедрой. И только Дождеву не повезло. Буквально пару лет спустя его отправили на пенсию. Но вовсе не из-за того, что просмотрел вялотекущую шизофрению, – история эта на удивление быстро забылась, – а потому, что его собственный племянник уехал в Америку.

Леонид Подольский родился в 1947 году. Окончил Ставропольский медицинский институт. Кандидат медицинских наук. Автор книг: «Потоп» (1991), «Эксперимент» (2012), «Идентичность» (2017), «Судьба» (2017). Готовит к изданию эпические романы «Инвестком» и «Распад» (частично публиковались в виде отрывков). Публиковался в журналах «Огонек», «Москва», «Юность», «Дети Ра», «Зинзивер», «Российский колокол», «Кольцо А», «Зарубежные записки», «Южное сияние» (Одесса), «Новый ренессанс» (Германия), «Семь искусств» (Германия), в «Литературной» и «Независимой газете», в альманахах «Московский парнас», «Золотое руно», «Муза», «Созвучье муз» и ряде других изданий. Лауреат и дипломант премий «Лучшая книга года» и «Герой нашего времени». Главный редактор альманаха «Золотое руно» и одноименного интернет-портала.

Евгений Тоневицкий, Марина Бозин – “Между мирами” (графика)

СОДЕРЖАНИЕ

ВЕСТНИК	1
К ЧИТАТЕЛЯМ	2
НАШИ ИСТОКИ.....	2
<i>Петр Струве: ДУХ И СЛОВО ПУШКИНА</i>	2
От редакции:.....	2
I. Дух и душа Пушкина	2
II. Слово и слова Пушкина	4
III. Судьба и рост Пушкина как культурного явления.....	5
IV. Величие Пушкина.....	6
V. Ясная тишина.....	7
ПРИМЕЧАНИЯ П. СТРУВЕ.....	8
<i>Инна Грубмайр: Кафе «Пушкин» и памятник Александру Сергеевичу в Брюсселе.....</i>	11
Розыск материалов	17
КАЛЕЙДОСКОП СОБЫТИЙ	23
Джаз сквозь культуру.....	23
Встреча в мэрии Нью-Йорка.....	23
125-летие Осипа Мандельштама.....	23
Встреча с Летисией Джеймс.....	24
Пушкин и Чайковский	24
Итоги конкурса «45-й калибр».....	25
400-летие смерти Шекспира	25
Александр Пушкин и Леся Украинка	25
Заккрытие Фестиваля документального кино	26
Поездка в Вашингтон	26
Вручение медали Евгению Евтушенко	27
Фильм Нины Зарецкой о Евтушенко	27
Посещение музея имени А. С. Пушкина в Киеве	27
Встреча в Союзе писателей Америки	28
Встреча с Летисией Джеймс.....	28
Арт и шоколад, кабаре-аукцион	28

Геннадий Кацов и Дмитрий Гаранин в NWU	29
Творческий вечер Нины Косман	29
НОВОСТИ	32
ПОЭЗИЯ.....	33
<i>А. С. Пушкин: ОТРЫВКИ ИЗ ПУТЕШЕСТВИЙ ОНЕГИНА</i>	33
<i>Марина Корсакова: МОЛЧИ, ПОЭТ, ВЫДУМЫВАТЬ ГРЕШНО</i>	36
<i>Геннадий Калашников: КАК РЫБЫ ВПЛЫВАЕМ В ПЯТНО ЗАРИ</i>	40
ПРОЗА НАШИХ АВТОРОВ	55
<i>Наталья Асенкова: НА ФОНЕ КОРМИЛЬЦА</i>	55
<i>Анна Немеровская: История Давида, рассказанная им самим в Венской гостинице в последнюю ночь перед отъездом</i>	68
<i>Леонид Подольский: ВЯЛОТЕКУЩАЯ ШИЗОФРЕНИЯ</i>	74
СОДЕРЖАНИЕ.....	85

Автор идеи выпуска «Вестника»: *Р. В. Полчанинов*

Президент: [Виктория Курченко](#), к.и.н.

Ответственный редактор: [Дмитрий Гаранин](#)

Редколлегия: [Борис Борукаев](#)
[Инна Грубмайр](#), к.ф.н.
[Наталья Мизури](#)

Электронная почта: *Dmitry Garanin* <einschlag@gmail.com>

Пушкинское общество Америки: <http://www.americanpushkinsociety.com>